

МАКС БОДЯГИН
МАШИНА СНОВ

Максим Бодягин

Машина снов

«Издательские решения»

Бодягин М.

Машина снов / М. Бодягин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500843-5

Действие этого остросюжетного романа происходит в Старом Китае. Основатель династии Юань, монгольский хан Хубилай велит юному Марко Поло построить машину снов, которая бы записывала и воспроизводила для старого императора чужие сны. Вскоре при дворе богдыхана происходит череда таинственных смертей. Разгадывая их тайну, Марко взрослеет и впервые сталкивается с изнанкой власти, узнаёт, какова бывает сила любви и какова бывает глубина предательства. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-500843-5

© Бодягин М.

© Издательские решения

Содержание

Раз	6
Два	17
Три	25
Четыре	35
Пять	53
Шесть	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Машина снов

Максим Бодягин

Историку приходится иметь дело не с тем, что действительно было, а только с событиями предполагаемыми: так как только эти последние имели следствия. И точно так же с предполагаемыми героями... Историки рассказывают о вещах, которые никогда не существовали, разве только в воображении.

Фридрих Ницше. Утренняя заря

КУБЛА-ХАН: Возможно, этот наш диалог ведут два оборванца с кличками Кубла-хан и Марко Поло, которые роются на свалке, разбирая железки, тряпьё и обрывки бумаги, и, опьянев от нескольких глотков дрянного вина, видят, как вокруг них сверкают все сокровища Востока.

ПОЛО: Возможно, от мира осталась пустыня, покрытая отбросами, да висячие сады в царстве Великого хана. Только наши веки разделяют их, но неизвестно, что внутри и что – снаружи.

Итало Кальвино. Невидимые города

Дизайнер обложки Сергей Шурупов

© Максим Бодягин, 2019

© Сергей Шурупов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0843-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раз

Когда порубленное тело быка уволокли со двора рабы, Марко вышел из-за колонны и сощурился от белого катаяского солнца, нещадно бившего в глаза. Хубилай поднёс к обвислым негустым усам чашу с дымящейся бычьей кровью и жадно выпил, двигая кадыком. Низкорослые рабы-южане посыпали двор ослепительно белым песком. Песок быстро намокал, становясь сначала жёлто-перечным, а за-тем янтарным. Слуги смотрели в пол с навек застывшими на лицах масками преданности. Лживые суки. Хубилай, тяжело дыша, вытер кривой меч куском багрового шёлка, вложил его в узорчатые ножны и передал слуге. Слуга, пятясь и кланяясь, растворился в полутьме галереи. Марко учтиво поклонился, Хубилай засмеялся в ответ и хлопнул венецианца по плечу так, что тот покачнулся.

– Я уже стар, Марко, – всё ещё смеясь, сказал Хубилай. – Ты всё видел?

– Да, Кубла-хан, – наклонил голову Марко, – я всё видел и вовсе не считаю вас старым.

– Все купцы льстивы, и даже ты, мой мальчик, даже ты не являешься исключением, – снова захохотал Хубилай.

– Сам я в Венеции родной искусником в сабельном бою считался, да и разбойникам не раз отпор давал. Потому вполне могу верно оценить вашу силу.

– Будь я в твоём возрасте, я бы убил этого быка руками. Изнежился я с этими катаяцами. В Степи мы отбивали скоту рога кулаком. Я сам выхватывал у бегущего быка клочок чёрной шерсти, прямо вместе с кожей и мясом. А когда он одуревал от боли, я отбивал ему рога и сворачивал шею.

– Я знаю, Кубла-хан, мне рассказывала Хоахчин.

Хубилай подошёл к бочке с водой и с наслаждением опрокинул её на себя, отряхиваясь и фыркая, как пёс. С его сизой от седины косы слетали стеклянные брызги, седая же, изуродованная косым сабельным шрамом грудь усеялась рубиновыми бусинами: вода смешалась с покрывавшей Хубилая бычьей кровью, играя в лучах утреннего, но уже жгущего солнца. Слуга-катаец поморщился. Варварская дикость, из этого мунгальского ублюдка невозможно сделать достойного императора Поднебесной. Марко взял из рук слуги тонкое полотенце, сурово глянув ему в лицо. По жёлтой пергаментной коже старика тут же растеклась приторная медовая улыбка. Марко подал полотенце Хубилаю, тот, продолжая с удовольствием сплёвывать с намокших усов смешанную с кровью воду, стёр холодные капли с рук и плеч.

– Завтракал? – спросил Хубилай.

– Нет, только что встал.

– Тц-тц-тц, – неодобрительно поцокал языком Великий хан и хлопнул в ладоши. В полутьме галереи проявилась грушевидная фигура евнуха Цзы Чэня. – Вели Хоахчин, чтобы нам у Пэй Пэй накрыла. Возле Драконьих прудов завтракать будем.

Пэй Пэй совсем ребёнок. Или вроде как ребёнок. Азиатские женщины вообще непонятные. Сколько им лет, не разберёшь. Вот она ребёнок, и вдруг – уже старуха с кожей сухой и мятой, как катаяская бумага. В одночасье меняются. Поразительная вещь, кстати, эта бумага. У них и деньги из неё делают. И письма пишут, и книги. Хрупкая только, хоть и нежнее любого пергамента. Сомнёшь случайно лист той бумаги, он уж и не восстановится, весь в морщинах будет, как старушечья кожа. Марко посмотрел на Хоахчин, чьи карие глаза были совсем как полосочки среди других морщин. Сколько ей лет? Она ещё деда Хубилаева кормила грудью. Здешние знахари на долготетии все помешаны, делают пилюли такие, что никакая зараза не возьмёт. Хоахчин и двести, может, уж исполнилось. Чудная бабка. Ты, говорит, молодой, тебе наложницу горячую надо, но ласковую.

Пэй Пэй. стыдоба-то какая, живём невенчаны, да и живём-то смешно, в грехе всё. Отцу не говорил ещё, боюсь. Рука у него тяжёлая. Да и Матвею не сказал пока. Что значит «живём», спим в раздельности, она на женской половине, а Марко справа от Хубилаевых покоев. Он, Хубилай, спальни меняет каждую ночь, благо дворец как отдельный город. И никто не знает, кроме малого числа слуг, в какую ночь Хубилай будет там-то ночевать. Чтобы безопаснее было хану. А Марко везде за ним следует. А вот приспичит ему, Марку... плоть-то слаба человеческая... Пэй Пэй как знает, что прийти надо. И как она узнаёт, где он ночует сегодня и когда прийти нужно?

Пэй Пэй. Вся в шелка окутана, двигается неслышно и плавно, как дух бесплотный. А кожа под шёлком горячая, душистая. Поглядеть, так и смотреть-то не на что. Дома, в Венеции, женщины статные, говорят гордо, смеются громко. Итальяское жизнелюбие. А здесь? Шея тоненькая, груди как яблоки, сосков почти не видать. А волос, стыдно сказать, нигде на теле нету. И бутон Венеры у неё, как у маленькой девочки, голенький весь. И вот ведовство какое: смотреть не на что, плоти-то и нет вроде никакой, а забыть невозможно. Как начнёт говорить, голос льётся, звенит колокольчиком, да так ласково, что весь дрожишь в огне бесовском и в предчувствии греха трепещешь, колени слабнут, стынет кровь в членах, и словно греческим огнем жидким, а не кровью, жилы налиты.

Ох, Пэй Пэй, пропажа моей душе бессмертной! Даром что язычница, умна, чертовка. Бывало, можно ночь целую слушать, как она про героев катаяских рассказывает. Тот тигра убил кулаком одним, ещё сильнее Хубилай был герой. А тот – в обезьяньем облике всех обманывал, да так искусно. Смотришь, а в просвете между бумагой на окошке уже сереет, солнышко зовёт встать с постели. Да только как с неё встанешь, когда Пэй Пэй тут, тонкая, как кисточка, которой катаяцы пишут. Учит писать на вэньяне, иероглифы катаяские, совсем не то, что латиницей. Так ведь как учит. Вот, говорит, картинка, означает «преданность», и рисует на груди у Марка. А теперь, господин, на мне рисуй. А вот, говорит, «благоденствие». Но не скажу, где рисует, неудобно это. А то ещё, когда в постель ложится, всегда моется подолгу и Марка заставляет. Марко сначала всё быстро выпрыгнуть из бочки хотел да поскорей в постель. Смеется, говорит, нет, нельзя быстро так. Наслаждение, говорит, торопливости не любит. После, на другой день, служанки её пришли и давай Марка мыть. Руки жгучие, глаза чёрным наведённые, губы красным. Раздели втроём его, а меж собой всё смеются, ах, хорошенький какой, молодой господин, счастливая эта Пэй Пэй! И что наделали?! Всем телом тёрли Марка, отмывали, маслом натирали, несколько раз он осрамился, не удержал семени. Не хотел к Пэй Пэй идти, боялся, больно стыдно. А та смеётся, говорит, то хорошо, мой господин, если тебе хорошо было. Вот бесовка, что делает с душой христианской! А покаяться некому. Был священник-несторианин, так ему что каяться? Всё равно как сарацину какому. А добрых католиков здесь Марко да отец с Матвеем.

После завтрака Марко всегда чувствовал себя отяжелевшим, ну невозможно столько жрать с утра, эти степняки хотят убить его обжорством. Марко предпочёл бы позавтракать с Матвеем и отцом, вот это нормальная, хоть и местная трапеза. Да Хубилай его всё держит при себе, а отец живёт в дальнем предделе вместе с Матвеем. Ладно, если хоть раз в день его изда-лека увидишь. Сыра вот здесь, в Катае, днём с огнём не найдёшь, да и молоко катаяцы не пьют, за отраву считают. Змей зато едят, и не противно. Татары тоже сыру не едят, пьют кумыс только. Сказал как-то Хубилаю, что хорошо бы сыру козьего наделать, так император хохотал так, что стены тряслись. В Степи-то ел, поди, сыр-то. Теперь хочет за катаяца сойти, выучиться мудрёным этикетам, Кун-цзы читает, Конфуция то бишь, наложниц себе завёл из семей знатных, одевается по-местному. А всё одно учёного из него не сделать – первый раз человека убил, когда ему пять лет было, а потом и подавно. Всю Поднебесную с мечом прошёл. Великий воин. Даром что выглядит как зверь, ростом выше медведя, если бы тот на задних ногах стоял, да

и силищей такой же будет. Как у Гомера: *«Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно»*. Зверь на вид, а умом живой, ясный. Другой просто, не наш. На портретах-то его катаяцы красивее рисуют. С другой стороны, чего там рисовать? Одни шрамы и будет видно, а никаких таких черт лица не видать. Всё порублено. Кровь пьёт бычью, конскую тоже, говорит, вся сила боевая в этой крови есть. Хоахчин рассказывала, когда он в поход идёт, так еды с собой берёт немного совсем, а голодный будет – ткнёт коню в жилочку на шее, попьёт немного, силы восстановит и ранку залепит смолой. Может так неделю ехать. Но вот во дворце жрёт, как будто вообще никогда не ел. И Марка заставляет.

Конечно, ясен секрет, почему это Хубилай его так любит, Марка-то. Поначалу опасался, конечно. В Китае мальчики в наложниках – обычное дело. Богопротивно, тьфу, а вот для идолопоклонников ниче-го, у них свои законы. А потом понятно стало – сын Хубилаев, Темур, тот, что старший, падучей страдает, говорят о нём дурное. Хубилай всё на войне, всё в походах, некогда было в покоях валяться. И что? Империя такова, что объехать нельзя, а Хубилаю и передать её некому.

Возразил раз Марко хану, говорит, у вас, Кубла-хан, десять тысяч наложниц, как это сына нет? Такого, чтобы Империю удержать в руках, – нету, сказал Хубилай, да как зыркнет из-под шапки ханской. Двадцать два придурка родилось от моего семени, говорит, а надежды – никакой. Тот, что Чиншином звался, в память Тэмуджина Чингиса, вот тот – мог. Он бы великим ханом был бы, да умер рано.

А так-то, если посмотреть, Марко – достойный сын посланника венецианского, хоть и годов небольших. По латыни и на греческом разумеет и вообще ко всем языкам человеческим способен. Бывало, месяц послушает язык чужой – и уж говорит на нём, как на своём. Ещё через месяц и писать может. За то его отец с Матвеем и взяли с собой в посольство к Хубилаю. И собой пригож Марко, и морское дело знает добро, и курс проложит, и ветер какой надо поймает. Учён арифметике, богословию и в сабельном бою способен. С сицилийскими пиратами воевал, плечом к плечу с отцом, с малых лет. В Венеции на Марка многие добрые семьи виды имели. Жених выгодный, рода извест-ного. Отец с Матвеем у самого легата, ныне понтифика, Григория Пьяченцкого на службе состоят.

Венеция... Снова во сне видел. Зыбкий туман над каналами. Плеск воды под балконом. Хорошо у Хубилая, а домой хочется часто. Ганбалу тоже город большой и красивый, да только Венеция милая манит. Не пустит Хубилай. Говорит, что впереди у Марка судьба большая. Империя огромная разлеглась, распласталась на половину Суши. Языков, народов, законов намешано, как узоров у Пэй Пэй на покрывале. Гонцы у Хубилая спорые, да и бойцы знатные, а вот ума не дал Господь-то. Дикие они. Поскачут-поскачут, в месяц полсвета, кажется, объехать могут, кого надо разыщут, а рассказать о том не могут. Хубилаю же знать надо, в каком углу у него что происходит. Вот хан Марка в свои посланники и готовит. Языкам катаяским его Пэй Пэй учит, Конфуцию, как империя устроена. Сабельное дело тоже татары да катаяцы учить заставляют по-своему. Да всё подлые такие приемы, фокусы с подвертом, чтобы можно было хоть и одному, а целой банде разбойников задать жару.

В библиотеке почти всегда прохладно, от жары хорошо пря-таться. Хубилай распорядился, говорит, с каждой завоёванной земли мне книги лучшие везите. Надо знать, как народ там промышляет, в каких богов верит, какому закону подчиняется. Всё про то в книгах есть. И другие книги других стран тоже со всей земли везут ему посланцы. У сарацин, к примеру, книги такие есть жизненаучительные, как править многим людом, как недруга поостеречься,

как интригой ловкой престола лишить кого, а как – самому удержаться на царстве. Сарацинские учёные такие книги пишут только те, кто давно на царской службе находится. Такой человек *вазир* называется. Трудно у сарацин до таких-то лет дожить – племён у них много, да и злые они. При царях сарацинских чуть что – сразу казнят, да половину по навету. Да и среди татар Хубилаевых сарацин немало. Слово Божие им неведомо, антихристам, отец говорит. А Марко слышал, что в математике они хороши да в астрономии, и астрологи знатные. Книги у них хороши, много мудрости в них. Труден арабский язык только, не столько язык, как письмо. Как начнёшь козявки разбирать, поначалу всё одно как будто муха по чернильнице проползла, а потом след оставила. К китайским гиероглифам уже привык – они сейчас важнее. Особенно ему такая картинка нравится: словно бы кораблик маленький, только не наш, а джонка китайская. У ней паруса, как птичьи крылья, узенькие, как перья, и много их. Такой кораблик *до* называется, а то ещё *дао*. Это «путь» на китайском. Хубилай ждёт, что Марко ему верным слугой будет, в путь отправится.

– А правда псоглавцы на земном краю живут? – спрашивал Марко слепого библиотекаря.

– Про земной край неверно, а что головы у них пёсьи, то правда, – отвечал библиотекарь сиплым голосом. Древний он, как Хоахчин, слепой, глаза белые, и голова – как курье яйцо в пуху. Идёт медленно, на трость опирается, а волосики так шевелятся, точно нити шёлковые, лёгкие. Только даром что старый, ум ясный, как у Хубилая.

– А где живут?

– На Агнамане-острове, как от Явы плыть.

– А я их увижу?

– Царей они не знают, а чужеземца встретят, так съедят. Незачем их искать.

– Так, может, их и нет вовсе?

Смеётся библиотекарь. Он на всех языках толмач, все наречия знает. Сегодня на латинском говорили, а завтра на корейском его спроси – он и так ответит. Как его имя, Марко не запомнил, а переспрашивать не стал – неудобно.

– Ах, Марко, неужели ты по молодости не понял ещё? Коль что-то выдуманно, так где-то в свете оно обязательно есть.

– И чудеса?

– И чудеса. Вот неужели не покажется чудесным, как гнилые язвы плесенью особой лечат? А как стену Александр Великий от татар воздвигнул от одного края Суши до другого? А как индийцы могут алмаз разрезать, словно катышек масла? А как сарацинскую саблю вкруг бёдер обернуть можно, а она не сломится? Чудеса?

– Ага.

– Всё, что люди считают реальностью, – это и есть реальность. Всё, что ты считаешь существующим, существует. Ты говоришь, что Бог есть, и тогда для тебя Он есть.

– Не говори так, прошу. Ересь это, бесовство языческое, – быстро сказал Марко и отвернулся к пергаменту.

– Отворачиваясь от неприятного, не достигнешь цели. Стремясь только к приятному, не избежешь боли, Марко, – засмеялся библиотекарь, уходя в полумрак хранилища. – Жизнь всё равно больше, чем думает молодой венецианский купец. Мир разнообразен. Хочешь – смотри, а не хочешь – можешь оцепенеть и окупиться в своём страхе. Только вот бабочки из такой куколки не получится. И крыльев у тебя уже не будет.

Бедный Марко, думал про себя молодой венецианец, когда вечера удлинились и задул осенний ветер. Двор переехал в летнюю столицу, недавно отстроенную. В Канбалу зимой холода такие, что деревья трещат. Солнца стало меньше, погода испортилась, порывистый дождь сменился мокрым, хлещущим по глазам серым снегом. Итальянские кипарисы, призрач-

ные дворцы Венеции снова и снова входили в его сны. Купола соборов, острый сырный дух и терпкое красное, как кровь, деревенское вино, женщины, пляшущие с голыми ногами в карнавальную ночь, крестьянские бои на палках на площади, туманный утренний рынок и запах рыбы. Всё такое родное и далёкое, как будто было в прошлой жизни. Тьфу, снова ереси наслушался. Вот опять – «жизнь прошлая». Отец насмехается, спрашивает, может, сарацином станешь или в татары пойдёшь? Шутит, конечно.

Иногда в *той* Венеции, во сне, возвращалась мама. Черты лица её были неразличимы, но Марко знал, что это она, мама. Во сне она была огромной и очень тёплой, почти горячей, такой, как он запомнил её с младенчества. Марко с удивлением спрашивал: мама? это ты? Да, малыш, звучал полный любви голос. Глаза его вдруг наполнялись слезами. Ты умерла? Неважно, милый, смеялась мама. Марко смотрел на свои руки, они казались странно маленькими, с крохотными ногтями, испещрёнными белыми крапинками. Марку стало особенно удивительно, что на руках у него не было волос. Я ребёнок, подумал он. Это сон? спрашивал он себя, но в тот момент, когда он уже был готов утвердительно ответить, раздавался мамин голос. Марко, сыночка, смеялась она, уходя в туман, поднимающийся от поверхности канала. Увитая цветами, садилась от чего-то в китайскую джонку, и нарядный венецианский гондольер, плеснув длинным веслом, уносил джонку с мамой вниз, куда-то к морю, в туман. Мама? спрашивал Марко, пытаюсь понять, сон ли это. Но только скрип уключины и шуршание воды под днищем джонки были ему ответом. Шшшшшррррапппф, скользила лодка. Тсссрррринк, скрипела уключина. Шррап. Тссрринк. Шшшррап. Тссррринк. Шрррапппффп. Тттсссррринкк.

– Ты снова молчалив, – наклонив голову, заметил Хубилай. Было красивое зимнее утро, какое редко случалось в ветреном Канбалу. Черный Драконий пруд отражал огромные хлопья снега, как перья осыпавшиеся с небес. Словно птица Рух из сарацинских сказок меняет перья где-то выше свинцовых кудрявых облаков. Снег касался чёрного стекла воды и растворялся в ней без следа. Хубилай бросил с подноса горсть корма, и огромный столетний осётр, похожий на дракона, давшего имя прудам, легко плеснул волной прямо под мостками.

– Это неважно, – тихо отозвался Марко и взял палочками кусочек змеиного мяса.

– Я знаю, что, когда ты молчишь, ты снова видишь свою Венецию. Во сне ты снова был дома?

– Да, Кубла-хан. Вы, как всегда, правы.

...Днями он учился, думал о Венеции и, после часов, проведенных с Пэй Пэй, засыпал беспокойным сном. Во снах он плыл по родным каналам... и снова вглядывался в туман, в белёсые волокна набегающей с залива дымки.

– Расскажи, где и что ты слышал, Марко, – просил Хубилай долгими дождливыми вечерами, когда воздух напоён водой так, что не спасает от дрожи даже открытый огонь очага, только рисовое мутное вино и горячее женское тело. Окружённый юными наложницами, старый воин лежал на верблюжьих одеялах. Да-да, скорее расскажи нам, молодой господин, смеясь искривившись глазами, просили девушки.

– Есть города, Кубла-хан, где сами стены вызывают в тебе желание побыть ребёнком. Там нет ни опасностей, ни войн, ни гроз. Есть города, в которых ты постоянно преследуем адскими страхами, хотя повода для них нет, но сами улицы источают долгий ужас. Есть города, где красота повсюду, и ты никогда не можешь уснуть из боязни пропустить ещё что-то красивое. Есть города, настолько серые, что ты всё время трёшь глаза, потому что, как ни вглядываешься в такой город, ощущение того, что вокруг никого нет, не покидает тебя. А есть города, где ты постоянно одержим плотским желанием и всё вокруг тебя дышит тем же.

– И все из них ты видел наяву?

- Те, о которых говорил сейчас, я видел сам, Кубла-хан, так же, как сейчас вижу вас.
- А во сне ты видишь только Венецию?
- Да, Кубла-хан.
- Но если ты говоришь, мой мальчик, что каждый город для тебя по-прежнему остаётся отсветом родной Венеции, почему ты не видишь их? Тех, других городов? Почему ты не видишь их во сне?

И с тех пор ночи Марка стали другими. Он входил в свои сны крадучись, как, бывало, сходил на незнакомый берег, чтобы найти пресный родник, и не знал, что за приют ожидает их с отцом в этих местах. Марко входил в упругие объятия сна, проваливаясь назад, затылком, куда-то вдаль, словно падая в тёплую морскую воду. Он плыл по каналам Венеции, чтобы, завернув за знакомый поворот улицы, узнаваемой с детства, оказаться, благодаря волшебству сна, на шумном рынке Арзинги, поклониться храмам Акки, полюбоваться рубинами Басиана. Скоро улицы Венеции и её каналы сплелись во сне с тенистыми арыками Бухары, улочками Богада, её площади стеклись в единое с площадями Сандинфу, её храмы играли отсветом куполов града Константина.

Постепенно тоска о родном городе ушла, как ушло куда-то вглубь воспоминание о запахе молока рано умершей матери. Вновь появилось то же сосущее, как неуёмный червь, чувство, смутное желание нового, то самое, из-за которого он когда-то последовал за отцом и Матвеем в далёкий путь – отвезти масла лампы Иерусалимской в нечестивую языческую Канбалу. Как всё просто было тогда! Христианский мир, окружённый со всех сторон сарацинами и еретиками, казался источником единственно возможного света спасения для сынов и дочерей Господних. Всюду вокруг был мрак, думал Марко. Живя среди латинян в сердце цивилизованного мира, вода по утрам пальцем по молитвослову, твердя молитву вслед за падре Доменико, прислуживая ему в алтаре во время воскресной мессы, Марко слушал ангельские голоса хора и рос с убеждением, что всё что ни на есть в свете самого прекрасного, всё собрано в милой Венеции. *In nomine Patri, et Filii, et spiritus sancti*¹... А потом вселенная стала стремительно расти, да так быстро, что захватывало дух.

Иногда ночами он, как прежде, бежал вниз по кривому проезду Горшечников, к каналу, в надежде снова увидеть мать, но чувство было уже не таким детским, не таким беспомощно-слезливым. Марко бежал к туману, в надежде увидеть хоть что-то, хоть что-нибудь разглядеть в молочной, напоминающей кисель, туманной жиже. Он видел удаляющийся силуэт, и только пошипывание-поскрипывание напомидало ему об ушедшем сне. Шрррапп. Тссринк. Шшррап. Тсссрринк. Сзади что-то шевельнулось. Марко обернулся. На другом берегу узкого канала стоял человек в длинном, похожем на татарский, халате с застёжками под мышкой, из тёмно-синей хлопчатой бумаги. Длинные волосы незнакомца были заплетены в косу, в ухе висела большая серьга. Черты лица были смазаны, как обычно во сне. Но Марку показалось, что чужак улыбается. Шшшшррапп, ттсссринк, донеслось из тумана. Незнакомец зовёт его, понял Марко, и стало ему так неудобно на этом берегу, нужно туда, к нему, к чужому, он знает, где мама, он всё сможет рассказать. Марко огляделся, но в лабиринте улиц не было моста, ведущего на тот берег, к улыбочивому незнакомцу в халате.

Ещё вчера Марко видел лишь плешиватую голову фра Доменико, тёплые руки вечно стирающей бельё тётки Фьоры да чадающую масляную лампу над выскобленным деревянным столом в гостиной, где они с братьями и сёстрами учили псалмы. Труп пирата-сарацина, чужие

---

¹ Во имя Отца, Сына и святого духа (лат.)

монеты в сундуках на пиратском корабле, сабля бусурманская в орнаменте чужих ломаных линий – слишком быстро новые цвета и звуки вторглись в жизнь Марка. Он снова стоял над разрубленным трупом пирата... и почувствовал... то же лёгкое движение, обернулся, а за бортом, в сгущающемся тумане, стоит незнакомец в синем халате и улыбается. «Отец, возьмите меня с собой в посольство в Китай», – попросил он отца, стоя среди поверженных пиратов, и... проснулся от звуков своего голоса. «Скажи ещё что-нибудь по-своему, господин», – попросила Пэй Пэй, блестя в темноте нефритовыми глазами. Марко вытер щеки рукавом шёлковой рубашки и смочил ладонь в розовой воде из вазы у изголовья. «Сны, всё это только сны», – ответил он по-китайски.

– Ты рассказывал Пэй Пэй о разбойниках, – сказал Хубилай. – Расскажи и нам.

После первого боя с пиратами, ранившими Матвея и чуть не потопившими его корабль, Марко впервые почувствовал себя мужчиной. Он зарубил двоих. Ловкостью взял, силёнок-то ещё немного было, а сметлив был. К бухте каната пенькового прижался спиной, пират давай колоть его мечом... от темнозубого рта сицилийца дух кислый, пьяный, до сих пор помнится. Выпад, ещё один, меч застрял в спутанной пеньке, Марко бросился к багру и ударил разбойника в живот. Что-то мерзко чвакнуло, что-то тугое лопнуло навсегда в утробе сицилийца, и он обмяк вокруг багра, словно медуза, выпустив меч из мозолистой ладони. Марко потянул меч на себя. Тяжеленный. На клинке гравировка. И тут, пока меч разглядывал, слышит, Матвей откуда-то сбоку кричит: «Поворотись, Марко!» Повернулся, а сзади сарацин уже саблю занёс. Меч тяжёлый, размахнусь – так не удержу, подумал Марко. Сделал шаг в сторону и, как держал клинок, так сарацину по ногам наотмашь и лупанул. В аккурат под колени попал. Сарацин с обрубков съехал и грузно рухнул рядом с сицилийцем. Марко тут изо всех сил меч поднял и, не глядя – уж больно противно смотреть, – опустил его на бритый тёмный затылок, под полосатый фиолетовый тюрбан.

Отец с Матвеем что-то, слышно, кричат, а что – не разобрать, блевота подступила, запах крови всюду, лужи, прости, Господи Христе всеблагий, и Марко бросился, перегнувшись через борт животом, орошать мутно-зелёную воду недавно съеденным сыром.

Через малое время, может, полчаса, все трупы пиратские разложили на палубе. Ветерок трепал сарацинские шальвары, заголя обрубки. Марко, прижимая ладонь ко рту, чтобы унять неотступающую тошноту, смотрел на диковинную пиратскую одежду. Муслиновые жилетки, тонкие тюрбаны, огромные золотые серьги. Сицилийцы, сарацины, один грек, а двое на латинцев похожи, ровно как Чезаре Заячья Губа с соседнего квартала. А одеты всё одно чудно, не по-нашему. И тут, словно сквознячок из-под порога чересчур натопленной спальни, тихо-тихо потянул его к себе запах нового, даже не запах, а так, предчувствие, намёк, тонкий сладкий аромат, пугающий, зовущий. Как в детстве, когда, возвратясь из странствий, Матвей привёз гостинцы от отца и рассказывал ещё живой тогда матери про идолопоклонников, про жертвы. Страшно Марку, он под одеялом ёжится, а интересно голову высунуть, посмотреть – не здесь ли они? И боязно, и сладко.

Отец сидел, по-татарски поджав ноги, и задумчиво водил сухой кистью по карте Азии, где значками были отмечены города, товары, которыми они славились, и опасности, которые подстерегали купцов. Матвей, пожёвывая сухую палочку, какой тут зубы вычищают после трапезы, мастерил из щепочек китайскую лодку-джонку с маленькими татарскими рыцарями на борту. Марко вошёл в покои и еле сдержался, чтобы не броситься отцу на шею. Не одобрит, а может и по затылку съездить. Марко почтительно согнулся у порога, дожидаясь, когда его заметят. Хоахчин, проводив Марка до отцовых комнат, улыбаясь и кряхтя, пошла прочь, шаркая согнутыми от старости ногами.

– Ну, здравствуй, племянник! – как всегда громко закричал Матвей, стиснув Марковы плечи. – Николай, оторвись от карт, смотри – к нам пришел любимец Кубла-хана, какая честь! – и он насмешливо согнулся перед Марком в шутовском поклоне.

– Здравствуй, – сказал отец, сухо поцеловав Марка в щёку. Уколол синей щетиной, говорит сурово, а глаза блестят от радости. – Редко приходишь.

– Хубилай меня послом хочет сделать. Да не просто послом, а конфидентом своим в чужих странах. Готовит, заставляет языки учить, науку воинскую, езду по-татарски, чтобы мог из лука на скаку стрелять, и философию катайскую, и письмо местное: совсем времени не остается.

– Молишься? – строго спросил отец.

– Редко, – честно сказал Марко, потупив глаза.

– За честность хвалю, а вот за нерадивость надо бы тебе всыпать. Но молитва не частою повторения сильна, а сердечностью. Если можешь честно к Отцу Небесному сердцем обратиться, то вот тогда ты спасён. Садись к столу. Чай будешь?

– Не люблю я. Горький он, так я и не привык.

– Вина?

– Спасибо, не хочется пока.

– Хубилай говорит, что ты ему всё о снах рассказываешь? Берегись, дело то колдовством отдаёт.

– Кубла-хан всё о Венеции спрашивает, о городах, где мы бывали, а веры нашей он не трогает.

– Знаю-знаю, – засмеялся отец. – У Хубилая мать хоть и татарка, а крещёная была по несторианскому обряду. Он потому к Христовой вере близко стоит. Надо же и пошутить с тобой, а то ты скоро совсем татаринотом станешь, вот и платье-то на тебе катайское как ладно сидит.

– Пэй Пэй принесла, – сказал Марко и осёкся.

– Не переживай, мы всё знаем, – улыбнулся Матвей.

– Знаете?

– Хоахчин приходила, спрашивала у нас дозволения, – ответил отец. – Мы решили, пусть. Ты уже парень взрослый, всё вокруг чужое. Раз таков обычай у них, значит можно.

– Да и здоровее для организма, – хохотнул Матвей.

– Они, татары, тут Надом устраивали – боренья великие, – сказал отец, устраиваясь на стуле. – Съехались все – мунгалы, татары, кыпчаки, караи и ещё много народу степного. Больше тысячи борцов из всех племён татарских. Целую неделю вся Ханбала гудела. Праздник был великий. Хубилай борьбу любит и за наибольшую доблесть почитает. И один из мунгал, по имени Филэ, борец великий, всех на лопатки положил. Потом вызвал лучших борцов каждого племени, набралось пятеро охотников, и всех пятерых Филэ в одиночку зараз поборо. Его прозвали Даян Аврага – «всенародный исполин» по-ихнему, титул такой, навряде графского. Хубилай и обнимал его, и халат ему подарил ханский, дал скота и юрту новую, как у татар заведено. А потом женил его на луноликой девице, из придворных, важного катайского рода. Прошло три месяца, и девица жалобится Хубилаю, мол, что это за борец такой, твой Филэ, сколько времени прошло, а я всё ещё девица. Не трогает твой багатур меня. Хубилай во гневе зовёт к себе героя, а тот говорит: «Боюсь силу борцовскую потерять, ослабну я с девушкой в постели».

– И что? – не удержался, переспросил Марко.

– Хубилай ему сказал так. Борец ты великий, а ум у тебя мелкий. Дальше холки своего коня ничего не видишь. Ты теперь должен детей нарожать, наследников, борцов могучих, как ты сам, для будущих времён. И запретил ему в Надоме выступать, а с женой жить повелел каждую ночь. Так что не волнуйся.

Матвей, посмеиваясь, пододвинул Марку чашу с фруктами, переставил на столе свою деревянную маленькую джонку поближе и с хитрецей посматривал на племянника сквозь лес мачт. Марко с сомнением посмотрел на дымящуюся пиалку с ароматным чаем, пригубил, чтобы сделать приятное отцу. Горько, еле проглотил. Адово пошло, мало того, что на вкус мерзко, так ещё и горячо. Долго мусолил в руках горячую чашку, не решался сказать, а потом как-то сразу выпалил:

– Я пришёл спросить вас, отец... а как умерла мама?

– Почему ты спрашиваешь? – нахмурился Матвей.

– Вы никогда не говорили мне о ней, а теперь я часто вижу её во сне. Она идёт вдоль площади, мимо проезда Горшечников, через мост, сворачивает к каналу, я бегу за ней, но не могу догнать. Она смеётся, зовёт меня по имени, но я бегу слишком медленно, словно в воде. Потом она садится в гондолу, на ней гирлянда цветов и праздничное платье, гондольер отплывает, и мама скрывается в тумане. Только её голос слышно – Марко, Марко, сынок. И смех.

– И что? – после длинной паузы спросил отец, прикрыв глаза рукой.

– Я боюсь, отец. Это страшный для меня сон. Словно она утонула и зовёт меня с собой. Сначала мне очень тепло, я хочу снова видеть её и просыпаюсь с улыбкой на лице, как будто наяву разговаривал с ней. А потом... мне становится страшно. Как она умерла?

– Она не утонула. Она умерла от болезни, – быстро сказал Матвей. – Она болела недолго, и мы боялись, что ты заразишься от неё. Поэтому увезли тебя в дом к Фьоре, сказав, что мама уехала. А когда она умерла, тебя сначала не хотели ранить известием о её смерти, а потом... как-то всё сложилось так, как сложилось. Тебе просто тяжело на чужбине. Ты просто ещё не привык.

– Сны – это всего лишь морок, обман, Марко, – тяжело сказал отец. – В области Тебет живут чародеи-бахши, они могут ходить во сне, в чужие страны летать и чудеса всякие делают. Но то противно Богу, язычество это. Забудь о том, Марко. Живи с Пэй Пэй, учись прилежно, будь надёжным другом Хубилаю и послушным слугой. Матвей прав, ты просто ещё не обжился в Катае. Вот и всё. Молодой, привыкнешь ещё. А сны – дым это.

От отцовых покоев до Драконьих прудов полчаса идти, не меньше, если не в паланкине, конечно. Рядом, в двухстах шагах среди зелени высится Цветочный павильон, женский город, где Пэй Пэй живёт. Там же обитают десять тысяч наложниц ханских, бесчисленная армия служанок, мамок, нянек, кормилиц, фрейлин и жён придворных. Попасть туда, конечно, невозможно – евнухи не пустят. Для катаяца запрет великий даже посмотреть на ханскую наложницу.

Цзы Чэнь, жирная скотина, отъелся со слона индийского размером, при ходьбе колыхается как водяной пузырь. Ни за что не пустит даже рядом пройти. Но если у пруда посидеть, покормить осетров с полчаса, то обязательно Пэй Пэй выбежит.

«Выбежит», конечно, громко сказано: платье узкое, у щиколоток совсем на нет сходит, а сзади ещё шлейф тащится шёлковый, не набегаешься. Если далеко идти нужно, дальше полёта стрелы, то её рабы в паланкине везут. Идёт плавно, лицо словно фарфоровое, смотришь и ни за что не догадаешься, о чём она думает, как спала, какое у неё настроение, что она делала сегодня – ничего не понять. Розово-белая пудра, чёрные искорки глаз, брови, насмолённые дугой, всё приветливо, мило, ровно.

Так хочется иногда увидеть в этом идеально правильном лице сильное чувство. Хоть какое-нибудь: ревность, обиду, веселье. Ни за что. Не дождёшься. Всегда одно и то же. Хотя, что лукавить, это днём только. Ночью видно, что маска это. Пудра сотрётся, а под ней кожа смуглая, пряная, живая. А днём... так и хочется провести по щеке ладонью, она ли? А то вдруг искусная кукла китайская? Говорил ей как-то раз, спрашивал: «Пэй Пэй, отчего по тебе не разобрать никак – рада ты или печальна?» Смеётся в ответ, колокольчиком льётся: «Скажи,

молодой господин, если горшок окунать в кипяток, а после в ледяную воду, и так раз за разом в течение многих дней, что с ним будет?» – «Растрескается, понятное дело». – «Человек ещё более хрупок, чем глина. Поцарапать его, поранить гораздо легче. От сильной радости и сильного горя он разрушается». И снова смеётся, бесовка.

Ночью очертания меняются. Предметы лживыми становятся. Свет луны жидкий, чужой, словно нарисовано всё, а потом пальцем по краям изображений тушь подтёрта. Зажжёшь лампу, она сквозь фонарь бумажный янтарём тускнеет, выхватит из лунной жижи живую плоть – сразу легче. Люди ближе становятся, в круг огня жмутся, как мотыльки, тепло к теплу, а духам духово, тьфу-тьфу, чёрная полынь, за порогом сгинь. Цикады в бамбуковой клети возятся, крылышками шуршат (шшшшррррп), поют (ттссссрррринк) тихонько – холодно им. Огонь в лампе теплится, тени играют, время духов приходит, время людям осознать, как всё хрупко. Колокольчик бамбуковый за порогом мокрым снегом облеплен, стучит тоскливо, как сторож квартальный. Ставни хлопнут, ком снега тяжело хлопнет в бумажную перегородку окна, сливовое деревце шррп шррп в окно царапается тсррринк, словно пёс просится в дом. Кожа Пэй Пэй горяча, как чай. Из халата руку выпростаешь, вина налить, пальцы зябнут, скорей в рукав их обратно. Вино остыло, пьёшь, хмеля не замечаешь. Слова изо рта падают неловко, как рисовые комки, по полу рассыпаются на буквы, ан нет – по-итальянски бы рассыпались, а китайские слова коротки, словно пёс бежал-бежал, хочет гавкнуть, да задыхается. Хочешь что сказать, да лучше прижаться потеснее, поближе к мягкому, потеснее к тёплому, покрепче к нежному, полегче к сладкому. На огонёк глядишь и задремлешь ненароком на минутку, подбородок клюнет в шёлковый ворот, холодок укусит за оголившуюся шею, за обшлаг вкрадётся, и пробудишься опять. Вот так в полудрёме, как в маковом молоке дурманном, и течёт мокрая зимняя ночь, ветренная, чужая. То выплывешь из сна, то снова веки сойдутся-смежатся, огонь пожелтеет, цветы под веками разольются узорами, слова вязнут в слюне, руки слабнут, пальцы Пэй Пэй выскользают. Шёлк скользкий, как змея. Не поймать руками сонными.

Пэй Пэй, ты меня любишь?

...она перегнулась через гору покрывал... и дотянулась до вазы с фруктами... гибкая словно не из мяса и костей... а из шнуров шёлковых свитая... протянула яблоко... а глаза серьёзные... молчит... только слышно как за ночным окном... зимний ветер свистит...

...Пэй Пэй, ты меня любишь?..

...Люблю...

...Нет, правда. Любишь?..

...Нельзя мне, Марко (впервые она назвала его по имени). Я наложница. Ты господин. Ты свободен. Я нет.

...да как расплечется. Голову завернула в покрывало, попыталась отползти в сторону. Марко её обнял, покрывало снимает, а она не даёт, дурочка, стыдно это ей очень. По их понятиям самый распоследний стыд...

...Я могу тебя в жёны взять...

...Я старше тебя на восемь лет...

...Мне всё равно. Я хочу взять тебя в жёны...

...Кто же тебе отдаст?..

...Не хочешь?..

...Не хочу. Ты белый, чужак. Я катаянка. Мои родители умерли под саблями мунгал. Хубилай – твой друг, он тебе второй отец. А мне... Его нойоны вырезали всю мою семью... отца, мать, тётку, бабушку, деда. Четыре сестры проданы в рабство. Я больше никогда их не видела. Двое братьев... их связали, перебили позвоночник и оставили умирать на солнце. А я даже воды не могла им подать. На следующий день их живьём сожрали мунгальские псы...

...Не любишь...

...Люблю, Марко. И плохо это. Нельзя мне...

...Я сегодня с отцом говорил... Он разрешение мне на женитьбу дал. Только окреститься тебе нужно...

...Нет...

...Можно не сразу. Окреститься и потом можно...

...Если с Хубилаем что-то случится, тебе не жить. Ты это понимаешь?..

...Кубла-хан – самый великий владыка Суши, что с ним может случиться?..

...Многие хотят занять место великого хана, императора Юань. Его мятежный младший брат, предатель Ариг-Буга умер, на его место тут же встали другие. Хайду, внук Угэдэя, Найан-христианин, Хубилаев племянник, всех не перечислить. Они сразу убьют тебя...

...Завидуют?..

...Для нас ты – белый варвар, толком не знающий человеческого языка. А Хубилай так тебя возвысил... Пообещай мне, Марко, мой господин, что, как только ты почувствуешь, что Хубилай слабеет, ты тут же вернёшься домой. Прошу, пожалуйста, пообещай мне...

...Марко прошёлся по комнате... подошёл к окну... посмотрел на мокрые снежные полосы, расчертившие камни внутреннего двора... чёрное небо, лохматое, как баранья шкура, внезапно показалось чужим как никогда...

...Давно хотел тебя спросить. Мы спим вместе уже долго. Почему ты не беременеешь?..

...Наши дети будут обречены на страдания. Не мунгалы, не катайцы, не белые. Им не будет места в таком мире, какой нас окружает сейчас...

...И всё же?..

...Я принимаю волшебные пилюли. И ещё есть такая мазь... Мне дал их тебетский знахарь...

...В Тебете, как я слышал от отца, живут самые могучие колдуны. Это так?..

...Да, мой господин. В вещах таинственных они самые сведущие. Смерть, рождение – всё им известно...

...Говорят, они толкуют сны?..

...Да. Ведь сон – подобие смерти...

...Познакомь меня с твоим знахарем...

...Его зовут Шераб Тсеринг...

...Как? (Марку вдруг стало жарко он потянул показавшийся слишком тугим ворот рубашки скрипнули уключины с шуршанием проскользила вдаль нарядная джонка волокнистый туман размыл очертания и лица сон снова был здесь своей сладкой тяжестью)...

Шераб Тсеринг из Кхама.

*****

Два

– Но почему вы всё время спрашиваете меня о моих снах? – спросил Марко. – Разве сами вы не видите сновидений?

– Искусство действительно *видеть* сны доступно немногим, мой мальчик, – ответил Хубилай. – Ещё меньше тех людей, которые могут рассказать о своих снах так, как это делаешь ты. Бог дал тебе особый язык, мой мальчик.

– Но если я лгу вам?

– Ты не можешь выдумать ничего такого, что бы действительно не содержалось в твоей голове, Марко. Ты можешь рассказать мне только о том, что ты уже *знаешь*. Потому что то, чего ты *не* знаешь, ты не в состоянии даже предположить. К тому же, мне кажется, что ты слишком серьёзно ко всему относишься, – засмеялся Хубилай. – Наверное, если бы я был молодым воином и попал в твою Венецию, мунгальский нухур² вашего дожа, я точно так же в чужом краю воспринимал бы всё ужасно серьёзно.

– Одним шевелением пальца вы двигаете целые армии, стираете с лица земли древние племена, возводите прекрасные города, сжигаете поля, разбиваете чудесные сады. Стоит вам только пожелать, и всё будет у ваших ног, Кубла-хан. Вы можете сами увидеть все самые интересные вещи вселенной, вам принесут их прямо во дворец, стоит только повелеть.

– И дворцы Индии? И каналы твоей Венеции? И храмы Иерусалима? Я старик, Марко. Мне очень нужны свежие впечатления. Но у меня очень много работы. Империя велика, я должен быть для неё строгим и заботливым отцом. Я устаю от преданных, но глуповатых людей, которые окружают меня днём. Ты развлекаешь меня своими рассказами уже много вечеров. Знаешь, оказалось, мне интересно даже не то, *что* ты видел, мой мальчик. Мне интересно, *как* ты всё видишь, *каким образом* ты воспринимаешь мир. Старение – неприятная штука. Вокруг всё меньше свежести, всё видится слишком знакомым и предсказуемым. И именно сейчас начинаешь так ценить вспышки юного сознания, когда всё представляется значительным, всё такое необузданно цветущее, всё манит и кажется нескончаемым источником силы.

– Я очень ценю вашу теплоту, Кубла-хан, и благодарен вам за участие в моей судьбе. Но я... кажусь себе таким ничтожно малым...

– Ты не понимаешь одной удивительной вещи, мой мальчик. Я – правитель вселенной, самый богатый и сильный властелин Суши. Ты – сын посланника римского понтифика и славной Венеции. Но вполне может оказаться, что всё это не так. Совсем не так... И мы... не те, кем привыкли себя считать...

– То есть?

– Мы вполне можем оказаться теми, кто *снится* кому-то ещё. Мы сами можем оказаться чужим *сном*.

– Но ведь этого не может быть!

– А почему, мой мальчик? Потому что мир такой... такой твёрдый? Такой неподвижный? Почему ты боишься предположить, Марко, что на самом деле всё это – сон? Что если на самом деле, далеко, за холодным морем, в толще времени, юный поэт с молочно-белой кожей и узкими от опиума зрачками во сне шепчет моё имя на своём языке, вызывая меня тем самым к жизни? Может, я всего лишь его сон? Может быть, где-то в тени виноградных листьев, близ руин, оставшихся после гибели Рима, твой соотечественник в уютном кресле грезит, что юный Марко и старый Кубла-хан, говоря о пятидесяти городах мира, на самом деле говорят о единственном сердце всех городов – Венеции? Может, где-то в улусе Джучи, после того, как моя Империя ушла в небытие вслед за Египтом, Римом, Индией, династией Сун, на развали-

---

² Нухур (монг.) – дружинник, воин.

нах другой страны, в серой дымке морозного утра, кому-то снится, как мы сидим подле этого осетрового пруда, говоря о снах?

– Но мы ведь... Вот они – мы! Мы сидим здесь, глядя на вечных осетров, в сердце несокрушимой крепости, самой большой твердыни Суши, во дворце величайшего правителя земли...

Вдруг Хубилай зашёлся в кашле, его лицо побагровело, богдыхан, задыхаясь, согнулся, опёрся на камень, по сведённому судорогой лицу потекли слёзы, кашель не унимался, перешёл в шипение, Хубилай рухнул на колени, звякнули стальные пластины на могучей груди. Марко, не помня себя от ужаса, хлопнул в ладони, закричал, подбежали нойоны... Через минуту Хубилай уже сидел в кресле, тяжело дыша. В середине жёлтой ладони, в лужице слюны, плавала маленькая рыбья косточка. Хубилай засмеялся, с трудом подцепил её куцаными толстыми пальцами и показал Марку.

– Вот она – цена могущества, мой мальчик, – с удовольствием засмеялся Хубилай. – Видишь? Маленькая косточка, застрявшая меж зубов, а потом в нужный момент выскользнувшая прямо в горло. Где были все те войска, мои нойоны, где мои стенобитные машины и орудия, плюющие огнём? Где были армии мудрых лекарей? Где ласковые девушки с умными глазами? Всё это обрело свою цену в один момент!

– Это ведь случайность, – прошептал Марко.

– Такая случайность и есть цена всех империй. Вокруг нас нет ничего прочного, мой мальчик! Чем ближе дыхание смерти, чем сильнее скрипят твои кости, чем слабее видят твои глаза, тем яснее ты видишь, что всё вокруг – чередование снов. Иногда приятных, а иногда – ужасных.

Хубилай тяжело поднялся с застонавшего кресла и, махнув на прощание рукой, пошёл прочь по кривой, мощёной камнем тропинке в сопровождении сумрачного Ичи-мергена, начальника ночной стражи.

– Да, совсем забыл тебе сказать, – вдруг произнёс хан без улыбки, обернувшись через плечо поддерживавшего его Ичи-мергена. – Завтра ты едешь в государство Мян, к востоку от Индии. Тамошняя столица, богатый город Паган, ещё не стала нашим данником. Поедешь осторожно. До границы с Аннамом тебя проводят нойоны моего сына Тогана. Дальше поедешь с малым числом людей, под видом купца. Товары бери с собой любые. Когда вернёшься, расскажи подробно о путях торговых на Бхамо и в долину Иравади. Отец передаст тебе разрешительную золотую пайцзу. В Аннаме оставишь её, пойдёшь дальше как сын посланника венецианского. Прощай.

Хубилай отвернулся, постоял молча. Потом медленно пошёл, не отвечая Ичи-мергену, громким шёпотом спрашивавшего хана о чём-то на незнакомом Марку языке.

Морда осетра, белёсая снизу, поросла сверху зелёным налётом, пугающе напоминающим мох. Наверное, он помнил ещё Первого императора Ши Хуанди. Гигантская рыба величаво повернулась на бок и ушла вглубь нефритовой водяной толщи, оставив меж съжившихся от холода растений тёмную тропинку. Маленькие льдинки закружились и замерли меж листов лилий отражением Млечного пути. Марко вытер руку о полотенце и жестом отослал раба, уносящего остатки вечерней трапезы. Тихо вокруг. Чёрное покрывало неба было ясным, сквозь небесные прорехи светили белые спящие звёзды, чистые, как новая рубаха. Влажный ветерок коснулся волос, пробежал по воде, скрылся среди деревьев, вернулся небесным играющим котёнком, намёком на скорую весну, качнул колокольцы над Цветочным павильоном и растворился в наползающей вечерней дымке. Теплело. Пэй Пэй всё ещё не было. Ночью она не приходила. Думал, заболела, но Хоахчин сказала, что здорова. С утра передал ей письмо, но ответа не получил ни в полдень, ни вечером.

Сзади раздалось тяжёлое сопение рабов. Марко обернулся. Знакомый шёлковый паланкин Пэй Пэй был укрыт шерстяной полостью от влажного ветра. Тонкая рука робко пробежала по занавескам и снова спряталась в шёлковой пещере.

– Пэй Пэй! – вскрикнул Марко, попытавшись распахнуть тонкий муслиновый полог. Рука Пэй Пэй появилась в просвете штор и нежно, но непреклонно остановила его.

– Утром вы уезжаете, господин. Лучше вам провести этот вечер возле отца. Вы не виделись уже несколько недель. До страны Мянью путь неблизкий. Прощайте, – и паланкин тронулся.

– Дай мне проститься с тобой, Пэй Пэй! – сказал Марко, дёрнув на себя коромыслице, поддерживавшее рукоятку паланкина. Рабы остановились.

Лицо Пэй Пэй, непривычно серьёзное, даже строгое, совсем без обычного грима, выглянуло из сумерек паланкина.

– *Я не хочу* с тобой прощаться, Марко, – сказала она. – *Я не могу* больше прощаться.

Паланкин вновь тронулся, рабы ритмично засопели, жёлтые фонари в их руках качнулись под порывом ветра и поплыли вдаль в вечернем воздухе.

Через многие месяцы Марко вернулся в Канбалу. Дочерна загорелый и сильно похудевший, он стал казаться выше и взрослее. Ещё он отпустил тёмные усы, которыми втайне очень гордился. Они делали его исхудавшее лицо ещё более узким, похожим на лезвие. Синие глаза сильно посветлели, словно выщвели в джунглях Аннама, брови опустились, между ними обозначилась лёгкая борозда, словно намёк на мужскую суровость, которую ему пришлось взрастить в себе за полгода и несколько тысяч ли пути. Поперёк левой брови тянулся тонкий багровый шрам, выползающий от виска и исчезающий у корней волос. В левом ухе покачивалась крупная драгоценная серьга из красного и белого металла дзичим.

Марко въехал в левые Большие ворота Канбалу в сопровождении трёхсот отборных воинов Тогана. Сам Тоган почтительно держался правее, свободно развалившись на ослепительно белом скакуне. На груди Марка гордо сияла золотая императорская пайцза. Сумка была набита записями и рисунками, сделанными в дороге.

Когда кортеж пересёк городскую черту, трубы взвыли так, что конь под Марком испуганно дёрнулся, прямо на толпу зевак, но венецианец жёстко осадил его, поставив на дыбы. Впереди неслась императорская конница, направо и налево раздавая зазевавшимся прохожим удары плетью, расчищая дорогу. Кортеж Марка пролетел сквозь город в считанные мгновения и замер перед ханским дворцом. Ворота были распахнуты. Узкая ковровая полоса вела внутрь, прямая, как стрела. Марко спешил, раб принял у него сапоги, обув взамен в мягкие снежно-белые чуваки. Хубилай ждал на высоком троне под лёгким шёлковым навесом, лицо его ничего не выражало, но узкие глаза светились. Марко подбежал к подножию трона, опустился на правое колено и коснулся правым кулаком ковра под ногами. Искося глянув на трон, он увидел справа, в толпе придворных, счастливых отца и Матвея, показавшихся такими непривычными в европейском платье. Я дома, пронеслась в голове Марка странная мысль.

... Даже спустя много лет, когда Хубилая уже не было в живых, Марко не рассказывал ни об одном тайном поручении богдыхана. Сидя в генуэзской тюрьме, диктуя Рустичано Пизанскому свои воспоминания, он так и не обмолвился ни словом о том, *что* именно ему приходилось делать в своих далёких странствиях по Поднебесной. Как он бежал из Мянью в оранжевой одежде монаха, обрив голову, потеряв всех своих спутников. Как он два дня лежал в болотной жиже, дыша через соломинку и ожидая, когда отряд Найана-предателя перестанет прочёсывать бамбуковую рощу, в которой он спрятался. Как, переодевшись женщиной, он ударом шила в ухо убил спящего катайского наместника, сговорившегося поднять бунт против Хубилая. Как соблазнил жену сюэца Ван Мао, чтобы узнать, где её муж прячет от ханских мытарей

золото Сун. Но всё это было позже, а пока юный Марко, трепеща всем телом, мечтал о встрече с любимой Пэй Пэй...

Хоахчин была мудрой женщиной, мудрой, как сама земля, её лицо и походило на рас-трескавшуюся без воды тёмную землю. Поэтому она не спешила отвечать на быстрые вопросы Марка, где Пэй Пэй, когда можно будет её увидеть, как её здоровье и скучала ли она по нему всё это время. Хоахчин велела служанкам как следует вымыть господина, натереть его освежающими маслами, укутать в просторный, пахнущий жасмином халат. Его торопливую речь она прерывала непреклонным движением руки.

Когда Марко наелся и слегка захмелел, Хоахчин всё-таки пришлось поговорить с ним. Она долго говорила о чём-то неясном, пытаясь его заранее утешить, но только вызывала этим в душе Марка излишнее волнение. Ему хотелось знать всё сразу.

– Через десять дней после вашего отъезда, молодой господин, – ровно текла речь Хоахчин, – маленькой Пэй Пэй стало плохо, она слегла и сильно ослабла. Никакая пища не шла ей впрок, всё она выплёвывала. Любой запах казался ей ужасным, даже самый изысканный. Мы показали её тебетскому врачу, и он подтвердил то, что было уже ясным любой женщине. Ваша маленькая Пэй Пэй понесла от вас.

- Где же она? – в волнении вскочил Марко.
- Боюсь вас огорчить, господин... Она не смогла родить.
- Так где она?
- Мы похоронили её на прошлой неделе.

Комната закружилась, красные опоры, красные клетки стропил под потолком, красные шторы и ставни вдруг приблизились к глазам, стали горячими, словно перчёными, ударили в голову, навалились на затылок.

- А ребёнок?
- Ребёнок не выжил, мой господин. Он так и не родился. Не спасли.

кого тут винить винить некого вы тоже не виноваты её бедра были очень узкими не надо было ей беременеть напрасно она не приняла тебетские пилюли не надо было бы ей беременеть честное слово все так говорят в конце концов она даже не ходила лежала почти всё время ей было очень плохо но вы не виноваты никто не виноват мы делали ей прижигания и травяные настои давали лекарь не отходил от неё ни на минуту но спасти её было невозможно так случается в конце концов она ведь была всего-навсего наложницей пускай любимой наложницей господина но ведь тут ничего не изменишь погорюете погорюете но молодое сердце быстро утешится смотрите сколько знатных дам хотели бы удостоиться вашей любви господин вы теперь герой любая захочет родить вам ребенка вам остается только указать кто вам по сердцу а убиваться воину совершенно ни к чему посмотрите-ка что вы делаете с собой вы заросли бородой как дикий зверь позвольте хоть вас побрить а то скоро вас будут пугаться дети халат у вас скоро покроется землёй вас всё время на него тошнит сколько времени вы уже его не снимали позвольте хоть дать вам чистую одежду нельзя же всё время спать в грязном халате вы опять ничего не ели ваш отец тревожится за вас великий хан в недоумении но вы всех отсылаете нельзя пить столько вина вчера вы снова чуть не зарубили раба который принёс вам ужин ещё раз и нам придётся посылать с рабом охрану мы боимся за ваш разум никто так не убивается по наложнице вы ведь так молоды если каждый раз так убиваться по женщине то вы не доживёте до седых волос

- заткнись проклятая курица хватит кудахтать
- Боже Боже дай мне смерти почему я не умер от дизентерии в Тямпу?!
- ты можешь заткнуться? заткнись ЗАТКНИСЬ СУКА!

Но Хоахчин не «заткнулась» и правильно сделала. То ли её непрерывное убаюкивающее кудахтанье, то ли ласковые сострадательные глаза, то ли постоянная забота о том, чтобы Марка никогда не оставляли одного, то ли тибетские лекарства, то ли ритуалы изгнания духов – что-то (а может быть, всё вместе) сделало своё дело: когда листья позолотил осенний ветер, почерневший Марко вышел из покоев навстречу отцу. Он смотрел на Николая как на совершенно незнакомого ему человека, напугав их с Матвеем до полусмерти.

– Марко, сын, как ты себя чувствуешь?

– Какой сильный ветер, – сказал Марко, запрокинув голову и словно не замечая людей вокруг.

– Марко, как ты?

– Да ничего, живой.

– Это я, твой отец!

– Здравствуйте, папа, – Марко обнял отца, глядя через его плечо с тем же безразличием.

– Тебя хочет видеть Хубилай.

– Что ж, пойдёмте.

– Тебе побриться надо.

– Хорошо.

Через полчаса гладко выбритый, безусый как и ранее, одетый в свежее платье, Марко шёл к Западному двору. С каждым шагом его походка становилась всё более упругой, спина выпрямлялась. Он оживал, только выцветшие льдистые глаза смотрели вокруг без прежнего интереса. Хоахчин посмотрела ему вслед и тяжело вздохнула.

Вечером Марко вернулся к себе, посмотрел на фиал с мутным рисовым вином и выбросил его в окно. Достав из ножен меч, он вышел во внутренний дворик, разделся по пояс и начал чертить сияющим лезвием круги и спирали в быстро опускающейся темноте. Коротко ухая, он кружился, отбиваясь от невидимых врагов, от злобных катайских духов, которые отняли у него Пэй Пэй. Он бил тени ханских нухуров, насилловавших его любовь, узкоглазые тени воинов, жгущих аннамские пагоды, огнём и кровью заливших Сушу от моря до моря, песчаным ветром несущихся под кроваво-красным небом. Марко коротко вскрикнул и с прыжка пригвоздил тень евнуха Цзы Чэня, не уберёгшего Пэй Пэй, мечом к земле. Вышла луна, а он всё кружился по двору, по-змеиному извиваясь, рыча как леопард, атакуя как тигр. По спине его бежал тяжёлый липкий пот, мокрое тело понемногу обретало форму, мышцы, стосковавшиеся по движению, проступали через отёкшее от вина тело, как деревянная лопатка сквозь тесто.

Из темноты вышли двое молодых татарских дружинников, их лица были Марку незнакомы. Один выкрикнул боевой клич чингизидов и быстро вспорол воздух саблей. Второй попытался зайти Марку за спину, чертя лезвием по камням внутреннего дворика. Марко напрямую парировал удар первого татарина и чуть не выронил меч от неожиданности: нападающий был настроен серьёзно. От следующего удара Марко уклонился, ударив атакующего в лицо рукоятью меча как кастетом, и, легко повернувшись, швырнул его закованное в тяжёлые стальные пластины тело во второго дружинника. Марко остро чувствовал, что на нём нет никакого защитного снаряжения, взмокшая кожа вдруг стала чувствительной, как у женщины. Он уклонялся, парировал, отбивался, двигался, слыша в неверном свете луны тяжёлое сопенье воинов и кожей рук ощущая движение воздуха от их клинков. Время исчезло. Первый татарин снова атаковал, коротко выплюнув в вечерний воздух боевой клич. Марко сделал шаг назад и плашмя ударил летящее вниз лезвие сверху, выбив его из рук дружинника. Развернулся и понял, что шутки кончились – лезвие второго клинка летело слишком близко. Марко шагнул в сторону, одним движением срубив руку, сжимавшую саблю, и на излёте вспоров нападавшему живот. Разворачиваясь, он снёс согнувшегося над своими кишками воину голову и толкнул ногой его падающее тело в сторону другого нападавшего. Тот вдруг остановился,

остекленелыми глазами взглянул на агонизирующий труп собрата и, завизжав от горя и ненависти, бросился на Марка. Венецианец подопнул отрубленную голову ему под ноги и, резко кхекнув, разрубил татарина от ключицы до пояса.

– Я знал, что за тебя не придётся заступаться, мой мальчик, – сказал Хубилай с улыбкой, выходя из тени огромной ивы. – Ты возмужал.

– Что это было? – спросил Марко без удивления.

– Взбесившиеся собаки! Их нойонов строго накажут. Это заговор, – Хубилай толкнул ногой развалившийся до пояса труп татарина и снова улыбнулся. – Отличный удар, мой мальчик! Отличный удар!

Великий хан обнял Марка, пачкая кровью зарубленного дружинника драгоценный халат, и с чувством произнёс:

– Вот таким и должен быть мой сын. Ты совсем оправился от болезни...

– Нет, Кубла-хан, я хотел бы найти одного лекаря-бахши.

– Хорошо, какого?

– Того, что пользовал Пэй Пэй.

– Завтра Хоахчин приведёт его к тебе. А сейчас ступай, тебе нужно отдохнуть.

Марко послушно кивнул, сжав ладонью кулак в церемониальном катаяском жесте, и пошёл к стоявшей слева от павильона бочке с водой – смыть кровь.

– Кстати, – окликнул его Хубилай. – Государство Мянй пало, его столица, Паган, взята на прошлой неделе. Это твоя заслуга.

– Это заслуга нойонов Тогана, – ответил Марко.

– Если бы не твои наблюдения, мой мальчик, нам не удалось бы поспорить вождям Мянй, которые сами перебили половину своего войска. Без тебя мы бы ещё десять лет осаждали Паган. Планы города, размещение войск, пресные источники, законы окружающих племён – это твоя заслуга.

– Я рад быть вам полезным, – с поклоном сказал Марко и шумно плеснул на себя холодной водой.

Хубилай полулежал на горе покрывал, поигрывая самоцветным перстнем. Вошел начальник ночной стражи Ичи-мерген, негромко звякая золочёными доспехами.

– Мальчик справился, – улыбнулся Хубилай. – Закопай убитых дружинников. Как следует, показательно, накажи их нойонов за недогляд и заговор. И хорошо награди семьи убитых. Только награждай тайно. Никто ничего не должен понять.

– Слушаюсь, – поклонился Ичи-мерген.

– Ты видел, как он разрубил того, второго?

– Он стал сильнее, Великий хан.

– Хорошо присматривай за ним. Его ждёт большая судьба.

Марко с отвращением отослал уйгурскую наложницу и крестом упал на огромную кровать, затенённую балдахинном. Это уже пятая девушка. Он просил Хоахчин не присылать ему больше женщин, но старая карга твёрдо стояла на своём: от потерянной любви есть только одно лекарство – другая любовь. Да и здоровье надо поберечь, негоже молодому воину так сдерживать своё семя. Воин – не монах, ему нужно быть мужчиной. Катайцы, правда, по-другому думают, заметил Марко. Потому мунгалы и повергли Сун, с убийственной логикой отвела Хоахчин и привела ему эту уйгурку. Красивая девушка, конечно, но... Джунгли Аннама выжгли моё сердце дотла, отец... Так же, как долгие странствия выжгли его тебе...

...Марко закрыл глаза... запрокинул голову... мёртвый нухур склонился над своими перламутровыми кишками. Марко встряхнул головой, отпил воды из фарфоровой чашки и перевернулся на бок. Ноздри ожёг запах жасмина, из-под прикрытых век просочилась горячая

влага. Марко вздохнул и ...задreamал on sleepлись веки ...задreamал как человеки ...на рас-
свете в липкий сладкий ...сон ныряют и украдкой ...ранят двери рая стайкой ...мыслей мяг-
кой тонкой байкой ...дверцы в рай для них обиты ...спят они а не убиты ...есть игрушка-уга-
дайка ...сон игрушка-умирайка ...ну не бойся прыгай прыгай ...сладкий шоколадный сумрак
...раздвигая ты не умер...

...вдох и выдох чёт нечёт ...снова вновь наоборот ...линий ломаных кораллы ...лилии
глубокий стон ...и лимонный привкус вялый

...липстика лиловый лён ...сладкий плен кленовых пальцев ...слоник шёлковый в полёт
...лезет пролезает в пальцы ...вдох и выдох чёт нечёт ...снова вновь наоборот ...льнёт лазутчик
к алой маске ...лаской таской свистопляской ...рот разинут раной красной ...ласковее ласко-
вей ...соловьиный выход вход ...трель знакомых тихих нот ...вдох и выдох выход вход ...снова
где-то чёт нечёт ...кожа шёлком грива волка ...волнами пойдёт в руке ...по молочной по реке
...голым без ума без толка ...дремлет замерев в глотке ...сладкой липкой нежной дрёмы ...
где мы? как мы? что мы? кто мы?..

...Пэй Пэй снова унеслась в туманный сумрак, мелькнули яблочные груди, блеснуло
обнажённое лоно, знакомый смешок, волна жасмина, изогнутая бровь. Дьявол сладок, про-
шептал Марко, и семя вытекло из него как молоко, без толчков, тонкой струйкой, как вода,
заскользило по алому шёлку, по алому, как рот Пэй Пэй, шёлку, заскользило туда, в сон, где
возможно всё, где никто не умирает, потому что сон – младший брат смерти, иногда такой
желанной. Смерть – жестокая красавица, но если прорваться через её укусы к лону, то оно
будет горячим и сладким, смерть жестока не ко всем, а лишь к тем, кто её боится, смерть посы-
лает нам сны, чтобы мы не боялись помнить о ней... Марко крепко спал, подобрав под себя
ноги. Рукоять меча торчала из-под подушки совсем неуместно – он был так похож на ребёнка
в этот момент.

...Вскочил, сжимая в правой руке обнажённый меч и, почему-то, подушку в левой. Было
совсем светло, наверное, уже день. В дверном проёме темнел коренастый силуэт.

– Меч – от человека, это понятно, – сказал смутно знакомый насмешливый голос. –
А подушкой от кого ты хочешь защититься?

– Я тебя знаю?

– Думаю, да.

– Ты... (скрипнув ключинами, нарядная джонка с шипением унесла в сонную дымку
голос матери, туман одеялом накрыл мост, ведущий на тот берег).

– Шераб Тсеринг из Кхама.

– Лекарь?

– А тебе разве нужен лекарь? Что ты собрался лечить?

– Ты был лекарем Пэй Пэй?

– Ей лекарь уже не нужен, – сказал Шераб Тсеринг, выходя из тени.

Он был одет в длинный синий халат из хлопчатой бумаги, в ухе болталась большая бирю-
зовая серьга. На шее висели длинные чётки со странными амулетами, похожими на ножи.
На вид ему было лет сорок или... или сто сорок, трудно определить. С виду он больше всего
походил на разбойника, но глаза... его лицо, казалось, содержало в себе все лица земли.
Марко почувствовал желание встать поближе. От Шераба Тсеринга веяло какой-то избыточ-
ной, необычной, большой силой, устойчивостью камня, состраданием ангелов, огнём вул-
кана... Чем ещё? Марку хотелось... Он даже не знал, что ему хотелось. Выразить своё уваже-
ние? Нет, не знаю... Обнять его? Да, но это совсем не... Откуда такое странное чувство?... Меч
выскользнул из руки Марка и тихо зазвенел, покотившись по циновке.

– Я только что видел её во сне, – сказал Марко.

– Это нормально – у вас сильная связь.

– Мне её не хватает.

– Разлука с любимым – страдание, пребывание с нелюбимым – страдание.

– Я хотел убить тебя. Сначала за то, что ты дал ей волшебные пилюли, которые предотвращают беременность. Потом за то, что ты позволил ей умереть, хотя был её лекарем.

– Ну так убивай, – засмеялся Шераб Тсеринг. – Она тотчас же воскреснет.

Марко хотел обидеться, но смех колдуна был таким открытым, без издёвки, что молодой венецианец только присел на кровать.

– Ты колдун? – спросил он.

– Отец мой был известный нгагпа³, но я не пошёл по его стопам. Я перенял его знания в лечении различных болезней, но я не колдун. Я – странствующий налджорпа⁴.

– Что ты здесь делаешь?

– Я остался здесь по просьбе Карма Пакши.

– Он колдун?

– Он великий святой, защитник всех живых существ, несущий свет знания, воплощение сострадания.

– Идолопоклонник разве может быть святым? – вскинулся Марко.

– Когда у тебя болит зуб, ты не спрашиваешь, какой веры знахарь, дающий тебе снадобье. Все хотят быть счастливыми – сарацины, несторианцы, иудеи. У всех есть мать, все испытывают боль, всех впереди ожидает смерть.

– И что он делает, Карма Пакши?

– А зачем тебе колдун? – снова засмеялся Шераб Тсеринг.

– Я хочу знать, что такое сон... – мучительно сморщив лоб, произнёс Марко. – В Тебете, рассказывают, колдуны знают всё о смерти и о сне.

– В Тебете колдуны знают, как вызвать дождь или разрушить селение градом, или сделать так, чтобы скотина рожала больше. Великий Мила до того, как стать святым просветлённым, учился у нгагпы насылать грозу и после этого с помощью молнии убил тридцать пять человек, причём своих ближайших родственников. Ему потом пришлось двенадцать лет искупать своё преступление. Колдуны ни хрена не знают. Они тебе не нужны.

– А кто мне нужен?

– Кому нужен?

– Мне.

– А что значит «мне»? Кто такой этот «я»?

Марко глупо посмотрел на Шераба Тсеринга, что-то попытался ответить, но слова куда-то делись. Тебетец зашёлся в хохоте, хлопнув Марка по плечу так, что тот снова беспомощно опустился на кровать.

*****

---

³ *Нгагпа* (тиб.) – колдун, знахарь.

⁴ *Налджорпа* (тиб.) – йогин, практикующий без принятия монашеских обетов.

Три

Библиотекарь шёл, постукивая и шурша по циновкам пола тонкой резной палочкой, последние годы заменявшей ему глаза. Рабыня-караитка, на вид совсем ещё девчонка, в чьи обязанности входило смотреть за тем, чтобы старик ни в чём не нуждался, пыталась направить его, легко придерживая под локоть, но библиотекарь яростно сопротивлялся. Его раздражение Марку понятно: все, кого он учил, разъехались по дальним углам Поднебесной. Новая девчонка полуграмотна, по-татарски говорит с ошибками, не говоря уж о катайском. Хубилай пообещал, что десять лучших сотников будут обучаться в библиотеке так же, как до сих пор обучался Марко. Вот удружил! Мунгальские сотники прилежны, но тупы, как и эта сопливая караитка. Но Хубилай и слышать ничего не хочет: мунгалы должны стать умнее катайцев...

– Мир тебе, – поздоровался Марко с библиотекарем, неслышно поднимаясь с резного кресла в читальне.

– *Si vis pacem, para bellum*⁵? – засмеялся старик, постучав палочкой по ножнам, болтающимся у бедра венецианца.

– Приходится, – улыбнулся в ответ Марко.

– Тебе надобно бы Сунь Цзы прочесть.

– Я наизусть учил, всё ещё помню. И даже пытался на латинский переводить, да не успел. Кубла-хан меня в страну Мянью послал.

– А вот меня память совсем подводит – путаю всё: языки, смыслы, образы. Презабавнейшая каша получается иногда. Как катайский дракон – чешуя карпа, тело змеи, ноги петуха, а рога – олени, – снова засмеялся библиотекарь, и редкие шёлковые волосы на его белёсом черепе зашевелились в такт. – Так говоришь наизусть?

– Пэй Пэй просила, чтобы наизусть, – помрачнел Марко, поглаживая гарду.

– Пэй Пэй? Жалко девочку... Способная была, образованная. Конфуцианский канон знала лучше многих сюцаев, её отец учил строго, – голубые бельма старика увлажнились. – Чаю?

– Благодарю покорно.

– А я выпью, – задорно сказал старик. – Эй, сопливая, давай-ка чайничек нам, да шевелись.

Караитка убежала, пятясь назад. Старик был самым добрым существом, которое она видела в жизни: он ни разу её не ударил за полгода и вовремя кормил. Этого было достаточно, чтобы она посчитала его живым божеством. За пазухой у неё притаился тонкий кривой сарацинский нож: если на старика кто-нибудь поднимет руку, она защитит слепого, а если надо, умрёт за него.

– Я пришёл спросить тебя...

– Конечно, Марко. Хотя за минувший год ты стал совсем другим, взрослым, настоящим мужчиной. Но спрашивай. Тяга к знаниям похвальна...

– Я встретил Шераба Тсеринга...

– Я знаю его, он приехал несколько лет назад из Тебета, вместе с Карма Пакши.

– Ты всё знаешь...

– Ну... уж не всё...

– Но всё-таки, никто в царстве Юань не знает больше твоего, даже Хубилай.

Старик приложил палец ко рту, оглянулся, словно по старой привычке ещё зрячего человека проверяя, не слышат ли рабы, и негромко поправил:

– Великий хан...

---

⁵ *Si vis pacem, para bellum* (лат.) – хочешь мира, готовься к войне.

– Да, Великий хан, конечно... – поспешно повторил Марко. – Так вот. Я хотел спросить: кто такой тот Карма Пакши?

Юная рабыня вернулась с подносом горячего чая и бесстыже уставилась на Марка, одетого в расшитый парчовый халат. Марку стало смешно: вот деревенщина! Через пару лет красоткой будет.

– Он для идолопоклонников всё равно что живой Иоанн Креститель, – улыбнулся библиотекарь.

– Святая Богородица! – быстро перекрестился Марко.

– Человек в чёрной короне. Родом он из Тибета, но говорят, что он рождается каждый раз в новом теле. И многие-многие годы будет он приходить в Тибет, каждый раз в новом теле.

– Помилуй мя, Пречистая Дева! Это колдовство!

– Я не знаю, колдовство ли это, но говорят, что он останавливает войны, исцеляет больных. В Тибете племён много, а еды никакой, оттого живут там одни разбойники. В каждой долине свой народ, а долин там, как морщин на моём лице. Раньше там все со всеми воевали, а этот усмирил их, – засмеялся библиотекарь. – Великий хан как-то решил, что неплохо бы ему в империи учредить какую-то религию, которой бы все подчинялись. Слишком большая страна, надо как-то её объединить. Сам он надумал или присоветовал ему кто, я не знаю. Но за полгода гонцы ханские со всех земель привезли в Канбалу священников и жрецов всяких. И евреи, и несторианцы, и греческой веры были люди, и чистые идолопоклонники, что деревьям да кустам молятся, и пандиты индийские – всякой твари по паре собрал Великий хан. И говорит: «Кто искуснее будет в спорах богословских, того религия и будет нашей». Святоши-то на закрома Хубилаевы посмотрели, да и давай спорить! Каждому охота стать в царстве Юань навроде понтифика! – в голос, до кашля, захохотал библиотекарь. – Трое суток эти крикуны горло драли, чуть до драки не дошло, водой разливали. Карма Пакши на спор опоздал, прибыл к исходу третьих суток. Он вошёл, Хубилай его и спрашивает, что, мол, ты скажешь в защиту своего учения? А Карма Пакши посмотрел на него и увидел до смерти голодного старого человека, которого эти многодневные споры замучили до тошноты. И тогда тибетец просто повел руками, и в воздухе появились тарелки с едой, бокалы, и всё это поплыло к Хубилаю. А спорить... он даже говорить ничего не стал.

– Ну точно колдовство! – вскричал Марко.

– Нет, Марко, не колдовство тут, ты не понимаешь. Он увидел в богдыхане обычного человека и пожалел его. Воистину говорят: «Монах не воздаёт почестей императору».

– И что?

– Ну, ты же знаешь Хубилая – на то он и *великий* хан, чтобы сомнений не испытывать. Он поел и говорит, что всех, мол, спорщиков прошу на двор, там нухуры Ичи-мергена уже как следует наточили мечи, так что вам будет не больно потерять свои головы, и всё такое, как обычно при дворе. А учение, которое принёс Карма Пакши, и будет всеобщей мунгальской религией. И тут Человек в чёрной короне ему и говорит, что, как негоже лечить разные болезни одним лекарством, так и нельзя всем людям давать одно и то же учение. Кто-то молится Христу, кто-то Шиве, а кто-то верит Мохаммеду. Разным головам, говорит, нужны разные шапки. Тут могучий Хубилай вообще дар речи потерял. Правда, всех спорщиков отпустил и наградил щедро. Казнить не стал за проигрыш.

– Да ну, сказка это, – недоверчиво сказал Марко.

– Я тогда ещё мог видеть, Марко. И я видел это своими глазами, – немного сердито сказал старик, приблизив свои прозрачные, как стрекозьи глаза, голубые бельма к лицу молодого венецианца. – А не веришь – спроси Ичи-мергена. Его люди как-то пытались Карма Пакши задержать, ссора у них с катаяцами вышла – к кому первому святой человек учить поедет. Так он тебе расскажет, как Человек в чёрной короне повёл рукой и войска встали как вкопанные, неподвижные, как глиной обмазанные.

– А во что ты веришь, хранитель книг? – спросил Марко после недолгого молчания.

Старик встал и на ощупь начал разливать чай. Девчонка поспешно вынула из его дрожащих рук чайник, но старик остался стоять. Потом он не спеша прошёлся, пожатывая воздух пустым беззубым ртом, и медленно сказал:

– Иногда ты достигаешь пределов веры, и кажется тебе, что коснись рукой – и попадёшь пальцами во тьму, настолько она близка. Иногда достигаешь в вере такой глубины, что кажется, всё на земле ничто и люди – как полый бамбук под ветром. Какова та вера? В красивой, безусловно красивой, но малюсенькой Венеции так просто говорить о единой вере. И потом под её знамёнами растоптать град Константина, растерзать сарацинские города, выжечь своих неблагоннадёжных... Европа мала. Очень мала. Пока спит китайский дракон, пока мунгальские нойоны каждый день едят баранину и видят рай как большую белую юрту – всё в порядке для твоего мира. Можно объявить его единственным. Правильным. Но это самообман... – старик надолго задумался, потом, тяжело улыбаясь, проговорил, словно с трудом разлепив иссечённые старостью губы: – Не спрашивай меня о моей вере, блюди свою в чистоте. Вера – дело интимное, тайное. Будь чистым сам, и всё вокруг тебя станет чистым.

Они молча сидели у Драконьих прудов, так же, как прошлой осенью, словно ничего не изменилось. Первый снег медленно, как чайники в глубине чашки, опускался на их тёмные силуэты – огромный холм Хубилая и тонкий кипарис Марка. Снова безмолвное чёрное зеркало воды втягивало их взгляды, как огромная воронка.

Хубилай встал, выпрямившись во весь рост, и неспешно высвободил торс из складок шёлка. Рукава повисли по бокам, как сброшенная пауком прошлогодняя шкурка. Богдыхан оправил полы халата и с лязгом достал мунгальскую саблю. Марко, не говоря ни слова, отпрыгнул назад, вынимая гибкий прямой меч-цзянь. Невидимый в сумерках Ичи-мерген со вздохом закрыл глаза и отошёл за колонну, жестом приказав часовым не вмешиваться.

Хубилай раскрыл руки, приглашая Марка атаковать. Замедляя движения, он делал вид, что старость одолела его. Марко ждал. Хубилай наклонил шею, тяжело разминая её, потом переложил саблю в левую руку, чтобы размять правое плечо... и вдруг молниеносно атаковал слева косым ударом снизу вверх, беспощадно целясь в пах противнику. Марко ошеломлённо отскочил в сторону, едва заметив, что левая пола его халата разрезана пополам. Хубилай буквально взвился в воздух, нанося бесчисленные удары, помогая ногами, обманывая вращающимися полами халата. Марко оборонялся изо всех сил, но получил коварный удар ногой в живот и отлетел за камень. Он прокатился за каменной стеной, выпрыгнул навстречу Хубилаю, кувырком подкатываясь под его саблю, и сделал колющий выпад с земли. Богдыхан отклонился, меч Марка распорол ему штанину и верхний расшитый пояс, шумно упавший на землю.

На двадцать восьмом взмахе Хубилай внезапно выронил саблю и, провернувшись вокруг себя, перехватил меч Марка, послав венецианца на землю. Марко попытался колом выкатиться из-под атаки богдыхана, но Хубилай упёр острие меча ему в горло, тяжело дыша.

– Ты трижды чуть не убил меня, мой мальчик!

– Вы победили, Кубла-хан!

– Нет, это не я победил. Это ты был невнимателен, – Хубилай вдруг сел на землю рядом с Марком, прижимая руку к сердцу. Его лёгкие свистели как кузнечные меха. Мелкие капельки слюны летели из распахнутого рта в морозный воздух. Исполинская грудь вздымалась, как океанская волна во время шторма. Пот на глазах превращался в ледяную жемчужную крупу, сплошной чешуей покрывающую плечи и спину императора.

Марко с поклоном накиннул на плечи Хубилая тёплое покрывало и сел рядом. Нойоны изумлённо смотрели из-за галереи. Выступивший из темноты Ичи-мерген махнул рукой в сторону пагоды предков, лучники на крыше ослабили тетиву и вложили стрелы в колчаны. За несколько секунд боя охрана даже не успела испугаться как следует. Марко внимательно

осмотрел лезвие меча, вытер его мягкой тряпкой и вложил в ножны. Хубилай молча смотрел на воду, не обращая внимания на щекочущий шею и грудь холодный осенний ветер. Марко также без единого слова сидел рядом.

Подошла госпожа Мао, что-то сказала от имени главного евнуха Цзы Чэня, но Хубилай продолжал молчать. Госпожа Мао ждала с полчаса, потом, суетливо бормоча извинения и пятясь спиной вперёд, удалилась.

Через час Ичи-мерген принёс чай и горшочек с угольями и удалился, забрав с собой оружие. Марко и Хубилай всё ещё не проронили ни слова. Сплошь осыпанные снегом, они походили на фигурки, что лепят дети возле Цветочного павильона.

– Всё-таки настало время и мне научиться видеть сны, – хрипло сказал Хубилай, первым нарушив молчание. – Всё-таки это время настало.

Марко всё так же молча налил богдыхану чаю и с поклоном вложил пиалу в его полиловешую на ветру руку. Хубилай шумно втянул в себя дымящийся напиток и продолжил:

– Ты говорил с Шерабом Тсерингом, мой мальчик?

– Да, Кубла-хан.

– О Пэй Пэй?

– Я много раз видел его во сне, в том самом, о котором рассказывал вам... Про мою мать...

– Поговори с ним... Я хочу, чтобы вы помогли мне, – глаза Хубилая странно тепло смотрели из-под растрепавшихся седых бровей.

– О чём я должен ему сказать?

– Помнишь, мой мальчик, вы с отцом и дядей построили мне машину для метания камней?

– Когда штурмовали Саинфу?

– Да, когда штурмовали Саинфу.

– Конечно, помню, Кубла-хан.

– Тот немецкий матрос...

– Йоханнес?

– Да, и этот, как его... грек... несторианец...

– Костас?

– Да, эти двое, где они?

– Прислуживали отцу, но им в Запретный город ходу нет, Кубла-хан. Я попрошу отца, чтобы они пришли к воротам.

– Ичи-мерген даст им деревянные пайцзы, определит им жительство где-нибудь поближе. Они тебе понадобятся. Я хочу, чтобы вы с Шерабом Тсерингом построили мне особенную машину...

– Какую, Кубла-хан?

– *Машину снов.*

...Шераб Тсеринг сидел на лоскутном одеяле посередине тёмного пустого павильона, скрестив ноги и укутав колени цветастым покрывалом. Накрытый с головой, он походил на изваяние. В широкий проём задувал мелкий снег, крупной скатываясь у колен знахаря, забираясь под складки покрывала, голубыми змейками струясь в приоткрытый ворот синего бумажного халата, но тебетца это, казалось, совершенно не беспокоило – он был неподвижен, как скала, даже зрачки не двигались под полуприкрытыми веками. Только тёмные пальцы перебирали драгоценные рубиновые чётки, стучащие по деревянному полу, как клюющая мусор птица. Марко кашлянул, стараясь привлечь его внимание. Шераб Тсеринг повернул голову и с улыбкой спросил:

– И что он придумал на этот раз?

– Ты уже знаешь? – удивился Марко, невольно оглянувшись по сторонам, словно в поисках того, кто мог бы рассказать тебетцу о случившемся разговоре.

– Это не колдовство, – захохотал Шераб Тсеринг. – Всё очень просто – я случайно слышал, как ночная охрана переговаривалась о вашем вчерашнем поединке. Когда подолгу сидишь, как я, в тишине, то звуки разносятся удивительно далеко. Я знаю, что вы о чём-то шептались и что на следующее же утро ты пришёл ко мне. Не ищи мистики там, где её нет.

– Он просит, чтобы мы построили ему *машину снов*.

– Что? – казалось, лёгкие Шераба Тсеринга сейчас разорвёт от хохота.

– *Машину снов*, – смущённо произнёс Марко.

– Да, я слышал, что вскорости наступит время, когда люди станут подобны животным, неспособным осознать благомудрых поучений вследствие тупости, но не думал, что это случится *так* скоро! Пойдём-ка.

Шераб Тсеринг легко поднялся со своего сиденья и, прихватив Марка за локоть, споро повёл его через двор прямо в Яшмовый предел, куда Марка, несмотря на его близость к Хубилаю, до сих пор не пускали. Охрана даже не взглянула на тебетца, бесцеремонно вбегающего на высокое красное крыльцо. Марка слегка куснула гордыня: надо же, посмотрите-ка, какой свойский парень этот разбойник из Кхама! Но Шераб Тсеринг тащил его за собой сквозь комнаты, совершенно не обращая внимания на кишашую всюду дворцовую стражу. Наконец они достигли самой отдалённой залы, где практически не было мебели. Лишь посередине стояло странное кресло. Точнее, даже не кресло, поскольку сидеть в нём было сложно, а какой-то мудрёный механизм на основе кресла.

– Что это? – спросил Марко, с удивлением глядя на непонятное сооружение.

– Машина смерти, точнее, машина умирания, – просто сказал Шераб Тсеринг.

– Здесь что же? Пыточная? – в ужасе вскричал Марко, думая про себя: «Ну, вот и всё. Доигрался в войнушку с императором». В памяти нехорошо заиграла приторная улыбка Цзы Чэня. Говорят, его кастрировали уже после того, как ему исполнилось тридцать.

– Да нет, конечно, – улыбнулся Шераб Тсеринг. – Эта машина сделана, чтобы помочь умирающему императору достичь после смерти Чистой страны.

– Рая?

– Да, что-то вроде рая. Только лучше.

– Что может быть лучше рая?

– Если ты хочешь вечно наслаждаться, подобно дикой свинье, лежащей в камышах, то тогда, конечно, ничего не может быть лучше рая. Скажи-ка мне, Марко, какое может быть развитие, если ты тупо потребляешь блаженство?

– Но куда мне развиваться? И зачем, если всё и так хорошо?

– Ну что же, – засмеялся Шераб Тсеринг, – нормальный подход человека с западной стороны. Мне же хорошо, так и ладно. Остальные чувствующие существа как-нибудь сами о себе позаботятся.

– Но что... – растерянно забормотал Марко.

– Пространство не разделяет существ, а является тем, что вмещает все вещи во всём многообразии, – перебил Шераб Тсеринг. – Твой ум по своей природе является пространством. Безграничным. Лучезарным. Неразрушимым. Но ты этого пока не осознаёшь, поскольку твой ум функционирует подобно глазу – видит всё, но сам себя не видит. И когда ты попадаешь в Чистые страны, то можешь получить знание об этом, узнать ясную природу ума, чтобы вернуться обратно в мир и помочь страдающим существам осознать эту истинную природу всех вещей. Хубилай, услышав это учение, уловил примерно то же, что и ты, – рай существует, – захохотал тебетец. – А поскольку ему не хочется преодолевать привычные тенденции ума, и работать над собой богдыхану тоже как-то не пристало, то я сделал для него такую машину.

– И она отправит его в рай?

– Нет, в Чистую страну он отправится сам, если только не накопит достаточно негативных впечатлений от убийств, разврата и пыток. Ему тяжело даётся учение. Когда придёт пора, Хубилай начнёт слабеть, его руки и ноги нальются холодом, а глаза – слезами, в его теле задуёт ветер умирания, энергия станет скапливаться в центре тела. Он начнёт умирать, и тогда слуги усадят его в это кресло, которое поможет ему выпрямить позвоночник и закроет все естественные отверстия на голове. Тогда его сознание покинет тело через небольшое отверстие на макушке и отправится в Чистую страну. Результат гарантирован. Машина – это так, ловушка для пытливого ума Хубилая. Он любит игрушки, и я сделал для него игрушку.

– А сейчас он просит новую игрушку? – улыбнулся Марко.

– Я думаю, да, – Шераб Тсеринг резко кхекнул, выражая неудовольствие. – Хубилай любит пышные одежды, необычные ритуалы, красивые песнопения. Он не может понять, что всё истинно духовное вполне обыденно. Сейчас он много времени проводит с ламами из посольства Чогбьяла Пагбы. Это хорошо для него, но они дают ему слишком много книжной мудрости и интеллектуальных поучений... Ему хочется показать, что он не только способен головы рубить, но и мозгами пораскинуть может. Хотя, я полагаю, что лучше бы ему было поработать с собственной природой ума, нежели загружать голову теоретическими знаниями. Далековат путь от головы к сердцу, а философия уж больно мудра.

– Но ты сможешь сделать для него *машину снов*?

– Строго говоря, я не должен был бы соглашаться. Я не верю в то, что это возможно, и, даже если это было бы возможно, то я не уверен, что это нужно. Но, если я ничего не сделаю, то, как мне кажется, подвергну опасности твою жизнь. Если же мы построим подобную машину, у Хубилая будет шанс понять иллюзорность того, что он называет реальностью. Кроме того, он будет меньше думать о войне, и тем самым многие живые существа избегнут гибели.

Йоханнес и Костас прибыли к Марку на исходе следующего дня, сопровождаемые целым взводом охраны. Деревянные пайцзы, дающие право на вход в Запретный город Хубилая, они сжимали в кулаке, при каждом удобном случае выставляя их вперёд, тем самым отгоняя страх и показывая охране свою значимость: по государственной надобности идём, куда прёшь, скотина, не маши на меня камчой, а то намашешь на свою голову, и меч убери. Им не объявили, по какому делу они вызваны в ханский дворец. Тут, во дворце, дело простое – вызвать вызовут, потом наутро голову выставят на кольях у ворот, а за какую провинность и не объяснят. Может, кому дорогу перешёл неверно. Мы что? Мы люди простые.

Механик Йоханнес был в посольстве человеком незаменимым, всё знал, во всех ремёслах был способен. Хоть коня подковать, хоть лодку за полдня вырубить, хоть ту же подкову в кузне изготовить или шлем выправить. Здоровенного роста, всегда улыбчивый и молчаливый, с густой копной рыжеватых волос, заплетённых на катыйский лад, Йоханнес шёл среди катыйцев как гора. Издалека видать, как плывёт над городской толпой его голова, увенчанная катыйским хвостом, словно бунчуком. Несторианец Костас был его противоположностью – маленький, пухлый, чёрный, как уголь, с горящими глазами. Пронзительный голос Костаса слышался за несколько кварталов. Он либо смеялся, либо гневался, а вспылчив был до крайности, казалось, сердце его когда-нибудь не выдержит и вырвется из груди, бросится на обидчика впереди хозяина своего.

Механика отец с Марком в Иерусалиме подобрали. Он ещё юношей в крестовый поход отправился в Святую землю, да так и застрял в сарацинских странах. А Костас с отцом ходил за товаром уже лет двадцать. Бывший пират, он всегда прятал в складках одежды маленький острый стилет, чуть что совал руку за пазуху и божился на всех языках, призывая святых угодников, чтобы до смертоубийства не допустили. Отец Марка отбил его как-то у генуэзцев, те утопить хотели грека по навету, а может, и за дело – всё-таки пират. А потом выяснилось, что он не только мореход, но и плотник отменный.

Марко обнял обоих, отпустил охрану и провёл друзей в покои. Йоханнес оглядел роспись на шёлковых обоях, тяжёлый ворсистый ковёр, резьбу под стропилами и одобрительно кивнул.

– Богато живёшь тут, Марко, – сразу закричал Костас. – Слыхали мы, как император тебя приблизил. Вон и ешь на золоте, – сказал он, ткнув пухлым пальцем в массивное золотое блюдо.

– Это не моё, как и всё вокруг, – улыбнулся Марко. – В Поднебесной всё принадлежит Великому хану.

– Скажи, зачем мы здесь, не томи, – попросил Костас. – Утром явились нойоны ханские, поперёк сёдел нас бросили, сюда домчали, в пыль швырнули. Полдня у ворот томили. Мы, грешным делом, сначала подумали, что смертушка наша близка. Вышел потом такой мордатый, дал нам по дощечке деревянной, чтобы внутрь пройти. Сказал, что ты звал для работы.

Марко не спеша прошёлся, потом хлопнул в ладоши. Вошёл раб с подносом, уставленным чайными принадлежностями. Марко отослал его движением руки, прикрыл ставни и начал рассказывать. Друзья поминутно крестились и охали, но слушали не перебивая. Когда Марко замолчал, они долго смотрели в пол, потом Костас сказал:

– Одно дело баллисту огненную сделать или камнемётное орудие, другое – такую машину, как император велит. Виданное ли дело?! *Машина снов!* Душу человеческую хочет в силоч поймать! Дьявольский то промысел, я так тебе скажу.

– Скажи, а ты думаешь, что можешь поймать душу? – спросил Шераб Тсеринг, выходя из тени портьеры.

– Нет, язычник, я так не думаю, – ответил Костас.

– Тогда чего ты боишься, раз ты всё равно не можешь поймать ничьей души?

– Я никогда ничего не боюсь, – сказал Костас, горделиво выпятив нижнюю губу.

– Ты, я слышал, можешь деревянную птицу сделать и перьями её укрыть, подклеив их воском, – мягко сказал Шераб Тсеринг. – И потом та птица будет прыгать и клевать зерно так, что не отличить её от настоящей. Это правда?

– Да, я это могу.

– А ты, беловолосый великан, сделал из стальных пластин женщину, полую внутри, покрыл её воском и укрыл шёлковой одеждой так, что не отличить от настоящей? А потом, налив ей тайком в ухо воду, выставлял её на солнце, и когда она нагревалась, то пела человеческим голосом, как если бы была живой?

– Ага, – улыбнулся Йоханнес.

– Тогда почему вам просто не попробовать сделать некую машину вместе со мной? Просто попробовать.

– А ты-то что можешь? – спросил Костас.

– Не нужно, Костас, – сказал Марко, вставая между ним и те-бетцем, но Шераб Тсеринг отстранил Марка и подошёл к греку ближе.

– Я лекарь, – сказал Шераб Тсеринг. – Протяни мне ладонь.

Костас немного смущённо протянул левую ладонь, замотанную грязноватой тряпкой, под которой обнаружился глубокий, начинавший гноиться порез. Шераб Тсеринг взял руку грека в свои прохладные ладони, что-то негромко сказал, приложил ладонь Костаса к своей груди и потом подул на неё. Грек удивлённо посмотрел на руку.

– Легче? – спросил Шераб Тсеринг.

– Ну-у, – неопределённо протянул Костас.

– А ты посмотри, – улыбнулся Шераб Тсеринг. Костас недоверчиво разглядывал ладонь. Порез перестал сочиться сукровицей и покрылся тонкой розовой плёночкой свежей кожицы. – Если не будешь расчёсывать, к утру зарастёт. Ты умеешь работать с деревом, беловолосый гигант – с железом, а я немного знаю, как устроен человек. Марко поведёт нас по своим снам, и вместе мы как-нибудь придумаем, как выполнить приказ Великого хана.

– Я согласен, – неожиданно сказал Йоханнес, глядя на руку Костаса через плечо.

– Я тоже, – быстро сказал Марко.

– Ну, ладно, – сказал Костас, по-прежнему разглядывая подживший порез. – Всё равно, если не сделаем, Хубилай наши головы выставит на дворцовых воротах. Попробуем. Может, что и выйдет.

Неделя летела за неделей. Двор снова покинул Канбалу, убегая на юг от подступающих зимних ветров. Кортёж растянулся больше чем на тридцать ли, люди выходили посмотреть, как целый город с огромной Белой юртой, окружённой роем всадников, движется по тракту на Ксанду. За последней покрытой инеем повозкой упала замёрзшая на лету птица. Говорят, когда крестьянин, глазевший на движение императорского кортежа, подобрал её, чтобы сварить похлёбку своим детям, сердце птицы было кусочком льда, треснувшим пополам. По всему пути следования ханской конницы, разведывавшей путь (десять тысяч всадников Тогана скакали только на белых, без единого пятна, конях; когда они россыпью летели впереди процессии, опережая её на полдня, то походили на стаю белых цапель, вспугнутых с места), лежали ничком люди, пришедшие хотя бы одним глазом увидеть повелителя всего, что есть под небесами, Великого хана, императора Юань Хубилая. Но Хубилая нигде не было. На четвёртый день пути стали поговаривать, что он может летать и что тебетские чародеи научили его невидимости. Люди в процессии притихли. Ждали, что безмолвная тень невидимого императора подслушает нечестивые разговоры. Даже желчные евнухи, которым смерть часто кажется слаще жизни, перестали трепать языками имя Хубилая.

Впереди движущегося императорского города, опережая его на два дня, медленно ехали две фигуры в простой одежде. Никто не обращал внимания на молчаливых путников, у одного из которых за спиной болтался армейский колчан, а второй вёз обмотанный тряпьем длинный меч. Лица их были закрыты грубыми платками, якобы от дорожной пыли. Могучий кряжистый император и тонкий жилистый Марко ехали в одиночестве, обманув охрану. Двойник императора лежал в паланкине главного евнуха и развлекался на полную катушку, сотрясая пьяными криками ветви деревьев по обочине тракта.

Накануне отъезда Шераб Тсеринг посмотрел на звёзды и просил богдыхана не выезжать вместе с кортежем. Той же ночью в днище императорской повозки были найдены двое убийц. Когда их ловили, погибло полсотни нухуров. Убийцы сами разбили себе головы о тюремную стену во время допроса, чтобы не рассказать, кто их подослал. Они были катаяцами. После того, как вскрылись преступления управляющего столицей Ахмаха-сарацина, катаяцы словно взбесились. Они требовали допустить их к власти, вспоминали Елюя Чу-цая, бывшего управителем Поднебесной при Чингисе Тэмуджине, и тайком готовили бунты. Со всей округи доносили о готовящихся злодейских выступлениях против ханских чиновников.

Ахмах был небольшого роста, тучный и смуглый сарацин с вечно гниющими глазами. Льстивый, как патока, приторный, как восточные сласти, на деле он был жестоким и не знающим жалости человеком. Когда Хубилай отдал ему столицу в управление, Ахмах за несколько лет сумел выстроить такую систему взяток, что стал самым богатым человеком Канбалу. Но особенно он любил чужих жён и дочерей. Тысячник Ченху, катаец, обманом убил его, стоворившись со своим родственником Ванху. Один из нойонов, Когатай, захватив обоих заговорщиков на месте, вспорол им животы. Вскоре выяснилось, что Ахмах изнасиловал всю семью Ченху. Это и было причиной заговора. Хубилай рвал и метал. Хрупкие и болезненно уязвимые отношения с катаяцами были почти разрушены одним сарацином. Допросы велись во всех присутственных местах. Говорили, что проклятый сарацин был членом какой-то секты и всех не-магометан считал животными, внешне похожими на людей, но никак не людьми.

Хубилай собрал совет, цзиньши плакали и говорили, что Ахмах даже безвинных детей убивал, как щенят. Наутро семерых из сыновей Ахмаха публично казнили, а сарацинам было запрещено отправлять ритуалы своей веры, их святыне книги были сожжены. Хубилай выдвинул ультиматум нойонам – либо те из воинов, кто служит ему, отрекутся от магометанства и перейдут в любую другую веру, либо потеряют головы. В Канбалу был отдан приказ всем жителям сдать оружие дворцовой охране, даже столовые ножи выдавались один на квартал. За послушание, как обычно, отрубали голову. Но это не могло успокоить хана.

Марко видел во сне, как убийцы заплотнили дворцовую площадь, словно муравьи, это переполнило чашу терпения императора. Хубилай думал, что больше не вернётся в Канбалу. Уезжая, он отдал приказ о строительстве новой столицы – Тайду, и теперь всю дорогу размышлял, как правильнее устроить новый центр Суши, провести каналы и водоводы, разбить парки, как разместить дворцовый гарнизон, чтобы тот не бросался в глаза, но берёг жителей от разбойников. Строили быстро, полтора миллиона китайских рабочих трудились как пчёлы днём и ночью, при свете факелов. Каждому дали два халата и выплатили семьям вознаграждение. Парк Тайду должен был, по замыслу Хубилая, стать самым прекрасным местом под небесами, туда уже свозили самые красивые деревья со всего света.

Марко радовался возможности покинуть надоевший до чёртиков дворец Канбалу. Отец с Матвеем уже ждали их в зимнем дворце, куда неделю назад механики доставили то, чему предстояло стать *машиной снов*. Марко спросил Шераба Тсеринга, будет ли он сопровождать их в дороге, но знахарь засмеялся и сказал, что ни один конь не сравнится с ним в скорости. Говорили, что он может за два дня пробежать две тысячи ли, питаясь собственной слюной.

Марко испытывал страшное смущение. Молясь вместе с отцом и Матвеем в наспех построенной на задворках дворца церковке, он ощущал ужасающее чувство потери, вера уходила из него, как кровь из раны. Он всеми силами хотел вернуть уверенность в мире, которая была у него в детстве, он снова и снова вспоминал слова молитвы, но латынь казалась ему неродной, непонятной, словно рот был набит кашей. «Не может быть одного для всех бога», – смеясь говорил Шераб Тсеринг и извлекал из воздуха маленькие рисовые зёрнышки, которые исцеляли мигрень и помогали женщинам родить без боли. Марку хотелось исповедаться, плакать, прижавшись лбом к прохладной решётке исповедальни, как в детстве, но где взять ту искренность? Где она? За последнюю неделю он убил больше двадцати разбойников во время ночных рейдов по беременной мятежом Канбалу. «Разбойник, прозванный Ангулимала, убил почти тысячу человек, сделав из их пальцев ожерелье. Но, обретя свою веру, он исчерпал негативную карму и стал великим святым», – рассказывал Шераб Тсеринг. «Главное – не стоять на месте, работать на благо других и двигаться к постижению. Прибейся к любой вере, но не смешивай всё в кучу», – настаивал знахарь.

Марко метался и искал спасение во сне. Обволакивающая мягкая пелена накрывала его ярким покровом, спасавшим от преследовавшего чувства греха. Он рисовал на груди Пэй Пэй гиероглифы, прижимался к её шелковистой коже, слушал колокольчик её голоса. Каждый раз, просыпаясь от ночных шорохов, Марко испытывал чувство потери, шарил рукой по пустой постели и обречённо откидывался на подушку. Наложницы отказывались с ним спать, опасаясь его непредсказуемых вспышек гнева, после того как он выбросил нагую девицу на двор, на потеху ночной страже. Он доводил себя до полной паранойи, днём и ночью преследуя смеющуюся Пэй Пэй.

Мир вокруг сжимал молодого Марка, словно напряжённая матка, стремясь выбросить его из себя, чувство постоянного удушья от чужого давящего присутствия преследовало венечи-

анца, доводя его до приступов бешенства. Он брал меч и шёл на задний двор, в парк, до изнеможения чертил мечом спирали и круги в опускающейся темноте, рубил снопы рисовой соломы и деревянные куклы. Он хотел прорвать эту тугую оболочку мира, ночной воздух казался мембраной, прячущей другой, настоящий мир, полный счастья и любви. Марко колол воздух сияющим лезвием, в надежде проникнуть в прореху между мирами и выскочить туда, где нет ни боли, ни страха, ни постоянного ожидания смерти.

После знаменитого поединка Марка с императором Хубилай подарил ему драгоценный меч, выкованный почти двести лет назад великим мастером, имени которого Хубилай не помнил. Матвей с отцом подсчитали, что за минувший год Марко заработал на императорской службе больше четырехсот тысяч безантов. Для Венеции это были колоссальные деньги. На груди Марка висела пайцца с львиной головой. Даже кешиктен, самые близкие слуги Хубилая, высокопоставленные дворяне, завидев пайццу, падали на колени. Перед ней распахивались все двери, рыночные торговцы умоляли взять их товар бесплатно, надменные чиновники расплывались в приторной улыбке, вкрадчиво намекая на холостое положение Марка и подводя к нему своих притихших дочерей. Но Марко не замечал ничего вокруг, ни лебезящих слуг, ни всегда готовых к усадкам наложниц, ни денег, ни привилегий. Он прекрасно помнил, какую власть имел над Хубилаем управитель столицы Ахмах. Говорили, что он опоил императора и заказал специальный амулет у даосского колдуна, чтобы держать ум императора взаперти. Но это не сделало Ахмаха бессмертным. Марко видел, как быстро взлетают вверх по карьерной лестнице приближённые императора и как потом их головы выставляют на кольях у ворот, их семьи продают в рабство, а имущество раздают столичным нищим. Шераб Тсеринг, смеясь, говорил: «Ничего постоянного в мире нет и быть не может, Марко. Скоро ты и сам это увидишь».

Отец спросил Марка, не хочет ли тот вернуться в Венецию, но Марко только молчал и улыбался. Николай втайне боялся, что сын согласится. Четыреста тысяч безантов! Какой безумец вернётся в Венецию, когда тут можно зарабатывать такие деньги?! А в голове Марка колокольчиком звучал голос Пэй Пэй, нёсся сияющий меч императора, постукивали рубиновые чётки Шераба Тсеринга. Отец что-то говорил, но звуки доносились как сквозь подушку...

*****

Четыре

«За всю жизнь, Марко, я убил столько человек, что потерял им счёт. Убить человека – это всё равно что переспать с женщиной. Мне кажется, это очень близко. Запах менструальной крови, м-м-м-мхх... Ты чувствуешь её привкус на усах ещё долго после того, как женщина ушла. Это так близко к тому чувству, когда разрубаете человеку грудную клетку и кровь брызжет прямо на лицо, такая горячая, такая ароматная, что ты вдруг понимаешь, что чувствовал Бог, когда создал первого человека. За всю жизнь у меня было, наверное, двадцать тысяч женщин. Всяких женщин. Белых, жёлтых, золотистых, чёрных, самых лучших женщин, которых только можно найти на земле.

Моей первой женщиной была уйгурка. Я взял её на кровати её мужа, которого сам и зарубил у неё на глазах. Она дала мне ключ от города, я вошёл ночью, убил её мужа и взял её. Я ворвался к ней в задницу, круглую и крепкую, как дынька, и такую же сладкую. Она кричала так, что, казалось, сейчас проснётся вся городская стража. Я входил в неё как-то злобно, так, что у меня ныл лобок. Я держал её за волосы, и, когда я двигался в ней, она смотрела прямо в глаза своего мужа. Голова мужа была прямо перед ней, представляешь? Это было так сладко, кончить в неё, глядя на отрубленную голову её мужчины. И потом я перевернул её и вошёл в её мягкое лоно, пушистое, как тебетский щенок. Всё вокруг было залито кровью, и мы сами были залиты кровью. Мы скользили в ней, и я перестал понимать, чья это кровь. Его? Её? Моя? С тех пор запах крови для меня словно запах женщины. Наутро мои нойоны взяли тот город.

Знаешь, мне с тех самых пор больше всего нравятся уйгурки. У них как-то по-особенному светятся глаза. Когда они предают своих мужчин, ты чувствуешь на их губах вкус греха, и это возбуждает вас обоих. Я не знаю, что с ней стало. Скорее всего, её убили соплеменники, когда узнали, что именно она отдала мне ключи от города и опоила стражу у ворот. У меня не было времени горевать, мы шли на юг, нам нужно было помочь Мэнке взять страну Сун.

У меня было много женщин, но больше всего я запомнил шестерых. Они так запали мне в сердце, что даже сейчас я ищу женщин, похожих на них. Госпожа И. Госпожа Ба. Госпожа Сань. Госпожа Сы. Госпожа Оу. Госпожа Лю. Как четыре стороны света, зенит и надир. Ты, я знаю, до сих пор влюблён в призрак, Марко. Я тоже влюблён в призраки своих женщин.

У госпожи И были маленькие груди... Маленькие, но твёрдые, как алмаз. У неё было двое сыновей, но груди оставались девичьими. Она была моей первой китайской женщиной. Когда я кончал, она пела. Удивительно, но она всегда что-то напевала, напоминая мне птицу. Всё в ней казалось мне птичьим: маленькие руки, блестящие чёрные глаза – всё. Как она пела! Верным знаком того, что она достигла того же пика наслаждения, что и я, была её улыбка. Она улыбалась в постели и была самой нежной из всех, кого я знал. Я обожал просыпаться под её пение среди ночи. Она всегда пела и смеялась. Даже после смерти она продолжала улыбаться.

Госпожа Ба в постели ругалась самыми последними словами, которые я только слышал. Если я извергал семя в её задницу, она облизывала мой член, словно самое изысканное лакомство. Она была насквозь греховна. Греховна, как сам грех, порочнее порока. Она выглядела настоящей придворной дамой, она и была ею. Происходила она из древнего знатнейшего рода, идущего со времен Ши Хуаньди. Она была очень молода, почти девочка, но тело её было созревшим для греха. Когда она увидела меня впервые, она удивилась, смело подошла ко мне и взглянула снизу вверх. Осмотрела всего, и глаза её загорелись. Она называла меня «мой зверь». Ей нравилось, что у меня изрублено всё лицо и что грудь и спина у меня поросли шерстью, как у медведя. Не было женщины более сладострастной и сведущей в плотских утехах.

Госпожа Сань была умнее любого мужчины, которого я встречал в этой жизни. С ней можно было говорить сутками напролёт. Когда я входил в неё, она начинала источать сладчайший аромат, которому нет равных в свете. С ног до головы она пахла этим тонким слад-

ким ароматом, всегда напоминавшим мне о высочайшей точке плотского наслаждения. Мы убежали с нею из дворца и месяц прожили в горной хижине. Тогда мне впервые было плевать на все империи земли. Это было только с нею. Я вдыхал её аромат, слушал её речь, и день тек за днём, а ночью мы занимались любовью прямо под звёздами. Ни с кем я не говорил так открыто и никогда больше не встречал такого собеседника.

Госпожа Сы была загадочна, как ночь, и непредсказуема, как неверный полёт бабочки. Она была почти совсем чёрной и происходила из племени, которого я не знал. Птицы садились ей на плечи и пели. Дворцовые собаки, огромные тибетские доги, питающиеся человечиною, всегда играли с ней, как молодые щенки. Она протягивала руки в воздух, и огромные бабочки пили влагу с её ладоней. В темноте спальни я видел только её улыбку, такой тёмной была её кожа. Сперма так странно смотрелась на этой чёрной коже, что я снова и снова овладевал госпожой Сы, не в силах побороть желания. После этого я несколько дней спал, веки мои не открывались, руки и ноги наливались сладкой тяжестью, словно одетые в доспехи.

Госпожа Оу была не самой красивой женщиной, но её тело было таким совершенным, что невозможно представить себе ничего лучше. Всё в ней было немного чересчур, но как это возбуждало страсть! Её талия была чуть тоньше, а грудь чуть выше и больше, чем это бывает обычно. В детстве её дразнили долговязой, но потом она налилась округлостью женщины, и длина её ног превратилась в притчу. Я часами мог вылизывать их, как пёс. Когда мой язык скользил вверх по гладкой, как полированный камень, коже её бёдер, мне казалось, что это будет длиться бесконечно, что я никогда не достигну её лона. Лона же у неё было таким маленьким, будто она оставалась девочкой. Странно, но я абсолютно не помню её глаз. Вот губы я помню очень хорошо, они были огромными, на пол-лица, и сначала госпожа Оу подбеливала их на катайский манер, чтобы они казались изящнее, но после я запретил ей. Я всегда срывал с неё одежду, чтобы она оставалась нагой. Я исследовал её кожу дюйм за дюймом, ощупывая её, как слепой, и увлажняя своим дыханием. Я рассматривал её в тайной надежде найти в ней хоть какой-то изъян, но она была абсолютным совершенством.

Госпожа Лю была таким же воином, как и я, и даже в постели мы были яростны, словно на поле битвы. Она владела мечом и луком, и огромным наслаждением было охотиться вместе с нею. Она происходила из небольшого племени разбойников, где женщины и мужчины с детства приучаются к военному ремеслу. Попадала в подкинутую монетку с пятидесяти шагов и стрелы для своего большого лука делала только сама. Брошенным ножом могла убить бегущего зайца. В первую ночь она прокусила мне запястье и вдоволь напилась моей крови, а после велела мне сделать с ней то же. Мы занимались любовью сразу после боя, нет, битва ещё не была окончена, а мы уже предавались звериной похоти среди криков раненых, среди моря крови. Госпожа Лю была моложе меня на сорок лет. Я сходил с ума. Я просто сходил от неё с ума. Она знала мою тайную страсть к крови, слышала во мне этот властный голос и следовала за ним. Когда она увидела меня с наложницей, она молча дождалась, когда я удовлетворю свою страсть, а потом выхватила нож и вырвала у рабыни сердце. Она съела его на моих глазах ещё дымящимся и потом крикнула: «Может, это поможет мне завладеть твоей любовью так, чтобы никто не смог украсть у меня ни единой частицы твоего семени?!» Она была дикаркой, но она была прекрасной дикаркой.

Все они мертвы, мои прекрасные женщины, мои ангелы, мои дьяволицы, сделавшие меня повелителем Суши. Ведь это именно для них я сжигал города и возводил мосты. По сей день ночь напоминает мне кожу госпожи Сы, а рассвет – кровь моей дикарки Лю. Когда я нюхаю покрытые росой цветы во внутреннем саду Канбалу, я вспоминаю аромат госпожи Сань, а первый выпавший снег напоминает мне кожу госпожи Оу. Всё вокруг дышит ими, моими дорогими призраками. Каждую ночь в моей постели прислуживают шесть новых женщин, но никто из них не вызвал в моём сердце такой искры, Марко.

Я мечтал любить одну женщину, видеть в ней весь мир и входить в неё, завоёвывая этот мир, каждую ночь становясь императором не одной – пусть даже очень большой – страны, а всей вселенной. Но Бог не дал мне такой возможности, и я любил шестерых. Госпожа И. Госпожа Ба. Госпожа Сань. Госпожа Сы. Госпожа Оу. Госпожа Лю. Как четыре стороны света, зенит и надир. Мои прекрасные призраки всегда со мной, как с тобою твоя Пэй Пэй, Марко».

«Увы, мой повелитель, я не чувствую, что моя Пэй Пэй со мной. Тибетский колдун Шераб Тсеринг говорит, что пространство вмещает все существа и вещи... Я этого не чувствую. Я всё время хочу поймать её образ целиком, но вижу лишь обрывки, части мозаики... губы... глаза... руки... грудь... Мне мало того, что я чувствую. Моя память во сне – какой-то слабый раствор обычной памяти. Не работает. Стёрлась, как зубы старой Хоахчин, которая хорошо помнит, как ела мясо, но сейчас не может прожевать и куска лепёшки, не намочив его водой».

... всюду, всюду кровь, меня окружает кровь, я вспоминаю рассказ Хубилая о его первой женщине и понимаю связь между нами. Реки крови, питающиеся маленькими ручьями, сливаются в моря, а те – в океаны, и островки любви между ними заливают ароматная и страшная красная боль. Боль пульсирует в каждой волне этого бесконечного алого моря, толчками входит в сердце, как семя выплёскивается в раскрытое страстью лоно, и невозможно избежать этой боли.словно маленькие хваткие ручонки, липкие алые волны цепляются за полы моей одежды, тянут вниз, где в коричневой глубине лязгают доспехами ненависть и сладость неведения. Я тупею, я чувствую это с каждой новой смертью, когда глаза насаженного на клинок человека вдруг пустеют и покрываются голубоватой плёнкой, словно глаза снулой рыбы. С каждым последним выдохом убитого из меня что-то вытекает, будто я теряю свою силу, как на исходе ночи с женщиной, но только это не превращает воздух в нектар, как это бывает с любимой, а наоборот, он становится похожим на масло, не проходит в сжатое ненавистью горло, и острова любви погружаются в красное море навсегда...

...я постоянно стиснут страхом, словно укутан в ковёр, в пелёнки, как младенец, беспомощно ищущий помощи в пространстве влажными бессмысленными глазами. Я смотрю на расшитые ткани и золотые узоры, на коралловые статуэтки и инкрустации слоновой кости, а под ними вижу распахнутые от боли рты. Материя становится зыбкой, и мой взгляд проникает сквозь неё, как сокол пролетает сквозь облако. Под всем этим великолепием – багровая тьма, стоит только отвлечься, как этот багрянец начинает сочиться из-под складок парчи между жемчужинками, нашитыми на шёлк, тонкими струйками ржавого дыма пробиваться в трещинки покрытого драгоценными коврами пола. Клещи страха сдавливают мой живот, страх везде – в притворных улыбочках дворцовых шлюх и в покрытых чешуйчатými латами кулаках ночной охраны, пьющей бычьей кровью...

... между болью и страхом вдруг пробуждается желание, неясное и подобное сильной жажде, желание промчаться сквозь плоть, сквозь человеческое мясо, как будто сквозь горячую воду, сквозь нежный прогретый солнцем мелкий песок. И это желание охватывает меня всего, всего с ног до головы, и я хочу с головой войти в эту плоть, почувствовать, как она скользит по моей спине, по груди, разрывать её ртом, вонзять в неё пальцы, ощутить её тяжесть, подобную глубокой тяжести толстого одеяла. Я хочу вонзиться в это тело, разорвать его собой и встать лицом к солнцу, сбрасывая с себя сладкие обрывки мяса, отжившую и съеденную мной шкуру...

aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAA

.....

...Марко рванулся с обитого кожей кресла, но сыромятные ремни отбросили его обратно на ложе. Он чувствовал, что всё ещё кричит, но звука не было. Из рта слышалось только

сипение, казавшееся громоподобным воем во сне. Пальцы онемело впились в ладонь, складки кожи меж фаланг липли кровавистой жижицей. Губы, солёные от крови, напряжённо и как-то по-рыбьи сжимались, судорога пробежала по щекам, медленно освобождая уставшее от гримасы лицо.

– Я полагаю, ты только что повторно пережил своё рождение, – сосредоточенно сказал Шераб Тсеринг, массируя Марку намокший лоб. Костас истово крестился. Йоханнес наливал из меха мутноватое рисовое вино.

– Не нужно вина, – попросил тебетец, – ему пока надо прийти в себя, а вино снова всколыхнёт в нём все дикие животные вибрации.

– Что за... что это... чёртов колдун, – прохрипел Марко.

– Это не очень глубокие воспоминания. Скажем так, ты копнул совсем рядышком. Нырнул на отмель, – сказал Шераб Тсеринг. – Память о боли и удушье при родах соединилась с последними событиями. Воспринимай всё это как очищение.

– Больно... почему так больно-то?

– Я хочу помочь вычистить всю гадость, которая осталась в твоём сознании после убийства существ. Иначе всё это вернётся к тебе в момент смерти, но вернётся стократно.

– Я не вынесу...

– Выбора нет, сынок, – печально улыбнувшись, сказал Шераб Тсеринг.

Она стояла посередине недостроенного Западного павильона Тайду. Ловушка для мечты. Лодка для странствия по морям желаний. *Машина снов*.

Деревянный кубический остов, покрытый непонятными Марку тебетскими заклинаниями, изготавливали из многослойных реек и проклеивали для упругости пальмовым волокном. При желании вдоль рёбер куба опускались тонкие муслиновые занавески, мешавшие бесчисленной летней мошкаре беспокоить сон того, кто находился в машине. Внутри куба, на сыромятных кожаных растяжках, висело нечто среднее между гамаком и креслом, для придания телу странствующего по снам наиболее удобного положения. Марко парил внутри куба, слабо улыбаясь. Его руки и ноги были прихвачены к ложу ременными кольцами. Грудь, горло и голову мягко стягивали широкие кожаные браслеты, покрытые непонятными ему письменами. В орнамент, покрывавший их, Шераб Тсеринг искусно вплёл особые камни. Они должны были, со слов тебетца, «впитывать» сны Марка. Камни «шарира» он считал самой сутью *машины снов* – их находили в пепле, оставшемся после кремации тел великих святых йогингов. Всё остальное знахарь называл удобным, но вполне заменяемым антуражем, лишь система драгоценных камней, по его словам, делала путешествие во снах возможным.

– А они не исчерпают своей силы со временем? – спросил как-то Костас, шлифуя крепления ремня.

– Разумеется, нет, – ответил Шераб Тсеринг. Он задумчиво поигрывал тихо стучащими чётками, его тёмные плоские пальцы, казалось, жили отдельно от всего тела. Йогин внезапно показался очень старым, таким же старым, как и принесённые им камни. – Наоборот, они будут только накапливать вложенную в них энергию. Камни – это тоже некоторая форма жизни, очень интересная форма. Они просто гораздо медленнее нас. Бабочка-подёнка живёт всего один день, но успевает пережить за это короткое время целую жизнь, со всеми её бедами, радостями, желаниями и потерями. Камень живёт медленно. Камни, которые мы считаем драгоценными, – это застывшие капли энергии, приносящей исцеление либо другие блага. Камни же «шарира» возникают чудесным образом, мистическим и непостижимым. Они как бы конденсируются в теле святого в момент умирания, когда тело остаётся просто использованной оболочкой, как паланкин, покинутый пассажиром. «Шарира» являются всей сутью тела, речи и ума того, кто их породил. Они приносят огромное благословение и подключают нас к просветлённым энергиям, если мы, конечно, этого хотим.

– А буквы?

– Они, даже произнесённые, несут в себе огромную силу. Заклинания, написанные здесь, подобны стуку в дверь или открыванию двери. Камни обязательно сработают, но сначала придут в действие заклипания. Когда тело спит, а ум становится более свободен, его вибрации с неизбежностью соединятся с вибрациями букв сами по себе. И всё сработает. В конечном счёте, всё, что нужно сделать путешествующему во снах, так это расслабиться и уснуть. Ну и, конечно, не есть слишком много перед этим, чтобы не сделать сон слишком беспокойным или таким... вязким.

– А если я прочитаю их?

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Шераб Тсеринг, глаза его спрятались в паутине мелких морщинок. – Правильно прочитать их, теоретически, можно научиться, если ты ещё найдёшь грамотного учителя. Но это не язык людей. На этом языке не говорит ни один из народов Поднебесной. Это садхьябхаса⁶.

– Что же это за язык? – спросил Марко. – Я знаю примерно пятнадцать разных наречий, от итальянских и сарацинских до языков хань и мянь.

– Человеческий язык описывает примитивные вещи: еду, вещи, боль, влечение. Чтобы описать нечто большее...

– Например, Бога? – перебил Костас.

– ...да, что-нибудь из этой области, – засмеялся Шераб Тсеринг, – чтобы описать какой-то духовный опыт, мы должны прибегнуть к огромному количеству слов, ни одно из которых, к сожалению, не выразит в точности того, что мы собирались сказать, когда только открыли рот или взяли в руки кисть. Просто потому, что в языке любого народа нет таких слов.

– Тогда что это за язык?

– Мне говорили, что это язык *бежущих по небу*, кхандро – просветлённых женских энергий, дакинй, свободных, счастливых, парящих в безграничном пространстве. Это не язык в нашем обычном, человеческом понимании. Это скорее тайный код, одна буква которого может содержать пять-шесть книг с поучениями. Дакини с некоторым недоверием относятся к нам, людям, но тем немногим, кто уверенно идёт к Освобождению всех живых существ от оков неведения и страданий, они открывают быстрый путь к прозрению истинной природы вещей. Этот язык – *дыхание дакинй* – доступен только тем, кто непосредственно находится в поле их энергии. Поскольку *дыхание дакинй* особенно сильно в сумерках, не только между днём и ночью, но и в сумерках сознания, между сном и явью, то я очень надеюсь, что ум того, кто находится в *машине снов*, не отягощённый тяжестью тела, воспримет вибрацию этих магических букв.

– Колдун, почему тогда ты не покажешь «быстрый путь» нам с Великим ханом? Прочтём пару этих твоих секретных текстов, споём пару этих безумных песен, и дело готово, не надо мучаться, не надо строить никаких машин, – нахмурился Костас.

– Костас, это не поможет. Чистое учение должно вливаться в правильный сосуд. Если он треснут или перевернут кверху дном, или уже наполнен какой-то требухой, то всё бесполезно. Все вы знаете, что опьянять себя вином сверх меры, а также слишком увлекаться наложницами не очень полезно для здоровья. Так?

– Так.

– Однако вы меняете рабынь каждую ночь и напиваетесь с Йоханнесом до бесчувствия так, что утром ваши руки трясутся как ножки новорождённого телёнка. Я прав?

– Прав, – неприязненно хмыкнул Костас.

---

⁶ Садхьябхаса (санскр.) – дословно – «язык сумерек».

– Люди отлично знают, что приносит благо, а что приводит к адским состояниям, но никто не живёт в соответствии с этим пониманием. Мы переполнены привычкой жить желаниями, а не здравым рассудком. Поэтому...

– ...ты согласился построить *машину снов*?

– А как она будет работать? – спросил Марко.

– Я надеюсь... Хотя это очень призрачная надежда... Что спящий в машине услышит *дыхание дакин* и его ум вступит в соприкосновение с просветлёнными энергиями. Это должно пробудить в его уме желание пройти весь путь к осознанию своей истинной природы. Он будет пробиваться через сеть своих привычек не так болезненно, как в этой реальности... Хотя, – йогин по-детски рассмеялся, – эта реальность так же иллюзорна, как и реальность сна. Но большинство тех парней, что сейчас суетятся там, во дворе, за порогом, этого не понимают. Такие вещи надо пережить непосредственно. Я полагаю, что есть два вида снов: кармические сны, переполненные иллюзорными видениями, происходящими из узора собственной кармы, и сны ясности, когда чётко осознаёшь промежуточное состояние между тем, что ты считаешь бытием, и тем, что ты считаешь не-бытием. Главное, это как бы «проснуться» во сне, но не просыпаться совсем. Если это удастся, то ты переживаешь прямой опыт истинной реальности. Ты засыпаешь, потом заклинания и камни начинают действовать так, чтобы ты покинул мир иллюзий, созданных в твоём уме воспоминаниями прошлых жизней и минувших дней, и потом ты начинаешь осознавать всё на другом уровне.

– За сколько раз? – торопливо спросил Костас.

– Ну, знаешь, Костас, ты так терпеливо и усердно пил вино, убивал людей, развратничал, воровал почти сорок лет, что за один раз всех этих привычек не вычистить, – захохотал Шераб Тсеринг.

– Я к тебе в ученики не нанимался, – злобно сказал Костас. Он быстро прошёлся, положив руки на грудь, горячо сплюнул и прошипел про себя, но довольно громко:

– Осточертел со своими поучениями, старый хрен. Я твою маму драл, чёртов еретик.

Лицо Шераба Тсеринга вдруг приобрело выражение отца, чей ма-ленький ребёнок разбил любимую материну чашку – наказывать жалко, а объяснить трудно. Он взялся рукой за резную раму и, взмахнув густо-синими полами халата, взлетел над *машиной снов*, приземлившись на крестовине, прямо над лежащим в паутине ремней Марком, и начал поправлять покосившиеся крепления. Внезапный прыжок тебетца заставил Костаса прервать злобный шёпот, грек застыл с полуоткрытым ртом, придававшим его и без того не особо интеллигентному лицу удивлённо-придурковатое выражение. Йоханнес внезапно загоготал, хлопая себя по толстым бёдрам. Он подошёл к *машине снов*, взялся за раму и попытался запрыгнуть на неё, но упал, ободрав руку, и засмеялся ещё громче.

Знахарь лежал, распластавшись на крестовине. Любящие глаза Шераба Тсеринга, затмевавшие в глазах Марка всё небо, стали огромными, их края расплзлись, расширились, заполнили весь горизонт, он взял свои рубиновые чётки в горсть, словно слепив в комок рисовые зерна, подул на них и, что-то бормоча, приложил к потному лбу Марка. По лицу молодого венецианца потекли горячие слёзы, он потянулся навстречу остро пахнущей какими-то специями руке колдуна-тебетца и изо всех сил прижался лбом к колючим рубиновым зёрнышкам. Шераб Тсеринг легко стукнул его по макушке, коснулся горла и груди Марка и надел чётки ему на шею.

– Развяжите его и достаньте из машины, – крикнул знахарь помощникам. Костас как-то сонно и безвольно подошёл к деревянному кубу и потянул на себя ремни. Шераб Тсеринг с лентой спорхнул с крестовины на пол, чуть задержавшись в воздухе перед приземлением. Марко вырвался из ременной ловушки и упал ему на руки.

– Кто ты? – спросил венецианец.

– Нам надо спешить, Марко. Нам надо очень поторопиться, – сказал Шераб Тсеринг и быстро вышел из павильона.

Ночь плыла над дворцом как молчаливая тёмная птица. Влажные порывы ветра несли долгожданное, почти весеннее тепло, отгоняя сон. Внезапно крики и топот во дворе соседнего павильона встревожили Марка, ворочавшегося на пышной горе одеял никак не в состоянии уснуть. Он резко сел на кровати, ожидая частых ударов деревянной дощечки, которыми бойцы ночной стражи предупреждали друг друга об опасности. Но крики быстро стихли. Марко встряхнул головой, прислушиваясь к собственным ощущениям. Рядом, источая прохладный аромат, лежала юная девушка-караитка, прислуживавшая библиотекарю. Движимый безотчётной тревогой, он потянул меч из-под ложа, стараясь не спугнуть сон рабыни шипящим пением стали. Левой рукой Марко выловил из-под подушки золотую пайцзу, неловко нацепил её на шею и, уже вставая ко входу в апартаменты, обернулся на караитку, бесстыже и одновременно невинно раскидавшуюся по постели. Скользя взглядом по почти чёрным маленьким соскам и впалому смуглому животу, прочерченному лёгкой полосой неженских мышц, Марко ощутил приступ желания. Всё ещё не отпуская меча из руки, он раздвинул ноги девушки и, рывком сбросив с себя шёлковые подштанники, присел к ней, поглаживая её по лобку намоченным слюной пальцем. Она улыбнулась, не просыпаясь, и потянулась тазом к молодому венецианцу. Тёмные губы приоткрылись, белая полоска мелких зубов двинулась, и нежные слова чужого языка прошелестели в темноте спальни, подстёгивая желание Марка своим непривычным звучанием. «...Маго Боло», – позвала она по-китайски и снова зашелестела по-своему, по-караитски, подползая к нему во сне. Чёрные полосы ресниц дрогнули, но огромные раскосые глаза остались закрыты. Движения девушки были всё ещё угловатыми, но уже такими грациозными, казалось, женщина просыпается в глубине её, словно бабочка начинает двигаться в созревшей куколке, истомясь дремать со сложенными крыльями.

Резкий стук рукоятью сабли в косяк входной двери заставил Марка зашипеть от разочарования. Левой рукой он неуклюже потянул подштанники вверх, не отрывая взгляда от девичьих бёдер. «Господин, пощадите», – хрипло зашептал из-за двери незнакомый голос. Марко набросил халат, рывком завязал пояс, быстро поцеловал припухший голый лобок рабыни и, спрятав меч за спину, чтобы не бросался в глаза, распахнул дверь.

Десяток копеечников стоял на правом колене, уперев в землю правый кулак. Сабли в ножнах, косматые пики лежали по левую сторону. Десятник, совсем молоденький парнишка с разорванной губой, обнажавшей жёлтые зубы, поднял на Марка глаза:

– Пощадите, господин! Вас срочно просят прийти. Кто-то сломал печать на Западном павильоне, где стоит ваша адова машина. Ичи-мерген велел оцепить павильон и привести вас. Тебетца нигде нет. Великого хана Ичи-мерген будить запретил. Подать вам паланкин? – десятник говорил по-татарски быстро, как лаял.

– Я что, похож на евнуха? – грубовато хохотнул Марко, добавив непристойное ругательство на татарском.

Десятник удержался от смеха, но некоторые нухуры всё же одобрительно хрюкнули, ещё ниже наклонив головы.

– Что смешного? – вдруг нарочито громко крикнул венецианец по-китайски. Нухуры тут же подобрались. – Идём быстро.

Марко пристегнул ножны и зачехлил меч, и, придерживая оружие, чтобы не слишком стучало по бедру, споро побежал вслед за десятником к Павильону снов, как называли его стражники между собой. Марко со товарищи старались строить машину если не тайно, то хотя бы так, чтобы об этом знало как можно меньше народу, но разве что скроешь от ночной стражи? Подглядывать, подслушивать – это их работа. Пробежав где-то с четверть ли, он подумал, что зря взял такой быстрый темп: дружинники даже не запыхались, а Марко чувствовал на губах

горько-сладкий винный пар, вырывающийся из лёгких, и думал, что хорошо бы поваляться сейчас, да лучше где-нибудь у пруда подушек набросать, пусть бы рабы одеял принесли побольше да гретого винца сливового, смотреть на воду, лениво караитку поглаживать, как бишь её зовут-то? да не суть важно, славная девчонка, давно никто не грел ему постель...

Стражники взяли Марка в кольцо, указывая маршрут, грамотно срезая углы, показывая, куда бежать, ныряя под приподнятые на сваях пешеходные дорожки, быстро обмениваясь условными сигналами с встречными отрядами. Марко глянул на них повнимательнее. Слишком молодые для дворцовых частей. Ни одного знакомого лица, да и лица какие-то не такие. Не катайцы точно, но и не чингизиды. Вроде как по виду мунгалы-степняки, но только какие-то странно толстомордые. А в ночную смену кого попало не берут... Что же это за племя? Мутит что-то Ичи-мерген... Или не он? На всякий случай Марко чуть поджал гарду большим пальцем, выдавливая лезвие из кольца-фиксатора и прикидывая, кто тут из десятка самый боевистый, после командира. Винный привкус сменился на губах горькой желчью, в боку закололо. Марко подлетел к павильону, сдерживая желание, по-собачьи запыхавшись, рвануть глоткой свежий предутренний воздух.

Шераб Тсеринг стоял у дверей, укоризненно качая головой.

– Мы искали тебя, колдун! – грубо крикнул десятник. Марко нахмурился, сорвал ножны с креплений и, не вынимая меча, легко стукнул десятника по затылку. Десятник дёрнулся и посмотрел на молодого венецианца с плохо скрываемой неприязнью.

– А ну в пол! – зычно гикнул Марко, с подчёркнутым лязгом вытягивая меч из ножен.

Нухуры опустили на колено быстро, словно их внезапно ослабили силы, но десятник слегка замедлился. Дружинники украдкой посматривали на него из-под шлемов, и это подстегнуло Марка. Он стремительно развернулся и, уперев меч в горло десятника, спросил на татарском:

– Ты что, жёлтая с-собака? Мерзостный червяк! Умом тронулся? Так ты разговариваешь с гостем Великого хана?

Скулы десятника натянулись, шрам дрогнул, зубы пискнули, сти-снутые мощными жвалами. Марко мельком бросил взгляд на ближайšie сторожевые башенки. Лучников не было. Не просто подозрительно. Плохо. Вообще дерьмово. Десятник угрюмо смотрел исподлобья, его пальцы нехорошо шевелились, перехватывая пику поудобнее.

– Здравствуй, Шераб Тсеринг, – сказал Марко, не поворачивая головы к тебетцу и подсознательно готовясь к чему-то неприятному. Его не отпускало животное предчувствие опасности.

– Здравствуй, – восковое лицо знахаря мертвело на глазах. Обычно смеющиеся глаза потускнели, как осколки обсидиана.

– Я чувствую что-то плохое...

– Ты прав, – быстро перебил его тебетец.

Десятник начал медленно подниматься с колена, опираясь на пику и положив руку на эфес. Марко схватил левой рукой пайцзу и вытянул её в сторону стражников, крикнув им: «Сидеть!» – словно собакам. Нухуры попржиались. Десятник с расширенными зрачками продолжал подниматься. Марко чуть двинул кистью, чтобы слегка надрезать ему кожу на горле, показать место, но Шераб Тсеринг захрипел:

– Не надо, Марко...

– Что с тобой? – спросил Марко, косясь одними губами, всё не отворачивая лица от присевших стражников.

– У меня нет сил остановить их, но не казни их, Марко...

– Что с тобой? – крикнул Марко, давление усиливалось, горечь желчи жгла губы, сердце стукнуло и куда-то пропало.

Десятник встал и потянул из ножен саблю, но Шераб Тсеринг повёл рукой, что-то шепнув, и десятник рухнул с искажённым от ужаса лицом. Марко быстро подбежал к знахарю, на ходу крикнув на татарском: «Вскрывают ворота!» Нухуры гурьбой бросились к воротам павильона, на которых болталась сломанная голубоватая печать. Дружинники огибали корчащееся от страха тело десятника, суеверно бор-моча и мелко крестясь. Странно. Неужто христиане, бывшие найановы перебежчики? Но им нет входа в Запретный город... Как бы то ни было, позже разберёмся, подумал Марко.

Шераб Тсеринг медленно заваливался назад и вбок, слабая улыбка разрезала быстро стареющее, волнами незнакомых морщин терзаемое лицо. По темнеющей коже знахаря бежали гримасы, лица разных людей, мужчин, женщин, детей, стариков струились по нему, как отражения по водной глади, но тускло мерцающие глаза оставались спокойными, чуть тронутыми далёкой болью. «Иди внутрь, Марко, быстрее», – шепнул тебетец и рывком выпрямился, чтобы тут же опуститься на землю со скрещёнными ногами.

Десятник продолжал корчиться от ужаса, что-то бормоча самому себе, сгибаясь и разгибаясь, как упавшая с дерева гусеница-шелковица. Впервые заглянув в бездну своей души, он больше не мог вырваться от вскормленных собственной злобой призраков.

Марко вбежал в дохнувший теплом павильон. Всё было залито неверным играющим светом десятков факелов в руках перепуганных стражников. Муслиновые занавеси *машины снов* были опущены, оттуда доносился жутковатый тихий вой, куб сотрясали судороги, сильные удары чьего-то тела встряхивали тонкую ткань, но прочные, на совесть сработанные Костасом деревянные балки словно выросли в узорчатый пол. Марку показалось, что слабо светящийся куб – он и не знал, что волшебные камни дают столько света – стал ловушкой для массивного животного, бьющегося внутри в бессильной попытке освободиться. Стражников с перекошенными от ужаса лицами набилось столько, что яблоку негде упасть. Щедро раздавая удары лезвием, повернутым плашмя, невзирая на крики, Марко пробрался к кубу и одним ударом вспорол занавесь.

Окутанный ремнями, распятый на кожаном ложе, опутанный нитями собственной слюны, весь в крови от стёртой ремнями кожи, в кубе бился Ичи-мерген, правая рука императора Юань, начальник ночной смены дворцовой стражи. В лицо горько ударил запах кала, изгваздавшего всё ложе. В моче, крови и испражнениях бился могучий воин, чьим прозвищем пугали детей. Ичи-мерген, настоящего имени которого не знал никто, кроме его матери, о которой говорили, что она была так уродлива, что совокупилась со змеей, чтобы зачать сына-защитника. Ичи-мерген, который каждое утро пил кровь убитых им людей, объявленных преступниками, а их глазные яблоки сосал как конфеты. Ичи-мерген, который пил только из той чаши, что всегда носил с собой, а сделана она была из оправленного в серебро черепа неизвестного зверя, молоком которого его вскаривала мать, имевшая всего одну грудь, не дававшую молока. Ичи-мерген, ни разу не отведавший женщины, горевший огнём уничтожения, не знавший, что мужчина имеет семя, рождающее жизнь. Ичи-мерген, смотревший на людей так, что они в слезах признавались во всех прегрешениях, могучий судья, заклеянный языками сотен племён, которые он истребил. Ичи-мерген, чей родной язык понимали лишь последние оставшиеся в живых десять людей его рода, каждое новолуние жравшие варёную человечину на крыше самого большого дома, стоящего у самого шумного перекрёстка столицы. Ичи-мерген, преданный сумрачному древнему богу, имя которого могли произнести лишь его соплеменники, летучие мыши и осенние ягоды «грдза».

И этот самый Ичи-мерген сейчас задышался в слабом свете «шарира». Марко поднёс меч к ремням, покрытым колдовскими письменами, и не посмел рассечь горячие строки незнакомого, но глубокого языка, грозившего неясной мощью.

– Вскрыть замки! – крикнул он на китайском.

Дружинники попятились, как увидевшие волка дети.

– Здесь есть мужчины? Или все вы только тупые бабы, чья жизнь – лишь валять войлок и давать сиську детям? – срывая голос, по-татарски закричал Марко, разрезая воздух свистящим лезвием.

Трое стариков, которых он часто видел неподалёку от Ичи-мергена, подбежали к *машине снов* и начали развязывать ремни. Как только лопнула первая медная застёжка, Ичи-мерген взвизгнул и начал стремительно таять. Старики попятились. «НУ!!!» – крикнул Марко. Самый старший из подошедших внезапно выкрикнул знакомый Марку боевой клич, и двое других рухнули на колени, скрестив руки за спиной. «Тнна рррргна кссссскррркккхха», – прорычал старик – от неблагозвучности этих будто наполовину выблеванных слов многие дружинники бросили оружие и схватились за уши – и внезапно пробил саблей стремительно опадавшую грудную клетку Ичи-мергена. Рёбра хрустнули как сухое дерево, слабенький лёгкий пепел струйкой взвился из ссыхающегося тела великого воина.

Старики выдернули мергена из ослабших ремней, ещё несколько мгновений назад охватывавших могучее и цветущее тело, и старший с сильным хрипким акцентом крикнул по-татарски: «Пожалуйста, дайте место!» Зачарованные нухуры попятились, следуя жестам старика. Он очертил круг длинной саблей, и двое других бросили ему то, что только что было Ичи-мергеном.

Марко стиснул меч, пытаясь высмотреть Шераба Тсеринга поверх гудящих голов нухуров.

Сумрачные старики взвыли так, что их нутряной блевотный крик заложил уши. Многих дружинников вырвало. Не переставая выть, старики разорвали грудь Ичи-мергена и достали дымящийся чёрный шар. Сердце, подумал Марко. Они быстро, в два глотка съели дурнопахнущий, осыпающийся угольями комок плоти и стали кривоватыми пальцами ломать мёртвую голову. Этого Марко вынести не смог, сдерживая подступившую рвоту, он отчего-то выкрикнул клич чингизидов и бросился к старикам. Меч вошёл в грудь старшего туго, как в промокшую скатку войлока. Старик повернулся и неожиданно спокойно сказал: «Пожалуйста, дай нам похоронить нашего собрата согласно нашим обычаям». Марко вынул меч. Крови не было.

Залитые чёрной жижей лица стариков повернулись к нему и хором сказали: «Спасибо, молодой господин».

Через две минуты всё было кончено. Разорванные лохмотья мёртвой плоти дымились в вонючем костерке. Вдруг что-то колыхнулось в умолкших рядах дружинников, и толпа, обогнув Марка, склонилась над отвратительными стариками, зыбкое тело толпы, похожее на плотную рыбу стаю, дёрнулось в едином ударе, потом нухуры расступились... Марко не стал смотреть на проявляющуюся полянку. Воздух пронизала невероятная вонь. Факелы колебались, что-то похожее на рой мелких насекомых горело в их пламени.

Дружинники разошлись. Старики сидели кругом, взявшись за руки. Ни один сабельный удар не причинил им вреда. Нухуры блевали и плакали, не в силах вынести тяжкий запах, волнами исходящий от старцев. Те вдруг зашипели и зацокали, словно пойманный нетопырь. Марко сжал руками уши, пытаясь защититься от мерзкого шипения, рвущего барабанные перепонки. Они звали своего бога. И тот пришёл.

Он был бесконечно, невыносимо прекрасен. Сквозь дурноту и слёзы Марко увидел существо, самое красивое на всём свете. Зыбкое и подрагивающее марево сгустилось из углов, с шипением подлетело к старикам, окружив их своим мерцанием. Он видел его так же, как видел что-либо во сне – смутный образ с хорошо очерченным, хоть и призрачным контуром

и смазанной серединой. Его тонкое, исполненное божественного достоинства и лёгкой грусти лицо почти не читалось, лишь угадывалось, бликуя в пламени сотен факелов. Наполненные сумеречным светом глаза источали непреодолимую мощь, тонкие запястья то выныривали из бесчисленных складок холодного огня, которым казалось его не то тело, не то платье, то снова прятались в трепещущем пламени.

– Спасибо, молодой господин, и прощай, – сказал старший из троицы. Их бог опустил на влюблённые глаза стариков прозрачное тёмное покрывало, и через мгновение лишь сухие комья лежали на земле. Бог с непроизносимым именем ещё раз взглянул на окаменевших дружинников и растворился по углам, спрятавшись в тени.

Все дружинники, которых коснулся его прозрачный плащ, были мертвы. Окрашенные серой окалиной с той стороны, с которой прош-ло *это существо*, осыпаясь мертвеей кожей, они повалились как деревянные скульптурки воинов, которыми играют дети. Некоторые стражники, успевшие отойти с пути прекрасного чудовища, ползали на четвереньках, встряхивая головой. Их не коснулась его призрачная плоть, лишь холодное дыхание. И они навсегда потеряли разум, мыча что-то невразумительное.

Внезапно двери павильона распахнулись, и свежий холодный ветер отрезвил находившихся внутри, прогоняя тяжёлый сумрак. В проёме, окружённый сотней воинов, стоял Хубилай, повелитель Суши, великий император Юань. Он взмахнул мечом, и стража ворвалась внутрь.

Через секунду всё было кончено. Из тех, что видели смерть (или не смерть? – от этой мысли становилось жутко) Ичи-мергена, в живых остался только Марко. Остальных размолотили в фарш сотнями острых сабель. Кровавые ошметки сползали со стен. Воздух пронзал тяжёлый и возбуждающий аромат крови.

– Ты как, мой мальчик? – негромко спросил император.

– Я жив, повелитель.

– Это чудо.

Хубилай с выражением безграничной боли на лице подошёл ко всё ещё дымящимся останкам Ичи-мергена, вонючими комьями выпадавшими из груди золочёных доспехов. Пошевелил кончиком меча чешуйчатую кирасу. Оттуда, смердя, высыпалось немного трухи, напоминавшей пепел.

– Прощай, старый друг, – сокрушённо сказал Хубилай. – Почему же ты снова решил предать меня? Зачем? Товарищ мой, мой брат, моя плоть и кровь. Разве я не вскаривал тебя своей кровью, брат мой? Разве я не отдал тебе частицу всего, чем владел сам? Как ты мог? Как ты мог?

Хубилай опустился на пол, жестом отгоняя нухуров. Те, склонившись в глубоком поклоне, быстро попятнулись за пределы павильона. Покатые медвежьи плечи императора вздрагивали, и Марко с удивлением и даже некоторым ужасом увидел в глазах богдыхана слёзы. Император качал головой в безутешном горе. Его рука в металлической перчатке гладила кирасу Ичи-мергена, источавшую тошнотворную вонь, которой император, казалось, не замечал.

– Ты ударил меня в спину! Попал прямо в сердце! Ты, который закрывал эту спину почти полвека! Как ты мог? Как? Я не могу постичь этого своим скудным разумом! Разве не отдавал я тебе плоть рабов? Разве не оставил в живых жрецов твоего мерзкого бога? Разве я не любил тебя? – Хубилай снял шлем, встряхнув сизой косой, с которой полетели бисеринки пота. Он помолчал, потом попросил: – Марко... помоги мне подняться... Где знахарь?

Марко с трудом выдержал пожатие десницы Хубилая. Император привстал и снова рухнул на пол, лязгнув металлическими пластинами доспехов. Стражники почтительно подбежали и подняли его. Хубилай с рычанием отшвырнул их, как медведь отшвыривает охотничьих

собак, с силой пнул звенящий шлем, тот попал в поддерживающую потолок балку, отрикошетил и выкатился за пределы павильона. Из-за косяка за императором следила сотня испуганных глаз. Стояла гробовая тишина.

Тяжело бухая ножищами, Хубилай пошёл прочь из павильона, опираясь на морщившегося от боли Марка.

– Убрать здесь всё! – бросил император. – Если кто-то сболтнёт о том, что видел, – перебью позвоночник всей сотне. Хоронить не буду. Отдам паскудному богу Ичи-мергена.

Услышав последнее, дружинники похолодели от ужаса. Золотая сотня, личная охрана императора. Их почти никогда не наказывали за провинности – не было необходимости. Но если всё же наказывали, то убивали десятками, вместе с членами семей, чтобы в корне уничтожить возможность измены и мести. Они знали слишком многое, чтобы позволять им жить, неся на себе унижительную печать пережитого наказания. И, уж конечно, они были одними из немногих, кто знал страшную тайну Ичи-мергена – его прекрасного и жуткого покровителя.

Хубилай вышел на крыльцо, взглянул на серую полосу начинающегося утра над крышами павильонов и замков, заметёнными снежной крупой. Воздух нёс в себе будоражащую кровь весеннюю влагу, но до настоящей весны было ещё далеко, хотя по календарю она уже наступила. Зима в Тайду была гораздо мягче, чем в Канбалу, строительство новой столицы не прекращали ни днём ни ночью. Вдалеке мерцали огоньки строителей, упорно ползущих по лесам, как муравьи.

– Мой новый город, – мечтательно вздохнув, протянул Хубилай. – Я так не хотел, чтобы в нём поселились семена измены, мерзостные сорняки, готовые изгадить все прекрасные сады, в которые попадают. Неблагодарные твари, недостойные даже глотка воды, даже лучика солнца! Ах, мой мальчик... Предательство таких людей, каким был Ичи-мерген, всякий раз переживаешь словно первое предательство в твоей жизни. Такие раны не зарастают никогда. Посмотри на меня. Я должен был бы чувствовать ярость, злость, я должен был бы сжечь этот Тайду и заново выстроить в другом месте. Но я ничего не чувствую. Только боль и пустоту. Я лишился брата. Я лишился друга. Я лишился половины своих сил.

– В чём же он предал вас, Кубла-хан? Он всегда пробовал вашу еду перед трапезой. Логично было бы предположить, что он попытается опробовать вашу *машину снов* перед тем, как это сделаете вы, – ответил Марко.

Хубилай потянул его за рукав к краю крыльца, где полузасыпанный снегом сидел Шераб Тсеринг. Совершенно седой, тот казался гораздо меньше, чем обычно, вечный синий халат обвис на нём, как флаг в безветренную погоду. Но то самое впечатление от избыточной внутренней силы, которое Марко почувствовал в нём, когда впервые увидел, оставалось всё тем же. Лишь несвойственная Шерабу Тсерингу нота грусти таяла во влажном воздухе. Чем ближе они подходили к йогину, тем сильнее становилось ощущение тепла, Марку всегда хотелось сравнить непоколебимость йогина с камнем, такую тяжесть чувствовал он в присутствии лекаря, и сейчас спокойное тепло, исходящее от Шераба Тсеринга, усиливало сходство со скалой, раскалившейся на солнце и ночью отдающей накопленный жар. Вокруг Шераба Тсеринга снег стоял, лужицы подсыхали на глазах, в повлажневшем воздухе плыл нежный запах сандала.

– Старик, – позвал его Хубилай. Шераб Тсеринг медленно открыл глаза, словно ничего не узнавая кругом, потом окончательно стряхивая оцепенение, с трудом разлепил морщинистые губы и с заметным усилием ответил:

– Йогин не воздаёт почестей императору.

Хубилай захохотал:

– Если ты всё ещё шутишь, значит ты всё ещё жив!

– Недолго мне осталось, – прошептал Шераб Тсеринг.

– Что с тобой?! – вскрикнул Марко.

– Я смертельно отравлен. Это монский яд, Марко. От него нет противоядия, – улыбнулся Шераб Тсеринг. – Я не успел передать тебе знаний. Я не смог показать природу вещей, увы... Я оказался не очень хорошим учителем. Тебе придётся поискать другого. У меня нет кармы стать для тебя духовным другом. Я попытался обезвредить яд, обратив его в тепло, но моих мирских сиддх⁷ для этого недостаточно. Я ухожу. Пора.

– Кто это сделал? – спросил Марко сквозь слёзы, вынимая меч.

– Я не скажу. Не хочу, чтобы ты мстил за меня.

– Ичи-мерген?!

– Я не скажу. Прощайте. Ваша идея с машиной оказалась глупостью, как я и говорил, – задыхаясь, засмеялся Шераб Тсеринг, потом он выпрямился, сделал пальцами сложный жест и серьёзно промолвил, делая длинные паузы между словами: – Следуйте учению Будды и постигнете истинную природу вещей... Сожгите это старое тело... Я ухожу к своему гуру.

Его тело противоестественно выгнулось, словно что-то с трудом сдерживаемое внутри вдруг прорвало защиту, йогин упал на бок, изо рта пошла пенная слюна, позвоночник выгибался всё сильнее и сильнее и наконец с сухим хрустом сломался. Мышцы, до этого волнами ходившие по всему телу, верёвками скручивавшие суставы, тут же опали киселём. Шераб Тсеринг продолжал улыбаться, словно во сне.

Марко упал на тело друга, гладил его по щеке, тряс, но йогин был мёртв. «Перестань, Марко. Увидимся в следующей жизни», – откуда-то из-под стропил донёсся его голос, такой же насмешливый, как обычно, но более глубокий.

– Вы слышали это, Кубла-хан? – спросил Марко. Последние слова уже умершего йогина вдруг внушили ему надежду на то, что Шераб Тсеринг затеял какую-то игру, превращавшую смерть в нечто нестрашное и совершенно обыденное.

– Да, я тоже это слышал, – нахмурился Хубилай. Он хлопнул в ладоши, и десяток рабов поднесли большой паланкин. – Влезай!

Императорские рабы бежали чуть ли не быстрее лошадей. Марко тяжело смотрел из-за полога на проплывающие мимо безлистные деревья, на начинающий светлеть храмовый комплекс, на пруды, кое-где обрамлённые чистой корочкой льда, как пенкой на молоке. Хубилай не отвечал на вопросы. Только поигрывал самоцветным перстнем. Он всегда играл с ним в минуты глубокой задумчивости. Огромный камень пускал разноцветных зайчиков, напоминавших осколки битого стекла.

Рабы остановились, тяжело дыша. Хубилай вылез из паланкина, опираясь на их бритые головы, вынул саблю и быстро пошёл ко входу в павильон. С одного края жили Йоханнес и Костас, с другого – Марко. Хубилай миновал вход в комнаты Марка и резким ударом выбил ворота в жилище мастеров. Еле поспевая за ним, телохранители внесли факелы. Марко раздвинул их и заглянул в спальню.

– Так я и знал, – хмуро сказал Хубилай.

Огромный Йоханнес лежал в крови, лицом вниз. Белёная копна волос разметалась по лаковой алой луже. Он дорого отдал свою жизнь: пятеро совсем молодых дружинников валялись вокруг, изрубленные, словно мясные туши в рыночном ряду.

– Искать грека! – крикнул Хубилай. – Здесь прибрать. Если есть среди нухуров живые – пытаться жестоко.

– Отец! – крикнул Марко, рванувшись к выходу.

– Не спеши, мой мальчик, – остановил его Хубилай. – Я недавно дал им с Матвеем поручение, они выехали в Удан-шань и должны вернуться только завтра-послезавтра. Сейчас

⁷ Сиддхи (санскр.) – сверхъестественные способности.

они в пути, им вряд ли грозит что-то большее, нежели обычные придорожные разбойники, а охраны у них с собой предостаточно. Пойдём-ка теперь к тебе.

Они обогнули угол здания, Марко заметил, что под стропилами нет ни одного из ветряных колокольчиков, которые ему так нравились. Только обрезанные верёвочки болтались на ветру. У входа в опочивальню притаились лучники. Два копейщика свисали со стропил, нацелив мохнатые пики на дверь.

Хубилай прыгнул на створки двери и вломил их внутрь своим весом, кубарем вкатываясь в пахучий сумрак спальни. В свете поданных факелов Марко увидел, как Великий хан за волосы выволакивает наружу красавицу-караитку, при одном взгляде на которую у венецианца потеплело в паху. Хубилай выволок девчонку на середину двора, и при начинающем прибывать дневном свете было отчётливо видно, что она ещё совсем молода. Правда, всё, что должна иметь женщина, рабыня уже имела. Марко содрогнулся всем телом, вспомнив острое наслаждение, пережитое с нею.

Караитка визжала и извивалась, но увидев, *кто* держит её за волосы, упала на промёрзшую белую гальку, засыпавшую двор.

– Кто тебя послал? – спросил Хубилай.

– Простите меня, повелитель, – попробовала заплакать девушка.

– Спрашиваю последний раз: кто?

– О чём вы, повелитель? Я ведь просто рабыня...

Лицо Хубилая исказилось, и он коротким взмахом срезал ей левое ухо, неожиданно громко шлёпнувшееся на камушки. Плечо караитки моментально залило чёрной кровью.

– Кто?! – жутко крикнул Хубилай.

Девушка вдруг коротко и резко хохотнула, схватила его за лезвие сабли и, срезая пальцы, воткнула остриё себе в живот. Потом она плюнула чёрной кровавой струйкой в лицо Хубилаю и завизжала что-то непристойное. Император с ненавистью поглядел на неё и крикнул:

– Умирать не давать! Пытать!

Марко подбежал к девушке, опасаясь навлечь на себя тяжкий императорский гнев, но Хубилай молча ждал, что тот будет делать. Марко присел к рабыне, та погладила его по щеке, оставляя трёхпалый кровавый след, словно поцарапала кошка, зашелестела что-то нежное. «Маго Боло»... Её прохладный аромат ударил в голову молодому венецианцу... Марко обернулся к богдыхану, в нём вскипала ярость, кровь ударила в голову...

– Что вы делаете, Кубла-хан, она ведь!.. – заорал он вне себя от неизвестно откуда нахлынувшей злобы, с удивлением отмечая, что ещё никогда не чувствовал по отношению к Хубилаю ничего подобного.

– Ай! Тьфу, – с досадой сплюнул Хубилай и сильно ударил караитку по голове рукояткой сабли. Соплюха потеряла сознание, её огромные чёрные зрачки закатились под веки, и белки выглядели жутковато, словно змеиные глаза. Очарование пропадало. Император жестом подзывал Марка. Венецианец оглянулся. Сотни лучников смотрели на него с каждой крыши. Он вбросил меч в ножны, в ответ они ослабили тетиву.

Марко присел к императору. Тот, по-стариковски кряхтя, залез в рот девушке жилистыми пальцами, разрывая ей губы, и начал искать что-то в этой слизистой красной мгле, залитой кровью. Потом он снова выругался, сплюнул, оторвал у стоящего ближе всех охранника лоскут с платья, вытер руку и потом достал сухой тряпицей девичий язык.

– Ты когда-нибудь видел у женщины такой язык? – спросил Хубилай.

– Нет, – удивлённо ответил Марко. – Я не почувствовал... ничего.

– Конечно же, почувствовал! – усмехнулся Хубилай.

– О чем вы, повелитель?

Хубилай потянул рабыню за язык. Марко заметил, что он не просто разрезан пополам, что делало его немного похожим на змеиный, но ещё имеет необычайную для человеческого

языка длину. Богдыхан осмотрел девушку и нашёл за ухом почти неразличимую жёлтую татуировку, обычно скрываемую густыми волосами. Охранники шарахнулись в стороны, делая оберегающие жесты, христиане крестились, язычники сплёвывали.

– Ты знаешь, что это такое?

– Нет, государь.

– А они знают. Даже последний недоумок из Золотой сотни знает, что это такое. А ведь они гораздо глупей тебя... Это *лиса*. Видишь, за ухом знак *лисы*? Тебе ведь было хорошо с нею?

– Очень, – покраснел Марко.

– А ты не удивлён, что за минувший год ты ни разу не взял в постель ни одной девицы из тех, что присылала тебе Хоахчин? Ты отвергал самых красивых женщин Тайду, а вот с этой плюгавой потаскушкой ты изменил памяти своей Пэй Пэй?! Господи Боже!

– Я не знаю, что вам ответить, Кубла-хан, – Марко пылал от стыда.

– Ты виноват только в одном – в незнании. Не переживай, мой мальчик, просто теперь будешь вдумчивей, – сказал Хубилай, бросая рабыню в руки стражников. Потом он секунду подумал и, резко развернувшись, снёс ей голову. Охранник, державший её на руках, вздрогнул, но сабля императора была так быстра, что он не успел испугаться как следует. – Всё равно она ничего не расскажет. Цзы Чэня, жирную гадину – на допрос, спросите у него, как это *лиса* оказалась в Запретном городе? С каких это пор *лисы* стали заводиться среди караитов? Спрашивайте хорошенько. Да, ещё... главный вопрос: сколько их тут? У этой шлюхи должна быть хозяйка. Вонючий *лисёнок*! А теперь – вина мне. Подмёрз я что-то. Совсем кровь стариковская не греет.

Хубилай опустил в услужливо поднесённое под навес кресло, поманил Марка к себе, жестом пригласил присесть рядом. Марко опустил на брошенную кошму, но охранники вынесли ему из опочивальни резной стул, сидя на котором он любил читать перед распахнутым окном с видом на пруд. Хубилай плеснул Марку немного вина в чашку, внимательно следя за лицом венецианца, пока тот пил. Марко, чувствуя напряжение, исходившее от богдыхана, пил нарочито медленно, хотя и знал, что перед этим вино проверят четыре раба. Но что такое монский яд? Кто знает? Марко буквально проталкивал сладкую сливовую влагу в сжавшееся горло. Да и чёрт с ним! «Семи смертям не бывать, а одной не миновать», – подумал Марко и допил всё одним жадным рывком. Остатки вкуса, заблудившиеся в сумраке дёсен и гортани, затаившиеся под языком, были чудесны. Какое крепкое вино! Напрягшиеся мышцы наконец-то расслабились, Марко потянулся и с удовольствием отрыгнул вкусный воздух.

Удостоверившись, что питьё не отравлено, император сделал несколько больших глотков прямо из горлышка кувшина и бросил:

– Принесите поесть! Будешь что-нибудь, мой мальчик?

– Спасибо, не хочется... Разве что ещё императорского вина...

– Жалко девчонку?

– Она была очень красивой, Кубла-хан.

– Да... они всегда красавицы. Опасные и обольстительные, – и, видимо, что-то вспоминая, Хубилай снова сделал длинный глоток.

– Они... колдуньи?

– Тёмные людишки считают их оборотнями, но это, разумеется, полная ерунда. Я разрешил и далее поддерживать слух о том, что полуженщины-полулисицы существуют, поскольку народный страх позволяет их ловить гораздо успешнее. *Лисицы* – это очень древняя даосская секта. Хотя многие даосы вообще не считают их последователями Дао. *Лисицы* используют накопленные даосами знания о внутренней алхимии человека для продления собственной жизни. И делают это мастерски, – император брезгливо поморщился, а потом вдруг рассмеялся. – Например, та *лиса*, что пыталась очаровать меня, выглядела почти подростком, но потом оказалось, что ей минуло сто двенадцать лет. Хорош я был, когда в постели такой

старушки шептал ей нежности! Хоахчин пришлось тогда сильно потрудиться, чтобы вылечить меня от её чар. Эта рабыня-караитка пила твоё семя?

Марко густо покраснел, бросил быстрый взгляд на охранников. Те отвели глаза. Видимо, каждый живо представлял себя на месте Марка.

– Перестань, я же не отец тебе, – сказал император. – Могу поклясться могилой Тэмуджина, что каждый раз, когда ты готов был исторгнуть семя, она пила его!

– Вы правы, как всегда.

– Вот он, весь секрет, – довольно засмеялся император и шумно глотнул вина. – Сначала она наверняка опоила тебя, а потом очаровала... Они паразитируют на мужчинах. Они не просто обычные шлюхи или развратницы, их методы выверены тысячелетиями. К этому их готовят с детства. Они очень сведущи в устройстве человеческого тела, приготовлении зелий, снадобий и ядов. Каждая могла бы стать знаменитым врачом, но... Их цель – полная власть над тобою. Они отбирают самых красивых девушек, потом слегка подрезают им язык и учат делать специальную гимнастику, чтобы он необычайно вытягивался, снова подрезают, снова вытягивают, и так многожды. Их также учат управлять внутренними мышцами влагалища, так что опытная лиса может сыграть на флейте, используя эти способности. Они втирают ученицам различные мази, способствующие развитию необычайной похоти, и учат их обольщать мужчин. Представь, любая *лиса* может языком дотянуться тебе до простаты! – хохотнул Хубилай, слегка захмелев.

– Так в чём же опасность? – улыбнулся Марко. – Наверняка это более чем просто приятно?

– Они выпивают тебя. Сначала семени становится всё меньше, а наслаждение возрастает, соединяясь с болью, потом ты уже не знаешь, больно тебе или сладко, потом вместо семени ты начинаешь исторгать кровь. Две-три недели – и ты мёртв, твоё имущество разграблено *лисами*, а твоя семья продана в рабство.

Марко поёжился, вспоминая ласки девушки. Её труп уже унесли со двора, ничто не напоминало о её настоящей природе, и Марко почувствовал, что в его воспоминаниях она всё же останется гибкой изящной красавицей, нежели опасной бунтовщицей, плюнувшей в императора.

– А библиотекарь... неужели он не знал об этой особенности собственной рабыни? Он ведь...

– ...знает больше Великого хана? – засмеялся Хубилай. – Да, действительно, он знает куда как больше моего. Но он слеп... а мужчина в нём умер уже давно. У него не было шансов узнать обо всех талантах этой соплюхи. А она очень была к нему привязана. Старик заботился о ней, считая её несчастным ребёнком. Поэтому она его и не убила.

– Что?! – вскочил на ноги Марко.

– Она подменила яд, который ей дали заговорщики, и библиотекарь просто уснул. На днях, в сопровождении твоих отца и дяди, из Удан-шань прибудет даосский наставник, который быстро поставит библиотекаря на ноги.

– Зачем всё это?

– Подумай сам. Ты – мои глаза, мой самый быстрый и самый тайный посыльный, библиотекарь – мой мозг, кладовая всего, что я знаю, Ичи-мерген был моей силой, моими мышцами. Если вас убрать, то со мной остаётся только моя старая и беспомощная нянька, которая даже не сможет дать мне сиську, потому что там уже лет семьдесят как нету молока! – зло захохотал Хубилай. – Шераб Тсеринг что-то узнал, поэтому ему дали яд, сделанный в области Мон. Монцы сотни лет специализируются на производстве ядов. Когда пища разлагается на мутную и прозрачную фракции, монский яд обходит процесс переваривания и расходится по всему телу. Ни один врач не может обнаружить его. Есть яды, которые действуют в течение десяти лет, есть мгновенные. Ночные и дневные. Разные... Противоядия от них не бывает.

Судя по тому, как йогин умирал, ему дали быстрый яд. Заговорщики могли просто побрызгать отравой в спальне или капнуть на абажур фонаря.

– Я не думаю, что монский яд можно запросто купить на рынке, – предположил Марко.

– Ты прав. Но я сейчас не хочу, чтобы ты искал убийц. Это делают и без тебя. Смотри, – сказал Хубилай и протянул Марку в кулаке что-то тёмное.

– Что это? – Марко принял холодный кругляш из ладони Хубилая и поднёс его к свету. Это был искусно сделанный фарфоровый глаз. – Чей он?

– Это глаз Ичи-мергена. Как-то раз он уже предал меня, и я вырвал ему левый глаз. Я бил его так, что дворцовые псы в ужасе прятались под крыльцом. Он убегал, я ловил его и бил снова. Сам. Ночная охрана распласталась на земле, вроде как в поклоне, поскольку ей запрещено бояться, во всяком случае, показывать свой страх, – презрительно кхекнул Хубилай. – Но они боялись... Как они боялись... Это случилось в первую ночь моего вторжения в Сун. Я вытаскивал этого подлеца из-под расписных красных свай, подпиравших дорожку, и снова бил. Я его за ногу вытаскивал. За ногу! Когда он достал из сапога нож, я вырвал ему глаз. Вот этими пальцами. С тех пор он служил мне как собака. Но сегодня ночью он ворвался в мой сон и попытался убить. Рехнувшийся пёс... Если бы у него всё получилось, я бы просто не проснулся.

– Быть не может!

– Конечно, не может. Но это было. Смотри, – Хубилай распахнул ворот, на шее красовались багровые отпечатки пальцев и ранки, оставленные ногтями. – Я даже не знаю, *что* именно случилось, сон это был или явь, я схватил душившие меня руки, проснулся, но ничего не было вокруг. Я помню, что Ичи-мерген бросился на меня во сне, крича что-то на своём ужасном наречии, и... кто-то разбудил меня. Предчувствие смерти было таким же сильным, как на поле боя, мой мальчик. Я хорошо знаю это чувство. Я выучил его за долгие годы войн.

– Я верю вам, Кубла-хан. Я верю, что сон – это такое состояние, точнее, такой мир, где всё возможно, – сказал Марко. – Тот, кто надоумил Ичи-мергена улечься в *машину снов*, точно знал, что она заставит его вспомнить самые яркие черты в своём характере. Если бы ему удалось убить вас, для заговорщика это было бы хорошо. Если бы он умер сам – а он точно умер бы, что и произошло, – то вы сильно ослабели бы.

– Да, без него мне неуютно, Марко... Хоть и взбрыкнувший, он был хорошим сторожевым псом, чувявшим измену за тысячу ли, – угрюмо протянул Хубилай. – Почему он умер? Мне не нравится такая «машина».

– Вам нечего опасаться. Она выполняет тот приказ, который вибрирует внутри нас, но которого мы можем не осознавать. Шераб Тсеринг всегда сидел со мной, пока я странствовал по морям снов. Если вы соберётесь в это плаванье, я буду так же сидеть с вами и помогать вам, Кубла-хан. Ичи-мергену не повезло, потому что его вовремя не разбудили его спутники.

– Спутники... свора псов-ублюдков... Как он провёл их в Запретный город? Это всё из-за строительства. Наверняка он провёл их сюда под видом мастеровых, – хмуро сказал Хубилай, снова делая большой глоток. – Они преданны, но тупы, как стадо баранов. Они просто не догадались бы разбудить его, у них даже для этого ума бы не хватило. Вероятно, во сне он встретил своё гнусное божество...

– Я не знаю, повелитель, но что-то убило его. Он высох на моих глазах, словно... словно шмат вяленого мяса.

– Ещё вина! – хрипло крикнул Хубилай. – Да покрепче! Это был тот, кто не успел уничтожить меня в Канбалу, старой столице... Это он виновник всех этих смертей... Выпей со мной, мой мальчик, выпей. Потом, когда ты проснёшься и будет светить солнце, ты пойдёшь к семейным оставшимся в живых соплеменникам Ичи-мергена и убьёшь их всех. Тайно. Я хочу видеть их головы вот здесь, выложенными в ряд.

– А как же диавол, которому они поклоняются? – с сомнением протянул Марко.

– Я не узнаю тебя, мой мальчик! – зарычал Хубилай так, что содрогнулись ветви деревьев. – Если этот вонючий «бог» придёт к ним на помощь – значит ты убьёшь и его! И мне всё равно, как ты это сделаешь, потому что, если для этого нужно будет спуститься в ад и отобрать у Ямы его петлю, которой он связывает души, – ты это сделаешь! Клянусь могилой Тэмуджина! Клянусь памятью отца!

*****

Пять

Старый китайский дворец в Канбалу был огромен. Чтобы покинуть его пределы пешком, требовался почти целый день, на паланкине это можно было сделать чуть быстрее, а конникам в Запретный город въезжать запрещалось. Новый дворец, возводимый в Тайду, Хубилай решил сделать ещё больше, чтобы показать «желтомордым» величие новой династии Юань. На вершине строящейся пагоды тоненькая хворостинка Марка и пасмурный холм Хубилая тенями чернели на фоне начинающего чуть припекать весеннего солнца, словно защищающие от злых духов фигурки драконов и единорогов, украшающие скаты почти каждой крыши дворца.

– Ты просто плохо понимаешь, что означает «построить империю», мой мальчик. Сравни это с постройкой дома или дворца, всё равно сравнение будет неполным. Это даже не то что построить город. Возраст Поднебесной – многие тысячи лет, это самая большая страна Суши. У китайцев один недостаток – они думают, что все остальные народы не способны ни к какой культуре. Я вскрыл Поднебесную, как коробку, как масляный фонарь, чтобы сменить фитилёк. Я раскрыл её сокровища для всего мира. Теперь все могут использовать китайские бумажные деньги, порох для шутих, тушь, фарфор. Благодаря мне от края до края Суши повсюду пьют чай. И на основании всего благого, что было измыслено в Поднебесной, я строю новую Империю. Ещё больше. Ещё могущественнее.

– А как же люди? – спросил Марко.

– Люди... – хмыкнул Хубилай и отправил в клыкастый рот кусо-чек мяса. – Люди... Нет никаких людей. Есть строительный материал.

Марко посмотрел на его руки. Широкопалые, мясистые, с неожи-данно длинными лунками ногтей, совершенно не подходящими мас-сивным неловким пальцам. Вдоль ногтя набухали мозолистые валики натруженной многими боевыми походными годами кожи. Мозоли чуть просвечивали на солнце, словно руки повелителя Суши окунули в янтарь. Марко вспомнил медоточивые славословия в адрес богдыхана. Светозарный. Несущий свет во мрак варварства...

Непослушный Аннам познал этот свет, когда его небо оставалось красным от пылающих костров две недели: изящные пагодки жёг праведный огонь юаньских войск, подгоняемых придурковатыми мунгальскими нойонами. Когда они насиловали птичек-аннамиток, их клыки обнажались в собачьем рыке. Аннамские женщины, больше похожие на детей, отсутствующе смотрели в пылающее небо, послушно дёргая телом в такт ударам мунгальских бёдер... Войска Юань так и не взяли Аннам, но в отместку оставили на его теле страшные ожоги... В Пагане не осталось ни одного младенца мужского пола... Матери обменивали жизни всех своих дочерей на жизнь одного наследника, но Хубилаевы нухуры были неумолимы...

Складка кожи между большим и указательным пальцами Хуби-лая, кожистая перепонка, сухая, как пергамент, нечеловечески толстая, словно созданная для того, чтобы плотно обхватывать рукоять кривой сабли, остро пахла перцем. Этими руками он ласкал дочерей Катая, дочерей Мянью, дочерей Аннама, дочерей Степи, дочерей всей Суши, не чувствуя разницы между любовью и смертью. Когда обычно полусжатые в кулаки пальцы императора вдруг выпрямлялись, эти необычайные утиные перепонки между пальцами, сращивающие их в подобие когтистых клешней, бросались в глаза. Руки китайцев выглядели иначе. Изнеженные, холёные, с длинными навощёнными ногтями, украшенными драгоценными металлическими колпачками с инкрустациями, руки знатных придворных, не приспособленные ни к чему, кроме изощрённых ласк для худосочных жеманниц, укладывающих им волосы. Ласки Хубилая были смертельны. Его бесчисленные наложницы быстро покидали дворец, отправляясь назад к семьям, сопровождаемые караванами с подарками, с виду счастливые, но подавленные ураганной волной не то страсти, не то ненависти, с какой Хубилай бросался на них,

заставляя вспомнить времена, когда Мать-земля ещё только рождалась. Его кратким любовям не сопутствовали флейты, не аккомпанировали невидимые сладкоголосые певцы, его тяжкие ласки сопровождал только звериный хрип, рвавшийся из груди властелина Суши, пытающегося догнать давно утерянное чувство. Он искал любовь, которую когда-то испытывал так же горячо, как сейчас – скуку. Скуку, от которой хотелось избавиться как от шипа, попавшего в пятку. Где вы, мои милые призраки, спрашивали глаза императора, а его зубы впивались в юную плоть, оставляя наложницам на память пожизненные шрамы.

Хубилай громко рыгнул, вытер усы и тяжело бросил руку в чашку с ароматной водой, сразу выплеснув половину на пол. Пальцы не извивались, а неловко ворочались, смывая невидимую пыль.

Кривой мизинец императора прижимался к остальным пальцам, как болезненный последний к старшим братьям, лишь кошачий орого-вевший коготь длиной в полтора цуня⁸ говорил об обманчивости этого ощущения слабости. Даже отрастив ногти на катайский придворный манер, император остался хищником. Изогнутые жёлтые когти не только ничем не походили на разукрашенные катайские «ноготки», но вообще не были ногтями человека. У Хубилая не было слабостей. Он в который раз показался Марку не человеком, но каким-то воинственным духом, рухнувшим с небес, которые не вынесли его ярости, его тяжести и напора и проломилась под бушующим телом, исторгнув его наземь для того, чтобы люди помнили о тяжести кары божьей.

Хубилай по-мальчишечьи оглянулся – нет ли вездесущих катайских подлиз-законников – и, с удовольствием отложив палочки, начал рвать руками мясо, набросанное в блюдо не по-катайски крупными кусками. Длинные ногти погружались меж послушных волокон, равнодушно раздвигая их, выламывая косточки, с хрустом разлетающиеся под жёлтыми клыками в пыль. Сочащийся бледноватый мозг каплями повис на усах Хубилая, когтями раздавившего длинную трубчатую кость с тем удовольствием, с каким добивают раненых. Когда он пил из неё, сразу становилось понятно, что только такая музыка пригодна для его пиров. Гнев Господень.

– Люди... – хмыкнул Хубилай. – Я рад бы их увидеть, людей. Мне осточертела эта неповоротливая масса плоти, которая кажется тебе людьми. Эта мясная каша...

Внизу ухали сотни две копейщиков, взмахивая лохматыми пиками. Разнаряженный нойон заметил взгляд Марка и изобразил на лице ещё большую суровость. Копейщики усердно отработывали уколы, стараясь не смотреть на сотника, чтобы лишний раз не получить удара камчой. Мимо них, в направлении Северных ворот, поскрипывая, проплыл большой паланкин. Марко проследил за ним взглядом и увидел сотни тысяч строителей, копошащихся на стропилах и лесах. Их наскоро сделанные белые панамки и повязки на головах густели ближе к горизонту, будто засыпая мукой остов Северного дворца.

– Жадные, мелочные, трусливые, – продолжал император. – Они не могут, а главное – не хотят выбраться за пределы своих крохотных желаний. Ты думаешь, что видишь там тысячи людей? – повёл Хубилай в сторону горизонта осколком кости. – Не-е-ет, мой мальчик, ты видишь тысячи желаний, кипящих, примитивных желаний, которые хотят, чтобы их исполнили, исполнили прямо сейчас. Но они в своём отупении не могут даже желать, как не может дать семени старческая плоть. Ты смотришь в эту шевелящуюся рябь под ногами и видишь там только одно: жрать! Жрать мясо, жрать сердца, всё равно что. Главное – жрать. Ни любви, ни ненависти, ничего, главное – жратва. Они не живут, они жрут этот мир. Сотни, миллионы... – он замолчал, с рыком разрывая зубами податливые хрящи. – Устаю... Лучше не думать об этом. С кем из них ты хочешь говорить? К чему звать? На каком языке ты собрался это делать? На свином? Ты знаешь язык свиней? Они только хрюкнут тебе в ответ. Хрюкнут о своём потомстве, которое должно исправно полнеть, о том, что нужно продолжать жрать,

---

⁸ Цунь – мера длины, около 3 см.

нагуливать сало, потому что наступит время, когда травы укроет снегом, а клыки вытрусатся, и надо встретить старость достаточно жирным. Им даже невдомёк, что жирная свинья может и не дожить до старости...

– Воистину, Кубла-хан... Вам неведомо, что есть сострадание, – печально сказал Марко, покачивая в ладони глаз Ичи-мергена. Холодный фарфор приятно катался в руке.

– Я император, мой мальчик, – внезапно перестав жевать, сказал Хубилай. Он долгим взглядом впился в светлые глаза Марка и медленно продолжил:

– Я всего лишь император...

...Солнце ударило внезапно. Оно жёлтым бубликом выкатилось из-за горбатых чешуйчатых дворцовых крыш, стремительно побелело и теперь с шипением выжигало снег, не успевший даже обратиться в ручейки под жёсткими прямыми лучами. Снег прикрывал горы строительного мусора, сглаживал углы, и теперь солнце, уничтожая его, обнажало Тайду, как придирчивая будущая свекровь, без тени стыда проверяющая будущую невестку на предмет девственности.

Марко вышел из опочивальни на самый свет и посмотрел на ослепляюще, непереносимо белый двор, где невозможно было найти даже маленькую тень, чтобы защититься от раскалённого катаяского солнца. Сливы стояли совершенно сухими, как метлы, почки и бутоны не успели набухнуть, не успели почувствовать, что солнце прибудет так внезапно, безо всякой весны, без предупреждения, не даст открыться тайным сокам, ушедшим на зиму в самую глубину земли. Ивы, обычно так тонко чувствующие погоду, упрямые и гибкие вездесущие посланцы жизни, стояли в совершенно зимней наготе, трепеща множеством тонких нитевидных ветвей от поднимающегося горячего пара.

Утром дворцовый лекарь-катаец У Гуань-ци прислал весточку, где сообщал, что в ближайшие дни для поддержания здоровья не следует выходить под полуденное солнце, чтобы излишне не возбудить янскую ци, а также писал, что имеет необходимые снадобья для питания тела весною. Буйство солнца продлится, по мнению оракула, ещё пять-шесть дней, и доктор У внимательно следит за природными знаками, а также обращается к духам, чтобы с точностью предсказать, когда погода смягчится. Это хорошо. Хорошо для дела.

Дневная стража ударила в полуденный колокол. Гудение бронзы слышалось каким-то особенно сонным, густым, будто колокол окунули в патоку. Воздух быстро напитывался шипящим снегом, дыхание сбивалось, голубоватая завеса тумана, непрозрачной ширмой поднимавшаяся не выше двух человеческих ростов, невыносимо давила на лёгкие.

Марко, одетый в белое, быстро шёл, пригибаясь под пешеходной дорожкой, наслаждаясь влажной прохладой, сохранявшейся под сваями. Отполированный с утра меч вибрировал в ножнах, танцевал, тонко пел древней сталью, стремясь наружу. Марко гладил обмотанную кожей, отлакированную тысячей прикосновений рукоять, тяжёлую витую гарду и на бегу следил за кварталами дворца. Служанки уводили детей. Конечно, доктор У ведь повелел им беречь здоровье голубокровных придворных чад, улыбнулся Марко. Дворец, за исключением тех кварталов, где всю шла непрекращающаяся стройка, казался вымершим. Сплошной туман...

Ленивая дневная стража шепталась возле Дальних ворот. Хубилай не было во дворце, и толстопузые сынки придворных расслаблялись, отпуская гнусные остроты вслед служанкам, многие даже сняли шлемы, развалясь в тени ворот. Самое отсталое из элитных подразделений, дети неудачников, попавших при дворе в опалу, но не изгнанных за пределы Запретного города. Охранники Дальних ворот, которых многие из придворных так и не видели за всю свою жизнь во дворце. Ночная стража наградила их презрительной кличкой «дети евнухов». Как только они ни изощрались в остроумии! Говорили, если дворец – это живое существо, то

«дети евнухов» стерегут от глистов его задницу. Марко попытался проскользнуть за их спинами, но лучник с башни подал знак, и дружинники сонно преградили ему путь. Венецианец достал из складок белого халата пайцзу, отворачивая лицо. В этом не было нужды – волшебные золотые иероглифы тут же уронили стражу на пол, никто не поинтересовался лицом владельца. К тому же в постоянной суматохе (в строящийся Тайду прибывали всё новые и новые высокопоставленные придворные вместе с челядью) сложно запомнить всех, кто имеет право казнить простого стражника Дальних ворот за невежливый взгляд. Ворота бесшумно приоткрылись, хорошо смазанные салом петли не издали ни единого скрипа, и Марко вышел в гулкий, полный звуков, сглаженных всепроникающей туманной пеленой, коридор Золотой улицы, опоясывавшей Запретный город. Наружная стража даже не обратила на него внимания, задыхаясь от пота: тень была не на их стороне, и они плавались под сияющими шлемами, с тоской вглядываясь в небо, не дававшее ни одной тучки. Городские камни звенели и тихо трещали от жара.

Через два часа, насквозь промокнув от пота в нанятом дешёвом паланкине, Марко прибыл на Рыночную площадь Тайду, бросил служкам связку монет и, скрытно пройдя насквозь Пошлинный стол и таможенный склад, прячась за тюками, обошёл сзади чайную. Вопреки обыкновению вокруг царила тишина, люди прятались от душного тумана в чайной, откуда доносились громкие выкрики хозяина, распахнутые окна кухни источали гарь от калёного масла, толстая обнажённая рука выплеснула помой почти под ноги Марка. Молодой венецианец отпрыгнул, тихо ругнувшись. Дощатый тротуар, под которым медленно тёк нескончаемый помойный ручеёк, противно скрипнул под ногами. Прилепившаяся тут же гостиница, по расчётам Марка, тоже должна была быть почти пустой, все обитатели либо занимаются рыночными делами, либо прячутся в чайной, расслабляясь игрой в мацзя. Жара всё усиливалась, и солнце становилось всё беспощаднее. Туман густел, и ни единое дуновение ветерка не колыхнуло мутную занавесь.

Марко забросил меч за спину и споро поднялся на третий этаж, цепляясь за промокший от тумана и покрытый крупными каплями узкий шёлковый шнур, свисавший из нужного ему окна. Дышать испарениями с сильным привкусом застарелых помоев было тяжело, Марко едва не закашлялся, но подавил это желание, медленно перешедшее в дурноту. С балкона город казался еле проступающим сквозь струящийся по кривым улочкам туман, казалось, всё происходит во сне. Очертания невысоких домов прокалывали туманную вату, забившую весь мир, безуспешно пробивались сквозь пар, как ладони во сне не в силах разорвать простынь, чтобы отмахнуться от приснившихся духов.

Марко поднял ставню и тихо перекатился внутрь, в прохладный и чистый сумрак. Содержатель гостиницы, пожилой и почтенный человек, по виду китаец, прятал руки в рукавах халата, ёжась как от холода. Сквозь маску всегдашнего конфуцианского покоя по его лицу пробегала нервная дрожь, губы слегка дёргались, кожа посерела. Дорогая шёлковая шапочка, намоченная от пота, сбилась набекрень, придавая его деланно высокомерному лицу – как долго он тренировал эту мину! – смешной вид.

– Они здесь, господин, наверху, – быстро зашептал он прямо в лицо Марку. Тот кивнул и, стараясь не звякнуть, передал хозяину свёрток с золотом и деревянную пайцзу на беспощадную покупку домов соседнего квартала.

– Если когда-нибудь вспомнишь моё лицо, заберу твои глаза навсегда, – бессознательно подражая Хубилаю, шепнул Марку, про-водя наверху ножом по векам старика.

– Что вы! Что вы! – механически закланялся явно испуганный хозяин, норовя заглянуть в глаза Марку. – Как можно, благодетель! Вы так меня осчастливили, ваши деньги пойдут на благое дело, знаете, у меня столько внуков, им всем...

Марко беззвучно приложил ладонь к его губам, прерывая частокोल шуршащей старческой болтовни, и вынул меч. Старикан был непрост, он знал цену вещам. Увидев меч, он безза-

стенчиво вылупился на гравированное лезвие, тронутое легкой патиной у основания, на волнистый рисунок стали у края режущей кромки, напоми-навший годовые кольца деревьев или узор яшмы, на зубастую гарду, всю в щербинах и выбоинах, оставленных безымянными братьями этого великого меча, на глубокий сток, искусно покрытый изнутри древними письменами... и, движимый безотчётным порывом, попытался коснуться его рукой, но тут же отшатнулся, его лицо приобрело характерное для катайца слащаво-приторное выражение, которое Марку так не нравилось, потом эта маска опала, и сквозь неё проявилось настоящее лицо пожившего, усталого и мудрого человека.

– Это... – глаза старика блеснули и погасли, подчиняясь вековой привычке бесстрастности. – Это действительно *он*?

Марко посмотрел на меч – подарок Хубилая. Он не помнил ни витиеватого названия меча, которое придворные упорно называли «именем», ни трудное имя мастера, выковавшего этот славный клинок два столетия назад, ни обстоятельства, при которых тот мастер им что-то рубил или резал, кого-то спасал или что-то кому-то доказал... Марко взмахнул шикнувшим как раскалённая сталь, опускаемая в воду, лезвием. Слабый зеленоватый блик метнулся по затенённым стенам. Марку виделся лишь добротный инструмент, отличная и наверняка дорогая вещь, подарок повелителя Суши, что, безусловно, умножало стоимость клинка.

Старик чуть сморщился, глядя на взмах, совсем чуть-чуть, но эта малость торкнула Марка, вздыбив в душе молодого венецианца маленький вихрь неприязни к катайским мудрёностям, их извечной изменчивости, притворству, дешёвому актёрству и высокомерию.

– Да. Это он, – ответил Марко, со слегка излишней нотой совершенно мальчишеского задора, словно подчёркивая, что и он, длинноносый варвар, может владеть таким мечом.

– Вы позволите, мой господин? – осторожно спросил хозяин гостиницы, теперь даже и не пытаясь казаться бесстрастным.

Марко легкомысленно протянул меч, чуть подбросив его на ладо-нях. Старик принял клинок, как берут на руки долгожданного и позднего сына, благоговейно шепча что-то и чуть взвешивая лезвие в ладонях. Внезапно он вскинулся, упал, взвился, как жалящая оса. Вихрь, поднятый им, опрокинул Марка на стул, отбросив с лица венецианца длинные волосы, выбившиеся из татарской косицы. В комнате стало тяжело двинуться, мириады сверкающих кругов разрезали сумрак, пронизывая тесное пространство комнаты неестественной силой, которую не могло выдержать столь малое количество пустоты, ставня хлопнула, затрещав... Старик застыл, распластавшись по полу в немыслимом приседе. Меч тихо звенел в немоте опустевшей комнатухи, столбы пыли опадали звёздными вихрями. Старик не был быстр. Он был молниеносен. Казалось, он двигался вне времени, как сильный крик, разметавшийся по ущельям. Он медленно поднялся, с показным почтением протягивая Марку меч, но потом вдруг повернулся и резко вбросил его в лежащие поодаль ножны, послав сквозь комнату зеленоватым лучом, прямо в исчезающе-узкое устье, оправленное жёлтым металлом. Меч пролетел несколько сажень и вошёл в устье ножен как пчела, вернувшаяся в леток. Секунду, нет, долю секунды, всего мгновение на лице старика играла счастливая гордость, потом его плечи опали, спина привычно сгорбилась, брови поползли вверх в уныло-вялой маске старческого маразма, и он снова стал тем, кем хотел казаться: престарелым содержателем гостиницы возле столичного рынка, только что получившим изрядную мзду.

– Простите мне мою самонадеянность, – прохрустел пересохшим горлом Марко, бережно беря оружие.

– Как бы я хотел обладать им после того, как вы погибнете сегодня, – грустно сказал старец. – Но я всего лишь скромный старик.

– Прошу вас о наставлениях, мастер. До чего же мне жаль, что сейчас нет времени.

– Времени вообще нет.

– Я...

– Слуга тех, кто изгадил мою древнюю страну?! – с нехарактерной для катаяца и потому страшноватой пылкостью выкрикнул старик, оставаясь, правда, в пределах шёпота. – Идите на смерть и принесите хотя бы немного пользы взамен той грязи, которую притащили с собой ваши хозяева.

Выкрикнув это, отхаркнув короткие катаяские слова, как сгусточек крови, откашлянный тяжелобольным, старик вновь вернулся в безразличное состояние, подобрал деньги, по-стариковски суетливо пряча их в складки рукавов, поправил шапочку и склонился в глубоком притворном поклоне.

Марко, с досадой скрипнув зубами, выскользнул в длинный коридор, расчерченный полосатыми тенями от бамбуковых занавесок, пропитанных благовониями. Он быстро шёл, обнажая горячий от ладоней старика меч, шёл на знакомый запах, тот, что, однажды почувствовав, уже никогда не забудешь. Марко шёл на охоту за дьяволом, следуя за вызывающей дурноту волной.

Все семеро сидели под навесом, на последнем этаже, игравшем роль не то террасы, не то склада, в буром круге, очерченном яркими осколками битых (или разгрызенных?) костей. Ширококостные, как и покойный Ичи-мерген, темнокожие, но не той же естественной темнотой, что арапы, а темнотой, просвечивающей изнутри их, темно-той приобретённой, сестрой тени, павшей на них от неведомо какого багряного солнца. Словно потемневшие от времени картины. Их глубокие круглые глаза, казалось, не выражали ровным счётом ничего, как глаза лягушки или птицы, и на человеческом лице такие глаза выглядели противоестественно, словно наклеенные на закрытые веки камушки. Вокруг плыл тошнотворный сладкий запах не то гниющего мяса, не то лежалого кала. Горячие и сухие тела высасывали всю энергию из пространства, вызывая ощущение уходящего тепла. Казалось, что в этой остывающей воронке можно согреться, только обняв их, прижавшись к ним. При каждом дуновении ветерка с плеч, шеи, кожи семерых слетало нечто похожее на легчайший пепел. «Это только люди, всего лишь люди», – прошептал себе Марко.

– Он пришёл, – сказал самый старший.

– Варвар, способный плавать в снах?

Марко сплюнул подступившую слюну, вонь усиливалась, и двигаться было тяжело, дурнота подступала всё сильнее. Красться было бесполезно, они его ждали. Он выхватил меч, коротко отпрыгнул на пол желчь, ринулся вперёд, словно пробивая телом сгущающийся воздух. Воронка холода коснулась его, обожгла, Марко испытал прилив ужаса, но, вспоминая слова Хубилая, сделал новую попытку броситься на семерых. Один из них зацокал, зашипел, волна дурманящей вони прокатилась по комнате, и Марко рухнул на колени, опираясь на сгибающийся меч. Глаза заслезились от запаха гнилья, вспомнилась коричневая дощатая труповозка, вывозившая казненных за пределы дворца, сваленные в кучу на палубе мёртвые сицилийцы, тело Ахмаха, вывешенное для обозрения и гнившее две недели, поскольку Хубилай запретил хоронить его. Марко вновь прыгнул вперёд, продвинувшись ещё на сажень, поднял меч и застыл, набираясь сил для следующего толчка.

Один из семерых подул в его сторону, Марко пригнулся, уворачиваясь от гнилого дыхания, как от стрелы, напряжённо вонзая стопы в пол, сквозь мягкие чужаки вцепляясь пальцами ног в ковёр, до ломоты в ногтях. Ковёр пополз, скомкался, сложился складками, и Марка сдвинуло назад на пару цуней. Разъярённый венецианец распорол ковёр, раскидал его по сторонам и упёрся ногами в доски, грозя мечом и набираясь решимости для новой попытки.

Цок цок цок, тк тк тк, не то засмеялся, не то закашлял потемневший старик. Холод усиливался.

– Через час я выставлю ваши головы на кольях у Северных ворот, – сказал Марко, взмахивая лезвием.

– Варвар, ты думаешь, у тебя хватит храбрости? – спросил тёмный человек.

– Из ваших позвонков выйдут отличные свистульки для нищих детей, – крикнул Марко и сделал новый шаг.

Он бил по воздуху лезвием и плечом раздвигал наваливающийся холод. Ему удалось преодолеть ещё несколько саженей, пробивая мечом невидимую тугую пелену. Семеро выглядели немного удивлёнными. Один из них шлёпнул по воздуху рукой, словно давая пощёчину кому-то невидимому, и новая волна дряни прокатилась по Марку, сгибая его и выворачивая наизнанку. Он ударил воздух мечом наискосок и прыгнул вперёд, вытянувшись подобно веретону. Пролетев так несколько саженей, он рухнул и по инерции проехал на животе ещё немного, почти достав до круга. Внизу было немного легче, и Марко распластался на полу, кстати вспомнив владельца гостиницы. Нужно было набраться сил для финальной атаки, и он часто дышал, подавляя тошноту и смаргивая, дёргая головой, разбрызгивая по комнате неудержимо струящиеся слёзы.

– Если ты так силён, то почему бы тебе не стать одним из нас? – сказал кто-то из них с незнакомым акцентом.

Вместо ответа Марко сделал ещё один тяжёлый шаг и, зацепив самым кончиком лезвия костяное украшение, ограждавшее круг, отбросил его в сторону, чувствуя невероятное омерзение.

– Мы – самые старые существа, которых ты когда-либо мог видеть. Хочешь прожить тысячу лет?

Марко сглотнул подступающую волну горькой пены, живот перекрутило как полотенце, которое выжимает рабыня, перед тем как обтереть усталому хозяину ноги. Сделав ещё шаг, он снова ударил по разложенным костям, продолжая разрушать круг. Холод перестал усиливаться, и это приободрило молодого венецианца. Он выкрикнул боевой клич чингизидов, заливаясь желчной пеной, неудержимо хлеставшей из кричащего рта, и сбил ещё две костяных башенки, брызнувшие острыми осколками. Ощущение собственного тела понемногу возвращалось. Семеро взялись за руки, зашипели, казалось, наполнив этим шипением весь мир, многоголосый свист резал уши, проникал в них, заливаясь внутрь как холодная вода. Холод снова усилился, и Марка вновь обдало дурнотной слизистой волной.

– Марко... – позвал вдруг глубокий, смутно знакомый женский голос. Ему вновь стало страшно. Ужас пронзил его до самых костей, сковывая члены и парализуя волю.

Один из семерых встал, но не так, как обычно встают люди, а словно вырос, как побег дерева. Он обернулся вокруг себя и сбросил одежду. Марко взмахнул мечом, но вышло медленно, так медленно, что он мысленно обругал себя за неуклюжесть. Тень слегка отступила, схлынула с тёмного человека, и Марко подумал, что не видел за всю свою жизнь более прекрасной женщины. На мгновение он даже перестал ощущать вонь. Женщина сделала шаг навстречу, и Марко почувствовал, что двигаться стало ещё тяжелее, чем раньше. Украшенная рисунками и письменами кожа женщины подрагивала, лёгкие маленькие стопы танцевали, широкие бёдра покачивались, вздрагивала в глубине пупка капелькой света драгоценная серьга.

– Ты уверен, что сейчас ты не спишь? – прозвучал голос, исходящий не от этой прекрасной танцовщицы, но отовсюду. – Разве то, что ты сейчас чувствовал и видел, бывает наяву?

– Тебе не обмануть меня, диаволово отродье, – хрипло сказал Марко, поймав на губах спасительный привкус желчи. Если он столько чувствует, значит всё вокруг правда. – Вчера в Тайду вернулся тумен Тогана. Они не видели женщин два месяца. Я выпью вина, глядя, как изголодавшиеся нухуры будут насиловать твоё прекрасное, но, увы, мёртвое тело.

Марко выставил вперёд меч, дразня красавицу, целя ей в глаза. Держать руку на весу было невыносимо трудно, словно меч вдруг стал тяжёлым, как кузнечный молот. Он потянул носом воздух, и тут же новая порция горькой пены полилась по его лицу. Всё в порядке, это морок, глаза и уши обманывают меня, подумал Марко. Дикая вонь стала для него спасением.

– Ты даже не можешь сейчас ответить мне на простой вопрос: открыты твои глаза или закрыты?

– Перестань дурачить меня, сатана. Глаза воина всегда широко раскрыты.

– Хочешь меня? – голос произнёс это тихо, но так, что звук пропитал пол, потолок, стропила, ковры – всё, что окружало Марка.

Он почувствовал колдовство танцовщицы, не отрываясь глядя на неё, на её приближающийся подрагивающий животик, её тёмные глаза без зрачков... Без зрачков! У неё вообще нет белков! Марко сделал выпад и почти коснулся того притягательного места, где, подобно стропилам, сходились под тяжелыми грудями тонкие полупрозрачные рёбра чертовки. «In nomine patris, et filii, et spiritus sancti», – прошептал Марко вдруг пришедшие на ум слова, которых он не вспоминал уже, казалось, целую вечность. Почему спасительные слова молитвы раньше не пришли к нему?! – обрадовался венецианец и сделал ещё один шаг.

Цок цок цок... тк тк тк... засмеялись все семеро. Танцовщица легко сделала несколько па, звякнули браслеты, рисунок на её волшебной коже двинулся вслед танцу, заструился по коже как самостоятельное живое существо.

– Твоя странная мантра здесь не поможет, – засмеялась красавица, и вслед за ней засмеялись стены. – Здесь говорят только на языке нашего бога.

– Бог един! – выкрикнул Марко, но в голосе его не было уверенности.

Цок цок цок... тк тк тк... Семеро ритмично защёлкали, их всхрипы и кашель слились в музыку, похожую на барабаны, слышанные Марком на Малабарском побережье. Танцовщица грациозно качнулась, словно играя с безжалостным полированным остриём своими бархатистыми сосками, напрягшимися и раздвинувшимися бусины, спадавшие с ожерелья.

– Ну же, – позвала танцовщица. Играя бёдрами, она двигалась в такт щёлканью собратьев легко-легко, почти бесплотно, и скованный страшной тяжестью Марко вдруг внезапно закричал: «Пэй Пэй!!!» – призвав всю волю, чтобы вспомнить любимое лицо, голос-колокольчик и трепещущее тело, подобное яблоневому саду в лунном свете.

сссссссссс, кха хка, засвистели, загавкали, закашляли семеро, хватаясь за руки, красавица повернулась и стала тем, кем была, – жестоким людоедом, мощным воином с каменными глазами. Он протянул руки, и его покрытые пеплом одежды сами наворачнулись на него.

– Твоя Пэй Пэй мертва. Твой Хубилай убил её, – с прежним акцентом сказал человек, лицо его всё время менялось, то возвращая черты порочной танцовщицы, то вновь приобретая прежний облик. Моя любовь сильнее, подумал Марко, она не даст ей принять приятный облик.

– Пэй Пэй! – снова выкрикнул Марко, прося защиты, и вновь ему удалось продвинуться на один шаг.

– Я сказал, что Хубилай убил её, – настойчиво повторил человек.

– Ты врешь, сатанинское племя! Врешь, потому что я всё равно выиграю!

– Хубилаю были нужны твои способности, чтобы справиться с нами. Нас можно убить только во сне, и обычный человек этого сделать не сможет. Хубилаю не нужен был счастливый Марко, талантливый, но юный, почти ребёнок. Скорбь умножает познание, древо жизни вызревает быстрее, когда его поливают слезами. Надо было дать тебе любовь, потому что все щенята в этом возрасте готовы к любви, а потом – отобрать её. Хубилай – мудрый воитель и только поэтому подчинил себе столько земель. Он знал, что ты будешь долго верен своей мёртвой женщине, а потом станешь искать утешения не в постелях других наложниц, а в снах, потому как плавать по снам для тебя так же естественно, как для других людей ходить или бегать.

Лицо Марка залили слезы, но уже не от невероятной гнилой вони, а от тяжёлого осознания правоты дьявольского колдуна. Как жестоко... Как безжалостно поступил старый воин!

– Чего же ты ждал от него, Марко? Любви? От убийцы, который никогда не знал ничего, кроме жажды смерти? – глумился тёмный человек. – Мы были единственными, кто мог оста-

новить его, разрушающего мир. Теперь никто не помешает Хубилаю подмять под себя остатки Суши.

Марко выронил меч, с тихим звоном покотившийся по полукружью, печально пропевший песню о поражении молодого доверчивого дурака. И тут все семеро бросились на него, колыхая одежками, с которых осыпался пепел. Марко потерял силы и безвольно упал, больно ударившись коленом. Это и спасло его. Семеро промахнулись, пролетев над ним, а боль вернула его к жизни. Вдохнув ставшую спасительной омерзительную вонь, разрывающую живот, Марко подобрал меч и, как в детстве, как в своём первом бою, наотмашь лупанул по ногам ближайшего противника. Он кружился на полу, где двигаться было чуть легче, и вспоминал тот освежающий холод, в котором оттачивал удары, выйдя из запоя и возвращаясь к жизни, поверив наконец, что Пэй Пэй мертва, окончательно, насовсем мертва, и что она будет жить лишь столько, насколько хватит его памяти, и он бил и колот мечом так же, как и тогда, когда пытался убить саму смерть, поразить её в самое чёрное сердце...

Всё было почти кончено. Лишь один из них остался в живых. Марко распрямился, всё его тело, покрытое вонючей чёрной жижей, ещё минуту назад текшей в жилах врагов, гудело. Он медленно подходил к единственному оставшемуся в живых тёмному человеку, проводя за собой черту лезвием. Сталь тихо, но пронзительно пела, и эта песня придавала ему сил.

– Пэй Пэй! Надеюсь, ты это видишь, – с удовольствием сказал Марко. – Твою голову, сатанинское отродье, я, пожалуй, не отдам Хубилаю. Я вырежу из неё твой лживый язык и, глядя по утрам на безъязыкое лицо вруна, в течение долгих лет буду радоваться тому, что убил всех твоих соплеменников разом.

– Глупый служивый пёс! – презрительно прошипел колдун на катайском, и чужой язык усиливал его презрение.

– Говори-говори, – засмеялся Марко. – Потому что через минуту твой язык упокоится в тряпке, засунутой за мой пояс. Я буду подтираться им, выходя из туалета.

Колдун-людоед стоял в углу, с ненавистью глядя на Марка, который, хохоча, распинывал ногами костяных идолов, разрушая магический круг. Вонь опала на пол чёрной пылью, порохом засыпая обрубки тел, их нелепую одежду, уродливые амулеты.

– Проклинаю! Страшным проклятием проклинаю я тебя, Марко, убийцу моих детей! – закричал колдун и вскинул вверх руки. Холодный вихрь снова пробежал по комнате, раздувая растрепавшиеся волосы Марка, обмораживая их, покрывая инеем. – Проклинаю тебя, проклинаю и твоего хозяина, Хубилая-собаку, безжалостного убийцу. Отныне и вовеки веков моё проклятие будет преследовать вас из жизни в жизнь, через пороги всех смертей! Никогда не будете вы иметь ни угла, ни дома, ни любви, ни семьи, ни один глоток воды не утолит отныне вашей жажды, ни один кусок мяса не утолит отныне вашего голода! Сжигаемые жгучим непереносимым желанием, никогда не обретёте, что желаете, ставшие моей волей демонами! Всякая красота будет для вас недостаточна, и всякое удовольствие пресным, как мука без соли и воды! Пусть слова мои услышат небо и земля, ветер и огонь, в свидетели я призываю всё, что есть на свете, – отныне прокляты Марко – белый варвар с Запада – и Хубилай – раскосый варвар из Степи! Бог мой! Господин мой, посмотри, что сделали они с твоими детьми, и дай силы моим словам! Вынь из них самую сердцевину жизни и выброси её из мира людей в мир демонов, не имеющих возможности насытиться!!!

Вихрь пепла и огня, не дающего, а, напротив, уносящего тепло, пронёсся по комнате, собираясь из углов. Тени от предметов слипались в одно неясное пятно, из которого проступило прекрасное лицо демона. Подрагивая пламенеющими складками одежды, с тихим шёпотом он подошёл к окаменевшему Марку. Тёмные глаза внимательно смотрели на юношу, демон протянул руку... Марко выронил меч, не в силах побороть чудовищный ужас. Демон зацокал, защёлкал, приблизился и вынул из его груди *нечто*.

Что? Марко не понял, но нарастающее чувство потери усилило страх. Древний, как сама Мать-земля, прекрасный бог Ичи-мергена бросил вырванное из тела (или души?) Марка *ничто* в пол, и доски на глазах рассыпались, съедаемые временем. Всё вокруг завертелось, закружилось, понеслось колесом, и только неистовый проклинаящий вой колдуна ещё долго звенел в ушах Марка...

...Он очнулся в своей постели переодетым в свежее шёлковое бельё. Тошнотворный запах демонов ещё стоял в ноздрях. Марко медленно сел, еле ворочая головой. Макушка ныла, какой-то пустой воздушный пузырь плавал под сводом черепа, и хотелось с силой выдохнуть его вместе с дьявольской вонью. Хм. Хм! ХМ!!! Не получалось. Хм. Никак.

Марко встал, переменял бельё на расшитый халат, двинулся к двери и вдруг вспомнил про свой драгоценный меч. Оружие покоилось на месте, на стойке у кровати. Марко полувынул лезвие, полировка затуманилась, но клинок вроде бы казался чистым. Марко положил меч обратно и вышел из опочивальни. Во дворе по-прежнему лежал снег. Хрупчатый, колкий, изъеденный водой и ясными солнечными лучами, но всё ещё довольно далёкий от состояния весенней жижи. Марко хмыкнул и пошёл к отцу.

Отец сдал за это время. Видимо, долгие странствия и жёсткий катайский климат с удушливым летом и пронзительной зимой подкосили его некогда могучее здоровье. Он стоял у окна, в столбе падающего предзакатного света, и подрезал сухие ветви комнатного деревца, что-то бормоча под нос, и в этих неторопливых движениях Марко не увидел ничего от бесстрашного купца, в поисках поживы избородившего сотни морей и прошедшего многие тысячи ли. Перед ним стоял почти совершенно седой старик, только в бороде ещё кое-где поблёскивало вороное пёрышко. Николай не услышал, как сын вошёл. Он с нежностью проводил рукой по меленьким розовым цветочкам, мушками облепившим кривые веточки, и покой на его лице, даже не покой, а покорность перед лицом старости, незаметно для Марка обнявшей этого когда-то такого родного человека, растрогала юношу, одновременно возбуждив в нём горечь. Как мало они виделись за это время!

– Отец, – позвал Марко, выходя из-за колонны.

– А? – переспросил отец. Его удивлённо приподнятые брови, напоминавшие поредевшие брови библиотекаря, придавали лицу характерное выражение слабослышащего человека. Николай прищурился, потом всё же разглядел Марка в полусумраке и буднично сказал, слегка оцарапав этой будничностью Марково сердце:

– Проходи, сын. С чем пришёл?

Марко стоял и глядел в его утратившее былую суровость лицо. Морщин было немного, крупные борозды изрезали отцово лицо, чуть поблёкли слезящиеся глаза, но на свету он казался всё же не таким пугающе старым, как в первый момент. Марко выдохнул. Его тянуло рассказать отцу о демонах, вспомнить о смерти Пэй Пэй, о поединке с императором и о страшной кончине Шераба Тсеринга, о маленькой демонессе-листочке, так коварно вторгшейся в его покои, но... В глазах Николая царило столько безмятежной сосредоточенности на цветах, купающихся в лучах начинающего пригревать вечернего солнца, что Марко лишь тихо попросил:

– Отец, давайте помолимся вместе. Как раньше.

– Конечно, сын, – ответил Николай с видимой радостью.

Он подошёл к полке, вынул из драгоценной тряпицы чистую икону с ликом Богоматери. С выражением безграничной, почти любовной преданности подышал на посеребрённый лик. Протёр тряпицей. Установил икону на специальную подставку. Потом долил масла в крохотную лампадку. Запалил фитилёк. Привесил под обрез подставки. В этих мерных, как падающие капли, движениях было столько странного для Марка покоя, столько смирения, такого чужого, сперва даже вызывающего отторжение после чудовищной Хубилаевой гордыни, но потом обво-

лакивающего, как материнская любовь. С отцом что-то произошло. Несмотря на стоящие тут же на самодельном алтаре чашечки с рисом и благовониями – всё-таки и отца зацепили китайские манеры, – в отце горела святая вера, она светилась сквозь каждую его черту утерянной Марком благодатью.

Отец и сын опустили на колени, сжав пальцы, и зашептали «Ave». Отцовский шёпот статно колебал занавеси, наделяя каждое отдельное слово веским дополнительным смыслом. Слова выходили тяжёлыми, ядрами летели далеко в наступающий вечер, волнами расходились по комнате. Марко тихо вторил ему, на ходу вспоминая позабытые слова молитвы. Чистый лик Матери Божьей, сладкая родная латынь, колеблющиеся занавеси – всё, что сейчас видел Марко. И казалось ему, что всё вокруг сон. Не было ни ревущих мунгальских дружин, ни жутких чудес, ни пылающего гневом неистового повелителя Поднебесной.

Заступившая на смену ночная стража, обходящая Белый павильон, видела в окно двух молящихся варваров, освещаемых лампадой. Старший молился истово, страстно, с особенной ласкою проговаривая слова нелепого чужого языка. По благообразному его лицу текли слёзы, обильно увлажнившие аккуратную клиновидную бородку. Младший, жутковатый посланник Великого хана, о котором говорили, что он тайный убийца, молился иначе. Его смертельно бледное, нездорово худощавое лицо не выражало ровным счётом ничего. Словно костяная фигура стоял этот вроде бы юноша со старыми глазами в лампадном свете, красившим всё в тёплую охру, но не трогавшим его бледности. Лицо молодого варвара оставалось алебастровым, не затронутым охристым светом. Светлые глаза глядели пусто и неподвижно.

– Не пялся на него так долго, дурак! – выматерился седоватый десятник на молодого дружинника и дал ему подзатыльник, смешно сдвинув шлем на брови.

– А чего? – туповато переспросил тот.

– Дурное про него слышно. Говорят, он не с Запада, а с самой Луны, – зашептал десятник придвинувшимся стражникам. – На вид лет ему немного, а глаза – как у глубокого старика. Ему выпил сердце один колдун, и Великий хан посылает его убивать людей во сне.

– Это как?!

– Он плавает в снах, как мы – в воде.

Нухуры удивлённо зацокали языками, сплёвывая и делая охранные знаки, и побежали от греха дальше по маршруту патрулирования, рассуждая о том, что колдунов надо бы вешать на кольях, только как это сделаешь?! На то они и колдуны, чтобы ничего не бояться: ни кольев, ни кипящего масла, ни меча.

*****

Шесть

...Что с моей молитвой, Отче? Что с нею? Я не могу сказать ничего, что не выпадало бы из моего рта комками каши. У меня нет слов, их больше не осталось, их нет, их нет, Отче, их больше нет, и я не могу говорить, их разъела какая-то страшная язва, они растворились в слюне, и полурастворённые, как грязь, льются по моим губам, Отче, не как человеческая речь, летящая лёгким паром, а как кровь с прокушенного от боли языка. Отче... слышишь ли Ты меня? Понимаешь ли Ты *такую* речь? Я больше не кричу во сне по-италийски. Я больше не кричу во сне. Но я хочу, я хочу этого, я хочу кричать, я хочу радоваться, я хочу страстей, хочу желаний, я боюсь этого бесчувствия, Отче, не оставляй меня... как Ты уже меня оставил. Я Твой сын...

Марко пытался молиться снова и снова, но ум его блуждал в самых страшных закоулках памяти. Там он смотрел на то, что раньше повергло бы его в ужас, но не чувствовал ровным счётом ничего... В дверь постучали. За окном стоял императорский паланкин. От бритоголовых запыхавшихся рабов шёл пар. Гонец-катаец нетерпеливо стучал в дверь, сохраняя, однако, приторно вежливую мину. Но Марко не открывал: молясь и плача, он блуждал в глубоких лабиринтах сна.

...Как оказалось позже, два дня назад его нашли у ворот Западного павильона глубоко спящим, наполовину занесённым мокрым снегом. Испуганные нухуры внесли Марка в павильон, двое самых младших, немея от страха перед колдовской *машиной снов*, убившей самого могучего воина Поднебесной, уложили венецианца внутрь, накрепко привязали к ложу и уже собирались выбежать прочь, но сонные губы Марка разомкнулись и прохрипели: «Меч! Вложите мне в руку меч». Меч валялся тут же, у ворот, в снегу.

Нухуры, почтительно держась поодаль, вложили рукоять в посиневшую от холода ладонь. Марко, не просыпаясь, положил меч на грудь, крепко обняв его обеими руками. Дружинники следили за ним через порог. Так он проспал почти два дня. Иногда его обильно тошнило, и, боясь, что любимчик Великого хана захлебнётся во сне рвотой, дружинники поворачивали ему голову набок, протирая рот. Иногда белый варвар метался на ложе так, что, казалось, ремни сейчас лопнут. Камни тебетского колдуна начинали светиться, и дружинники с грохотом падали наземь, молясь на разных языках. Вдруг Марко изогнулся и, выхватив меч, разнёс на ленточки занавесь. После чего сказал: «Я проснулся».

Его развязали, он встал и пошёл в сторону своих покоев, по-прежнему не раскрывая глаз. Один молодой дружинник бросил ему в голову камушек, чтобы проверить, проснётся ли он. Марко с закрытыми глазами сделал немислимый пируэт и отбил камушек ножами прямо в голову нухуру, чем вызвал немалый хохот среди других дружинников. Бамммм, зазвенел шлем, сдвинутый ударом камушка к затылку. Стражники не знали, что и думать. Может, стоит доложить Великому хану?

Великий хан сумрачно смотрел на глубоко спящего Марка, не просыпавшегося всё время, пока рабыни под руководством матушки Хоахчин передевали его в чистое. Поигрывая перстнем, Хубилай пошевелил губами, потом быстро прыгнул в паланкин и велел везти его в Павильон снов, как теперь официально именовали место расположения волшебной машины.

Император обошёл магический куб, что-то бормоча, шевелил разрезанную Марком занавеску, крихтя, как старый филин, трогал окованными ножами расшитые ремни, ложе, исчерченное письменами. Внезапно Хубилай сбросил пояс вместе с ножами, бросил на пол короткий кинжал, снял верхний халат и устроился на ложе.

– Держать мне ноги. Руки привязать как следует. Буду кричать – будить немедленно. И приготовьте вина! – рывками выбросил Хубилай несколько приказов и потом шёпотом добавил: – И чтобы ни одного катаяца в окружности одного ли. Пусть лучники посмотрят.

Он обернул голову широкой ремненной петлей, украшенной «шарира», и закрыл глаза. Вскоре дыхание императора выровнялось, стало более глубоким, и вот уже могучий храп старого воина сотрясал мусли-новые занавески. Дружинники опустили на пол, скрестив ноги. Время текло тихо, в паузах между всхрапываниями Хубилая воздух по-особенному звенел, лишённый других звуков. Вдруг император мощно дёрнулся, крикнул и открыл глаза. Его лицо освещала улыбка безграничного счастья. Нухуры, отталкивая друг друга, бросились развязывать повелителя, из глаз которого текли потоки слёз. Прокушенные губы сочились светлой кровью, заливая подбородок. Ещё не встав с ложа, Хубилай быстро выхватил у дружинника свой меч и поспешно препоясал чресла.

– Получилось, – сказал император и, прыжком вскакивая с ложа, захохотал во весь голос: – ПОЛУЧИЛОСЬ!!!

Даже привыкшие к пылкому и взрывному нраву императора дружинники удивлённо смотрели, как Хубилай, раскинув руки, танцует древний охотничий танец, приставший скорее юноше, нежели мужу.

– Всеё смене – вина! Сотник! Беги к Тогану, пусть возьмёт половину Золотой сотни и две смены бойцов из Внутреннего города. На площади Тайду, справа от Пошлинного стола, стоит постоянный двор «Какой-то там Карп», точнее не помню, но он там один. Пусть поднимется на последний этаж и принесёт мне всё, что там лежит, как бы это ни выглядело. И ещё... пусть даст нухурам самых быстрых коней. Иначе меня разорвёт от нетерпения.

Стоявший ближе всех дружинник протянул императору объёмистый горшок с вином. Хубилай повернулся к нухуру и, сверкнув всё ещё слезящимися глазами, глянул на него. В этот момент он казался страшен и дик: борода потемнела от крови, весь рот сочился алым, глаза сияли на изрубленном тёмном лице колодцами, в которых вдруг в полдень отразилось звёздное небо. Он ударом кулака наотмашь снёс половину горлышка и жадно начал пить, заливая лицо и грудь алой струёй. Вино смешивалось с невытертой императором кровью, текло по одежде, по полу, заливало доспехи, а император всё пил, глыкая мощным горлом, опутанным сеткой шрамов и мышц.

Хубилаев сын Тоган умел выглядеть красиво. Он не походил на отца ни мощью, ни крепостью, ни грубостью линий. Пошедший костью в мать, изящный, с тонкими чертами лица, он сохранил единственное качество императора – неукротимый напор. Всегда слегка вальяжный, откинувшийся в жёстком армейском седле, словно в уютном кресле, Тоган производил впечатление человека немного актёрствующего, слишком большое значение придававшего внешним эффектам. Хотя Марко видел его в деле: бойцом Тоган был под стать всем чингизидам. Не знающий ни жалости, ни усталости, он преследовал цель как собака, бегущая по кровавому следу.

В сопровождении двухсот пятидесяти отборных дружинников Тоган ворвался в Запретный город, размахивая золотой пайцзой – сестрой той, что пряталась на груди Марка, – в знак того, что нарушает закон о въезде во дворец конников по особо важному государеву делу. Словно стая снежно-белых чаек, отряд Тогана влетел в боковые ворота. Сам императорский сын, непонятным образом сохранявший свою знаменитую вальяжность в любых условиях, с невероятной скоростью вёл бойцов по нешироким пешеходным бульварам дворца, кривым мостикам, чтобы замереть, как памятник, на центральной площади, где на троне поджидал Хубилай.

Всадники спешили и, почтительно согнувшись, поднесли императору мокрые мешки. Хубилай жестом приказал вывалить содержимое на брусчатку. Невыносимая вонь разнеслась по площади. Многие дамы попадали в обморок, и Хубилай отослал их, мотнув головой в сто-

рону нового главного евнуха Бо Шан-Жэня. О том, что случилось с прежним евнухом, люди предпочитали не говорить.

Шесть крупных человеческих голов скалили собачьи клыки перед тронном рядом с шестью кучами чёрного тряпья, засыпанного странным пеплом. Тёмные глаза без белков мёртво пялились на ноги придворных, закрывших лица широкими рукавами в попытке защититься от ужасного запаха. Хубилай приказал прибыть на площадь только самым близким людям. И они прекрасно знали, *что* сейчас лежало под ногами императора. Подул лёгкий ветерок, поднявший змейку пепла, и кешиктен быстро расступились, приподнимая полы одежды и брезгливо уворачиваясь от тёмного смерчика.

Хубилай вытащил из ножен ближайшего нухура мунгальскую саблю и концом лезвия приподнял губу одной из голов. Во рту не было человеческих резцов, только тонкие, но довольно крепкие на вид клыки. Хубилай, что-то бормоча, разглядывал их некоторое время, потом перешёл к осмотру одежды. Разворошив все кучи, стараясь при этом не касаться поднимающихся волн пепла, он выкатил из тряпок странный костяной амулет. Кешиктен зашушукались, сделав ещё несколько шагов назад.

– Их шесть, – задумчиво произнёс император, подцепив кончиком лезвия амулет и поднеся его к глазам. – Одного не хватает.

Паланкин довёз Марка до только что выкопанных прудов – улучшенной копии Драконьих прудов в Канбалу. Совсем скоро, когда стает снег, сюда запустят осетров. Сейчас мёртвая вода, обледеневшая по краям, не оживлённая ни единым всплеском, бесстрастно от-ражала горбатые мостики для кормления рыбы.

Мертвецки пьяный Хубилай сидел в одиночестве, рядом с креслом валялись несколько горшков с вином. Вздыхая и что-то говоря про себя, Хубилай неотрывно смотрел на шесть тёмных голов, насаженных перед ним на стоящие рядом копьё. На седьмом копьё красовался уродливый костяной амулет. Не поворачивая головы, император медленно произнёс:

– Ты знаешь, что ты настоящий герой, мой мальчик? Шестеро бойцов Золотой сотни, коснувшиеся этой дряни, неизлечимо больны. Доктор У Гуань-ци говорит, что к утру они умрут и прекратить течение болезни невозможно. Но ты победил *их*, истребив почти всех. Даже если бы ты не совершил ничего более, всё равно твоё имя достойно остаться в веках.

– Повелитель, это вы убили Пэй Пэй?

– Кто такой Чжуан-цзы? Бабочка, которой снится, что она – даосский мудрец, или мудрец, грезящий, что он – бабочка? Где граница яви?

– За что вы убили Пэй Пэй? Я хочу услышать от вас ответ, даже если для этого мне придётся расстаться с жизнью.

– Я заботился о тебе как отец. А большей частью даже лучше, чем отец. Я считал тебя больше чем сыном. Ты был мне ближе любого из сыновей. И сейчас ты задаёшь мне такие вопросы?

– Кубла-хан, я не смогу жить в неведении... Я не успокоюсь, пока не узнаю правды.

– Правды? Кто такой Чжуан-цзы?

– Если вы не ответите мне, этот червячок незнания сожрёт меня.

– Ты говоришь «червячок»... Что такое «червячок»? Змея, змея, а не червячок – вот, что гложет меня... Мой сын спрашивает меня, не я ли убил его единственную любовь, и если да, то почему я это сделал. Ты поверил словам омерзительного людоеда, который, чувствуя приближающуюся смерть, готов был нести какую угодно чушь, лишь бы отсрочить час расплаты! Ты поверил исчадию ада, а мне – своему отцу, давшему тебе всю Поднебесную, – ты задаёшь такие вопросы?! Я не хочу об этом говорить.

Хубилай сплюнул, ухватил ближайший тяжёлый горшок и жадно отхлебнул. Марко помолчал, потом опустил на одну из подушек, валявшихся вокруг любимого император-

ского кресла. Хубилай протянул ему горшок, Марко молча отпил и поставил горшок поближе к богдыхану. Узорчатой лентой в горшке плавала змея.

– Откуда вы... – начал было говорить Марко, но осёкся.

– Она работает, Марко.

– *Машина снов?*

– Шераб Тсеринг был гением. Я воспользовался *машиной снов* и пошёл за тобой в твоём сне, в том самом, где ты убил их. В тот же день после того, как лентяи-дружинники доложили о произошедшем с тобою.

– Как это вы пошли за мной?

– Там, где ты прошёл, в тумане осталась узкая незарастающая тропинка. Я пошёл по ней, зовя тебя по имени, и нагнал. Было похоже на представление: я многое видел, но не мог вмешаться. Я последовал за тобой в гостиницу, но ты уже поднялся выше... Я попытался проследить тебя и дальше, но не смог. Туман сгустился, и мир потерял очертания... В следующий момент я услышал своё имя, повернулся и... Увидел, как полумужчина-полуженщина говорит тебе о Пэй Пэй, о том, что я убил её. Краем глаза я заметил, как Пэй Пэй выходит из тумана, плача о тебе... Обнажённая и прекрасная... В следующий миг, когда *семеро* бросились на тебя, она накрыла тебя своим телом, и ты упал. *Они* промахнулись. Туман сгустился снова, и меня внезапно охватил ужас от осознания того, что я плыву во сне. Последнее, что я помню перед пробуждением, – крик чёртова колдуна, проклинающего нас...

Накрапывал дождь. Хубилай и Марко сидели в молчании, глядя на пруд так, как будто ничего не произошло и никогда не происходило. Спустилась тьма. Кто-то из слуг принёс светильники и одеяла. Император не сказал больше ни слова. Так они и просидели почти до утра, временами подогревая вино на фарфоровой грелке, полной угольев...

– Хоахчин!

Шк. Шк. Поигрывал перстень. Зайчики бежали по стенам. Голубые. Зелёные. Алые. Шк. Шк.

– Да, господин.

– Что ты сказала мальчику про Пэй Пэй?

– «Умерла родами», господин.

– Молодец. Ступай.

Шк. Шк. Голубые. Алые. Зелёные.

...Марко, чувствуя себя отяжелевшим от крепчайшего змеиного вина, подошёл к крыльцу опочивальни, с тоской посмотрел на ступени. Целых три, ик! Высоченных. Надо подниматься, спать на улице слишком холодно... да и неприлично, ик! Вздёргивая расслабленное сверх меры тело на кости, как платье на вешалку, Марко побрёл вверх, считая ступени. Раз. Его сотрясала икота. Из прижатого под мышкой горшка при каждом «ике» выплёскивалось немного вина. Два. Не встану, раньше полудня точно не проснусь. Марко сделал последнее усилие и ввалился в опочивальню. За два шага до кровати он аккуратно поставил на пол горшок с вином, поправил кожаную крышку, чтобы вино не выдохлось, и рухнул, как подрубленный, рядом с горшком, последним движением потянув на себя стёганое зимнее одеяло. «Как страшно спать!» – звёздочкой полыхнула в синей глубине мысль, но разум Марка отключился, и звёздочка угасла, оставив за собой медленно остывающий белый след.

Зачем ты убил нас? Зачем, Марко? Зачем, мы ведь не были тебе врагами! Ты не изгнал нас, ты не наказал нас, ты не бросил нас в тем-ницу. Ты убил нас, без жалости, без злости. Ты отнял у нас жизнь. Как же так, Марко? Зачем? Почему именно так? Сияющим клинком ты рассёк наши тела. Раньше мы не знали такой боли. Зачем же ты сделал нам так больно? Кровь

вытекла из нас, мы высохли, как ручей в пустыне, нам нет покоя. Мы не должны были умирать. Наши имена исчезли в тумане. Что же нам делать? Что, Марко?

...Марко сел на полу, тяжело дыша... Он медленно стащил халат через голову, не развязывая пояса, и, волоча за собой тяжеленное одеяло, дополз до ледяной кровати. Завернувшись в одеяло, Марко глянул в окно. Почти совсем рассвело. Он поёжился от холодного прикосновения одинокой простыни, крикнул: «Пэй Пэй!» – и упал затылком во взбитую подушку, мгновенно заснув.

...Милый, мой милый господин. Я счастливейшая из рабынь. Я не знаю, что такое свобода. Я не хочу её знать. Я хочу лишь дышать тобою. Я так хочу прижаться к тебе, но ты – только мой сон. Я вижу тебя ясно, как будто бы жизнь не оставила меня.

...Пэй Пэй...

...Я мертва. Или, может быть, ты мёртв, а я сплю? Эта мысль мучает меня, я хотела бы быть мёртвой столько раз, сколько нужно, чтобы продлить твоё дыхание... Жив ли ты, мой господин?

...Я не знаю, Пэй Пэй, я более не уверен ни в чём. Возможно, я такой же сон, как и ты. И это так прекрасно – целовать тебя даже умершей. Нет ничего милосерднее сна.

...Поцелуй меня, господин мой. Поцелуй так, как никогда не целовал. Сейчас у нас нет тел, и мы можем проникнуть друг в друга так, как это дано лишь облакам или, может, ручьям и морю. Раствори меня, господин мой. А я растворю тебя в себе, приняв тебя, как река...

...Не уходи, Пэй Пэй, останься ещё ненадолго. Немного. Чуть-чуть. Самую малость. Оставь мне частицу себя...

...Я вся принадлежу тебе, не частицею, я принадлежу тебе, мой господин, без остатка. Стража стучит в твою дверь, покинь меня, чтобы возвратиться вновь так, как будто ты был в странствии и нас разлучали океаны...

...Нас и так разлучают огромные расстояния, мы лишь сон друг для друга...

...Нет, мой господин, я – это ты, невозможно разлучить сны, отделив их друг от друга. Прощай, стража уже стоит у двери.

Её чуть насмешливый взгляд блеснул во мраке опочивальни, дохнул жасминовый ветерок, горячая кожа прикоснулась к его груди, влажный поцелуй ощутили глаза, и всё кончилось. Марко взмахнул руками, но под пальцами не было ничего, кроме воздуха. Он поднялся с кровати, чувствуя странное облегчение, как будто бы Пэй Пэй только что дала клятву, которую невозможно нарушить. «Я – это ты», – звучал её голос-колокольчик, шевеля нежные занавеси на окнах. Я – это ты.

Марко надел ослепительно белый шёлковый халат, поверх фисташковую рубашку и свой лучший верхний халат, глубоко изумрудный, расцвеченный летящими драконами. Когда складки одежды шевелились, драконы извивались и пыхали огнём, прорезая ледяные облака своими гибкими телами. В косяк двери снова постучали. Марко снял с подставки меч и открыл дверь.

– Вас ждёт Великий хан. Он не хочет жечь тело знахаря-тебетца без вас, – сказал молодой сотник с печальными глазами. Марко помнил сотника ещё по поездке в Аннам. Люди Тогана постепенно сменяют старую стражу. Интересно, что по этому поводу думает старший сын, Темур. Мысли текли привычно, глупые рыбки на поверхности яви. А в душе бушевал вихрь, поднятый Пэй Пэй. Горячекожая медноликая сверкающая. Богиня. Уголья, разворошённые ею в груди Марка, остывали медленно, кипящим медом спускаясь к тазу.

Встряхнувшись как пёс, Марко привычно затрусил вслед вечно бегущей ночной охране. Дневная была степеннее, ходила важно, брякала сталью, руки за спиной, как у почтенного отца семейства. Ночная охрана – поджарые хитроглазые боевые псы – двигалась стремительно

и бесшумно, подобно летящей сове. Сон отступал. Утро нахлынуло на Запретный город как поток холодной воды. Серый свет всё прибывал, растворяя тени, только что бывшие резкими, как потоки лунного света. Сон стекал по груди каплями воды и света. Холодно. Только где-то в глубине мерцает капелька тепла. Пэй Пэй. Я – это ты.

Тело Шераба Тсеринга, обмытое и надушенное, лежало на дровяной башенке, щедро облитое деревянным маслом. Одуревший от любовной тоски Марко, всё ещё чувствующий на губах остатки лёгкой жасминовой горечи, с трудом избавлялся от сна. Краем уха он слышал шепотки: «Смотри, как он сохранился, совсем не пахнет, а ведь три дня минуло... Пахнет, но только не трупом... А тяжеленный какой! Еле доволокли до помоста, словно у него кишки из железа...» Марко подошёл вплотную и взглянул в лицо старому другу, которого встречал ещё во снах. Шераб Тсеринг улыбался, будто бы не было той боли, что сопровождала его недолгое умирание. Он словно спал.

Сзади запыхтели рабы, раздался скрип коромысел, стража расступилась и пропустила простой, без украшений, паланкин. Хубилай, одетый в мунгальский халат, как простой сотник, вышел, опираясь на плечи рабов-носильщиков, и долго стоял, глядя в лицо йогину. Лицо императора странно сморщилось, выразив одновременно досаду и раздражение, и в этом прищуре Марку не увиделось ничего, что говорило бы о сожалении по поводу смерти знахаря. Хубилай вглядывался в посмертную улыбку йогина, словно силясь что-то понять или спросить, но безмятежное тёмное лицо Шераба Тсеринга не давало никакой надежды на ответ. Хубилай протянул руку, и нойон подал ему факел. Император ещё раз близко-близко вгляделся в закрытые глаза мертвеца.

– Вам не жаль его? – тихо спросил Марко.

Хубилай повернулся к нему и так какое-то время молчал, пристально глядя в Марковы глаза, застыв в неудобной позе, чуть наклонившись к мертвецу, потом выпрямился и протянул факел Марку.

Он сгорел очень быстро, видимо, масло как следует пропитало погребальную одежду, да и сильный свежий ветер помог делу. Хубилай, по-прежнему не проронив ни слова, бросил последний взгляд на пламе-неющие уголья и скрылся в паланкине. Придворные и стража быстро разбрелись, а Марко всё стоял над погребальным костром. С десяток катайцев, по виду самых бросовых слуг, топтались в отдалении, ожидая, когда можно будет убрать пепел с помоста. Марко прибил концом ножен догорающие алые точки, подняв вихрь белёсой золы, и, повинуясь скорее чему-то инстинктивному, нежели намеренно, поковырял пепел. Ножны тихо стукнули. Марко вздрогнул. Из серой пепельной массы прямо к его ногам выкатился камушек размером с горошину, внешне напоминающий янтарь. Марко присел, схватил его ладонью, и тепло пробежало по руке прямо к сердцу. Что-то невидимое, бесплотное, тяжестью сидевшее под сердцем, душившее слезами, вдруг оторвалось и улетело. Растворилось. Марку вспомнились слова уже умершего Шераба Тсеринга, как глубоко, волною звучал его голос из пространства. И стало легко. Всякая тень печали ушла. Марко с удвоенной силой начал раскапывать пепел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.